

АЗБУКА ВЕРЫ

Павлова Нина

Рассказы

Художественная литература 2022

Рассказы

Павлова Нина

Великопостные пирожные

Это был первый Великий пост в моей жизни. Все было еще в новинку, и все переживалось бурно. Долгие монастырские службы переполняли душу радостью, зато простая великопостная пища была для меня сущим наказанием. Иду однажды в трапезную монастыря и думаю с отвращением: «Опять эти каши, каши!» А я их с детства не выношу.

Задумалась я о ненавистных мне кашах и не заметила, как откуда-то сбоку подошел архимандрит Иоанн (Крестьянкин) и говорит:

- А у меня слюнные железы, вероятно, так устроены, что я черный хлеб ем как пирожные.

Благословил меня архимандрит и помолился, возложив руки на мою голову, забитую помыслами о кашах. С той поры и поныне я искренне каюсь Великим постом:

- Батюшка, я же не пощусь, а пирую. До чего все вкусно!

Молитва схимника, или Как я спасала мир

Имя этого схимника из Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря мне, к сожалению, неизвестно. Да и знакомство наше не назовешь знакомством – так, мимолетное виденье в весенний день. По случаю хорошей погоды схимника вывезли на инвалидной коляске в цветущий яблоневый сад. И я оторопела, увидев его, – древние живые мощи и одновременно молодые веселые глаза. Белые лепестки яблонь, осыпаясь, парили над схимником, а воробьи доверчиво садились к нему на колени. Тощий юный воробьишка пытался клевать «старческую» гречку на руках иеросхимонаха, а воробьи потолще наблюдали за ним.

Позже я освоила тот этикет бойкости, когда при встрече надо сказать: «Батюшка, простите, благословите». А тут, как глупый воробей, глядела на схимника, а он улыбался мне. Вот и все – молчали, улыбались. А потом схимника увезла обратно в келью, и он спросил на прощанье:

- Как твое святое имя, детка?

- Нина.

Больше я схимника не видела, но через насельника монастыря Игоря иногда получала известия о нем. Впрочем, сначала два слова об Игоре.

В миру он погибал от наркотиков, и отчаявшиеся родители привезли его на отчетку в монастырь. Здесь он исцелился, полюбил монашество и решил остаться в монастыре навсегда. Он уже подал прошение о зачислении в братию, но вдруг заколебался. Игоря, как говорят, «закрутило» – он начал окормлять юных паломниц, влюбленно внимавших своему «аввочке», а заодно решил облагодетельствовать схимника, вызвавшись ухаживать за ним. Ругал он при этом схимника нещадно:

- Грязь развел. Беспредел! Печь закопченная, окна немытые, и ремонта не было сорок лет.

Родители Игоря, люди денежные, тоже решили облагодетельствовать схимника, сделав в его келье евроремонт. Но когда они с прорабом явились к схимнику, тот испуганно забормотал, что он, мол, грешный, совсем многогрешный, и недостойн таких забот.

- Батюшка, - сказала недавно крестившаяся мама Игоря, - Господь по неизреченному благоутробию прощает грехи, если кается человек. Вы уж, пожалуйста, поскорее покайтесь, а мы ремонтик вам провернем.

Схимник охотно обещал покаяться, но от ремонта отказался наотрез. Он уже угасал и почти не ел, отдавая все силы молитве. А Игорь с благими, конечно, намерениями неустанно терзал его:

- Батюшка, если вы не будете кушать, я вызову врача и вас будут кормить через шланг с воронкой.

Но схимник и от шланга увернулся.

- Прихожу и радуюсь: кашу съел, - рассказывал Игорь. - А он, оказывается, втихую кормит этой кашей мышей.

При виде мышей, внаглую поедающих кашу, да еще под присмотром схимника, Игорь вскрикнул по-бабьи и заявил:

- Батюшка, в келье мыши. Я сейчас кошку принесу.

- Зачем кошку? Она их съест, - забеспокоился схимник. - Они уйдут, уйдут, я им скажу.

Мыши, действительно, ушли из кельи, а Игорь решил уйти из монастыря.

Отзывался он теперь о схимнике совсем непочтительно: мол, мышей разводит да от скуки гоняет чертей. Впрочем, о втором занятии, «от скуки», Игорь говорил неохотно, но картина была такая. Откроет схимник свою особую тетрадку в розовой обложке, начнет молиться - и вдруг шум, визг, что-то страшное. Игорь пугался, а схимник говорил благодушно:

- Ишь чего захотел, окаяшка, - живую душу в ад утащить. А душа-то Божия, душа спасется.

Кончина схимника так поразила Игоря, что он уехал потом на Афон.

Зашел попрощаться и рассказал, что схимник перед смертью попросил омыть его, чтобы не затруднять братию при погребении. Положили его в бане на лавку, и вдруг некая сила с грохотом вышибла лавку из-под батюшки.

А схимник будто ничего не заметил - и лежал на воздухе, как на тверди, продолжая молиться.

- Батюшка! - обомлел Игорь. - Вы же на воздухе лежите!

- Молчи, молчи, - сказал схимник. - Никому не говори.

Но Игорь, не утерпев, рассказал. Я же выпросила у Игоря ту самую розовую тетрадку, по которой молился схимник.

* * *

Эта была тетрадка в косую линейку, образца тех времен, когда школьники писали еще чернилами и требовалось писать красиво. На задней обложке - таблица умножения. А в самой

тетрадке то Богородичное правило, когда сто пятьдесят раз читают «Богородице Дево, радуйся», а после каждого десятка идут определенные прошения. Молитвы эти известны и изданы в сборниках.

Но у схимника были свои молитвы, написанные тем древнемонашеским, уже забытым языком, что моя филологическая душа затрепетала от красоты и таинства слов. До сих пор жалею, что не переписала тетрадку, а она ушла по рукам. Современный язык беднее и грубее. И как передать тусклым нынешним словом пламенную любовь схимника к Богу и людям? Схима – это молитва за весь мир. А схимник, кажется, воочию видел бедствия мира: кто-то гибнет в пучине порока, кто-то отчаялся в скорбях, а кто-то сует голову в петлю. Особенно меня поразила молитва схимника о самоубийцах, а точнее, о людях, замысливших покончить с собой. Тут схимник плакал и вопиял к Божией Матери, умоляя Ее спасти эту драгоценную душу – сокровище сокровищ и цены ей нет. В тетради была песнь песней о душе человека. Но поэзию не выразишь прозой, а потому приведу свидетельство профессора нейрохирурга:

- Пошлость и убожество атеизма, – говорил он, – заключаются в том, что им неведомо величие Божиего замысла о человеке. Ведь даже мозг используется лишь процентов на пять. Потенциал огромный, и человек сотворен Господом для воистину великих дел.

Вот об этой великой душе и плакал схимник, умоляя Господа послать Ангела, чтобы оборвал веревку висельника или обезвредил смертное питье.

А так бывает – это известно из рассказов людей, переживших попытку суицида. Одна художница рассказывала, как в угаре богомной жизни она дошла до такого опустошения, что решила покончить с собой. Набрала в шприц яду и уже приготовилась сделать смертельный укол, как шприц вдребезги разлетелся у нее в руках. После крещения она стала духовной дочерью известного старца и узнала, что в тот смертельный для нее миг старец бросился на колени, умоляя всех присутствовавших молиться о ней.

Молитва схимника о мире была для меня таким откровением, что я попросила своего старца, архимандрита Адриана, благословить меня молиться по тетрадке этого схимника.

- А ты сможешь? – усмехнулся батюшка.

- Смогу.

- Ты сможешь?! – гневно переспросил он.

- Батюшка, да я дважды в день буду тетрадку читать. А вы, прошу, помолитесь, чтобы у меня молитва пошла.

- Уж я-то помолюсь! – пригрозил старец и, зная мое упрямство, нехотя благословил.

Два дня я молилась по тетрадке схимника, упиваясь красотой молитв и даже не замечая: а что со мной? Вижу все, как в тумане, и будто оглохла, как сквозь вату проходит звук. А потом начались ужасы. На молитве о самоубийцах в воздухе нарисовалась петля висельника и кто-то мерзкий внушал: «Сунь голову в петлю!» Чего-чего, а помыслов о самоубийстве и каких-либо видений у меня сроду не было. А тут даже зубы застучали от страха.

Всю ночь я просыпалась от леденящего ужаса, а наутро не смогла встать.

Каждая мышца дрожала, как кисель. Дыхание пресекалось, и краешком угасающего сознания угадывалось – это смерть. С тех пор я знаю силу бесовского приражения – паралич воли под

наркозом помыслов: «Смерть – это хорошо: отдых, покой». Меня спасла моя мама, а точнее, ее рассказ, как она заблудилась в Сибири в пургу. Конь выбился из сил, а мама упала в сугроб. Она уже засыпала сладким смертным сном, как затрепетало материнское сердце: дочка маленькая, грудничок, совсем беспомощная еще. И мама намертво вцепилась в поводья, посылая коня вперед. Так конь и привез домой уже бесчувственную маму, и она говорила потом:

- Ты меня, дочка, от смерти спасла.

Теперь настал мой черед любви и памяти о ближних, таких больных и беспомощных без меня. И я поволокла себя к монастырю. Падала, цеплялась за кусты и деревья и через силу двигалась вперед. Возле монастыря мне стало дурно. Припала к стене универсама и перепугалась – из витрины магазина на меня смотрел упырь с зеленым лицом и налитыми кровью глазами. Я отшатнулась в испуге и догадалась: в витрине – зеркало, а упырь – это я.

К старцу Адриану обычно трудно попасть, но тут он вышел меня встречать.

- Ну что, помолилась? – спросил он невесело.

- Помолилась, – просипела я, ибо голоса уже не было.

- Поняла?

- Поняла.

- Дай сюда свой помянник.

Мой помянник в ту пору был чуть потоньше телефонной книги Москвы – друзья, знакомые, малознакомые. Словом, я жаждала спасти мир, не умея спасти себя. И теперь старец вычеркивал из помянника имена со словами:

- Не потянешь. Не потянешь. Не потянешь. А этого идола окамененного напрочь забудь и не смей поминать!

«Идол окамененный» был известным драматургом и слыл в нашей компании интеллектуалом. А недавно с достоинством интеллектуала он рассуждал с телеэкрана об ошибках Христа. Господи, как стыдно бывает за прошлое, а оно настигает нас.

После ревизии старца в помяннике остались лишь имена моих родных, крещенных по обычаю, но неверующих. Повздыхал батюшка над их именами и сказал:

- Вот твой крест – отмаливать родных. Жалко мне тебя, сестра. Тяжелый крест у тебя.

Смысл этих слов открылся мне позже, когда мои родные приходили к Богу через великие скорби и боль. Слез тут было пролито немало. Но слава Богу за все, а скорби – школа молитвы.

Тамара

Похожий случай был с моей подругой Тамарой. Батюшка благословил ее читать Евангелие и Псалтирь за мужа, страдавшего тогда винопитием. А поскольку на их улице после получки добрые молодцы массово отдыхали в лужах, Тамара стала отмаливать и их. Однажды на молитве она упала в обморок, а через неделю ее увезли на «Скорой» в больницу.

После больницы батюшка устроил ей разбор полетов и выговаривал:

- Ты что это, мать, на себя берешь - всех пьяниц решила отмолить? А пупок не развяжется, а?

Помянник Тамары теперь тоже похудел. А годы спустя она признавалась:

- Как же трудно молиться, даже за родных! С мужем полегче, да с сыном беда. Как уехал в Америку, так перестал причащаться и годами не ходит в храм.

У Тамары больное сердце и давление скачет. Но она ночами стоит на коленях в слезной материнской молитве за сына. Трудно молиться, а надо, надо. Такая острая боль - сын!

О немощных

Православный человек Петр Мамонов, сыгравший роль старца Анатолия в замечательном фильме «Остров», сказал о себе, что в духовной жизни он продвигается пока «муравьиными шажками». Многие могут так сказать о себе, ибо большинство в нашей Церкви все-таки люди новоначальные. Да, образованные и порой именитые, но позади почти у каждого та костоломка безбожной жизни, что тут не Россию впору отмаливать, а каяться и каяться в грехах. «Нам оставлено лишь покаяние», - писал о Церкви наших дней игумен Никон (Воробьев).

Поневоле сравниваю нынешнее поколение с поколением людей, ходивших в церковь в годы гонений. Они шли к Богу не за выгодой, а по той безоглядной любви к Нему, что уводила их потом в лагерь. А сейчас молодого человека уговаривают: сходи в храм, помолись - и получишь мешок пряников с вагоном счастья в придачу. Не православие, а киска с бантиком. И я понимаю, почему молодежь идет к младостарцам и патриотам-экстремалам - они зовут не к елейному благополучию, а на жертвенный подвиг во имя России. Жертвы тут неизбежны, а исход известен: слепой слепого ведет, и оба в яму упадут.

Но ведь хочется подвига, а с подвигами сложно. И стоит молодому человеку начать подвизаться по образу древних, с ночными бдениями впроголодь и многосотенными земными поклонами, как опытный духовник остановит его. Что поделаешь? Время такое. Еще в первые века христианства святые отцы предсказывали о тех грядущих временах, когда люди не смогут и в малой степени повторить подвига древних, и не будет рядом великого Аввы, исцеляющего недужных возложением рук и вдохновляющего своим примером. Наш удел - спастись скорбями. И мы, как думаю я иногда, немощная пехота последних времен. Но и немощным дарует силу Господь.

В минуту скорби о бедствиях Отечества я читаю и перечитываю «Сказание Авраамия Палицына» о нашествии на Русь поляков и об осаде Троице-Сергиевой лавры. Время другое, а проблемы все те же - о мудрых века сего и немудрых, о тех, кто похваляется спасти Россию, и о людях, действительно спасающих ее. А поскольку летопись преподобного Авраамия стала, к сожалению, библиографической редкостью, рискну напомнить некоторые эпизоды из нее.

Был в осаде Троице-Сергиевой лавры тот, особо трагический, момент, когда Лавра осталась беззащитной. Убиты 2125 защитников ее, 797 монахов, и в монастыре стоит смрад от ран умирающих. И тут на первый план выдвигаются простецы-немощные, увечные, убогие и не обученные ратному делу. Простецы делали вылазки за стены монастыря, чтобы раздобыть для обители дров и хоть какой-то провиант с огорода. А когда поляки начинали преследовать простецов, эта малая увечная дружина отважно бросалась в бой, обращая их войско в бегство. В монастыре дивились чуду, а простецы объясняли, что не своею силою одержали победу, но молитвами чудотворцев Сергия и Никона Радонежских. Сами же поляки свидетельствовали, что видели преподобного Сергия, возглавляющего битву простецов.

И еще о немощных и власть имущих. На помощь осажденной Лавре приходит «избранное войско» под водительством боярина Давида Жеребцова.

Первым делом боярин опустошил житницы Лавры, отобрав последнее пропитание для своих нужд. Летопись повествует, кажется, не только о воеводе Давиде, но и о тех «боярах» новейших времен, что «не пекутся о препитании мучащихся в бедах, но строят о себе полезнаа». Горько «плакахуся» тогда чернецы, привыкнув делиться последним куском с сиротами и вдовами, укрывшимися в стенах Лавры. И за их любовь к обездоленным Господь свершил чудо, неведомым образом пополняя житницы. Наконец наступает время битвы. Воевода настолько уверен в своих силах, что презирает просьбу простецов помолиться перед боем. Он насмеяется над верой простолюдинов: «Их же много бесчестив и отслаив прочь, не повеле с собою исходити на брань». А вместо победы – поражение, гибнет войско в окружении врагов. И совсем бы пропасть воеводе со избранным войском, если бы не бросились в бой боголюбивые простецы: «и по обычаю простоты немощнии бранию ударивше, и исхищают мудрых из рук лукавых».

А может, думается иногда, Господь потому и убирает от нас человеческие подпорки, и нет рядом великого Аввы, чтобы в осознании своей немощи мы стяжали нищету Христову, возложив все упование на Господа? Такая вера свойственна святым и нашей Святой Соборной и Апостольской Церкви. Вот почему в дополнение к событиям прошлого расскажу историю, случившуюся уже в наши дни в Оптиной пустыни.

В жаркий летний день возле храма стоял дюжий мужик странного вида – вся грудь в иконах и крест-накрест вериги. Люди спешили на всенощную, а он останавливал их, убеждая, что теперь уже в церковь ходить нельзя, ибо там, на престоле, уже «воссел сатана». Речь странника была горячечной и с хорошо известным текстом – про печать антихриста в паспортах и о том, что теперь нельзя доверять священникам, а также жениться и рожать детей. Спорить с такими людьми бесполезно, но молодые мамы все же возмущались:

- Ну да, Хрущев нам обещал показать по телевизору последнего попа, а теперь и последнего ребенка покажут?!

Началась всенощная. Двор опустел, и проповеднику стало скучно. Он робко заглянул в храм, где уже шла лития, и, осмелев, возвысил голос, обличая «сатанинскую церковь». Такие ситуации в монастыре легко разрешимы, и монахи выводят из храма шумных людей. Но тут произошло то, что трудно объяснить, – отец наместник дал знак не трогать буяна. Почему так, не знаю, но вызов был брошен самой Церквью, и монахи приняли его. На солее замерли в пламенной молитве священники. И в храме стояла та тишина, когда в едином порыве все молили Господа: утверди, укрепи и защити Церковь Твою Святую, юже снабдел еси честною Твоею Кровию!

А буян кричал все громче и продвигался все дальше – вот-вот схватит за рясу служащего священника и кинется в драку. И тут произошло то, что я видела только в видеозаписи, когда ураган гнет деревья и сокрушает дома. Так все и было. Некий вихрь гнал хулителя из церкви, он пятился спиной вперед и отбивался от кого-то невидимого руками. Его буквально выдуло из храма. Как ни странно, но это было мало кому интересно. Душа уже вознеслась в горня, ликуя о Господе, сотворшем небо и землю и давшем нам обетование: «Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18).

Кстати, года четыре спустя я увидела в храме того самого странника, молящегося. Вериг и иконостаса на груди уже не было, и видно было, что человек тяжело болен и обнищал. Какая-то женщина сунула ему денег, а бабушка Дарья, постриженная недавно в схиму, дала

просфору.

- Матушка, - взмолился к ней странник, - болею я сильно. Помолись за меня!

Бабушка-схимница тоже из простецов. Родила девятерых детей, двоих потом схоронила, и всю жизнь проработала нянечкой в Доме престарелых. Однажды она забыла дома очки и попросила меня написать ей записки об упокоении. Написала я записок десять - рука устала, а схимница все продолжала перечислять имена сирых стариков, скончавшихся у нее на руках:

- Безродные они. Поминать их некому.

Если кто-то назовет нашу схимницу молитвенницей, она не поверит.

Или, возможно, ответит, как отвечал в свое время на просьбу помолиться оптинский новомученик иеромонах Василий:

- Ну, какой из меня молитвенник? А вот помянуть помяну.

Сколько я знаю таких нянечек и академиков, не считающих себя молитвенниками, но, напротив, немощными и грешными людьми. Молятся, как умеют. Каются перед Господом и уделяют от своих щедрот или скудости лепту для сирот и болящих. Они не спасают Россию - они строят ее: возводят дома и храмы, оперируют больных и учат детишек в школах.

Зарплата в провинции мизерная - на грани нищеты. Но врачи по-прежнему выхаживают больных, а учителя не бегут из школы, искренне не понимая людей, которые идут на панель или в бандиты, утверждая, что выбора нет. Выбор всегда есть. Помню, как на предвыборном митинге в Козельске оратор-коммунист страшил людей всевозможными бедами, если не проголосуют за него.

- До чего довели людей, - воскликнул он пылко, - на одних лишь грибах живем!

- Ничего, на картошке с грибами продержимся, - ответили ему из толпы. - А ты не запугивай, милый, народ. С нами Бог!

Хороший у нас, в провинции, народ.

Лжесвидетельство

Кажется, его звали отец Василий, но точно не знаю. Совсем старенький был батюшка, ветхий с виду. Прихожане говорили, что ему девяносто с чем-то лет, и долгие годы он сидел по тюрьмам и лагерям как исповедник Христов.

Кажется, его звали отец Василий, но точно не знаю. Совсем старенький был батюшка, ветхий с виду. Прихожане говорили, что ему девяносто с чем-то лет, и долгие годы он сидел по тюрьмам и лагерям как исповедник Христов.

Видела я батюшку один-единственный раз в Коломенском храме Казанской Божией Матери, но его проповедь, произнесённая в первый день Великого поста, помнится и поныне.

картошка— Пост это время духовной весны и время подвига, — говорил батюшка. — А подвиг, мои родные, требует сил. Вот я сегодня испёк в духовке две картошечки и очень сытно поел. И вы, мои хорошие, не измождайте себя постом. Вы кушайте, кушайте.

Каким же светлым надо быть человеком, чтобы так светло думать о людях, полагая, что мы, как аскеты древности, будем измождать себя в подвигах поста. А мы и не изнурили себя. Постились, конечно, строго по Уставу, но со временем настолько преуспели в кулинарном искусстве, что постный обед превращался в пир.

Иногда это было полезно в педагогических целях. Помню, однажды студент-паломник попросил меня поговорить с его мамой, не раз плакавшей из-за того, что сын в посты не ест мяса, а без белков организм обречен на анемию. После великопостной воскресной службы пришли они с мамой к нам домой, а у нас в тот день на обед были чечевичные котлеты, внешне похожие на мясные.

— Как — вы мясо в пост едите? — удивилась мама, а, распробовав, восхитилась. — Потрясающе вкусно, вкусней мясных котлет! Как вы их готовите?

— Элементарно. Перемалываем на мясорубке отварную чечевицу, добавляем много лука, чеснока и чуточку хлеба. Можно добавить щепотку крахмала, чтобы котлеты не разваливались.

В общем, мама ушла от нас успокоенная, потому что чечевица — это тоже белки.

Но самый долгий кулинарный марафон мы пережили с верной женой Натальей, потратившей немало сил, чтобы привести в церковь своего любимого мужа Толика. Привела. Анатолий уверовал, но посты почему-то не признавал. Между тем, это был блестяще образованный человек. В своё время Анатолий окончил философский факультет, но вскоре обнаружил, что в условиях рыночной экономики его философия никому не нужна. О своей жизни он рассказывал так: «Недавно прочитал в газете объявление: “Даю уроки математики, выгуливаю собак, а также лужу, паяю и клею обои”. Вот и я “лужу, паяю” и хватаюсь за любую подработку».

Временами семья жила лишь на зарплату жены, хотя Анатолий старался, как мог: подрабатывал репетиторством и писал диссертации за «хитрованов». Так он называл разбогатевших вороватых нуворишей, одержимых стремлением выглядеть в глазах общества утончёнными интеллектуалами.

Свою первую и неожиданно высокую зарплату Анатолий стал получать только тогда, когда его пригласили на работу в газету, призывающую доверчивых читателей лечиться исключительно силами природы. Это была газета счастья, вселяющая в людей лучезарные надежды, потому что, если приложить к больному месту лопух или выпить отвар какой-нибудь хламидомонады, то вам гарантировано исцеление от рака, бесплодия и даже от старости. Журналисты, не отходя от гонорарной кассы, сочиняли письма благодарных читателей, а также публиковали советы астрологов и модных ныне неоязычников, пишущих слово «природа» с большой буквы, а «Бог» — с маленькой. Газета, как нефтяная скважина, давала издателю хороший барыш. Но много денег не бывает, и однажды издатель заметил своё упущение — в церковь, оказывается, ходит уйма народа, а у него не охвачен православный электорат. И тогда он пригласил на работу Анатолия, поручив ему писать о православии.

Первое время наш Толя летал на крыльях и не только потому, что семья, наконец-то, выбилась из нужды. Самое главное, он нашёл дело своей жизни и настолько увлёкся богословием, что в поисках истины сидел ночами над книгами.

А поиски истины неизбежно приводят к тому, что душа вдруг начинает ощущать зловоние лжи. И вскоре Анатолия замутило от этой газетёнки, где фотографии православных храмов соседствовали с шаманскими амулетами и прочей бесовщиной. Теперь он говорил о себе

словами Есенина: «Розу белую с чёрной жабой я хотел на земле повенчать». Но куда идти работать? Куда?

Как раз в ту пору знакомый иеродиакон пожаловался мне, что вот поручили ему издавать православный журнал, а только нет у него людей, понимающих хоть что-то в журнальном деле. Иеродиакон был человек с юмором и рассказывал:

— После армии я заведовал сельским клубом. И однажды на совещании культпросветработников министр Фурцева произнесла свою знаменитую фразу: «Культурки бы нашим работникам культуры побольше, а ведь так замечательные люди». Вот и вокруг меня одни замечательные люди. Понимаете?

Иеродиакон искал сотрудников для журнала, а Анатолий — работу. И Господь свёл их однажды в Оптиной пустыни. Иеродиакону понравились статьи Анатолия, и он пригласил его на работу в журнал, предупредив честно, что зарплата у них, к сожалению, мизерная.

— Я хочу свидетельствовать о Христе, — твёрдо сказал Анатолий.

Он даже начал поститься, но постоянно срывался и насмешливо говорил жене, что редька с квасом, конечно, могучее средство для умножения добродетелей, но лучше без ханжества позавтракать яичницей.

— Толика надо переубедить! — взывала ко мне Наталья.

Словом, однажды Великим постом Наталья уговорила мужа и иеродиакона пожить неделю в монастыре, и я давала им в эти дни образцово-показательные постные обеды. И чего только не было на столе! Рассыпчатая отварная картошечка со свежим укропом, а к ней грибной жульен, малосольные огурчики, очень сладкие помидоры, маринованные в соке красной смородины, домашняя капуста-провансаль, плов с курагой и черносливом, соте из баклажанов, лобио по-грузински с орехами, щи по-валаамски с кислой капустой и грибами, запеканка из тыквы с изюмом — всего не перечислишь. А на десерт шли пироги — постный яблочный пирог с корицей, пирожки с курагой, с грибами, с фасолью и король поста пирог «Луковник».

— Так я готов поститься каждый день, — сказал Анатолий и спросил иеродиакона. — Но всё-таки я до конца не пойму, а почему непременно надо поститься?

— Потому что чревоугодие — это первый грех человечества. И когда Адам съел плод от древа познания добра и зла, человечество проиграло своё важнейшее сражение: люди, сотворённые Господом бессмертными, стали смертными.

— А почему нельзя вкушать плодов от древа познания добра и зла?

— Чтобы не возрасть в познании зла. А мы здесь уже так преуспели, что даже дети подчас отравлены скверной.

Вот один из уроков жизни — нельзя никого осуждать, ибо однажды сбывается сказанное: «Многие же будут первые последними, а последние первыми». (Мф. 19, 30.) Анатолий и Наталья теперь постились строго по-монашески. Мы же, честно говоря, обходились без елея только в первую и последнюю седмицу Великого поста и выпросили благословение у батюшки, чтобы в остальные недели готовить всё же на постном масле.

— Можно прекрасно обойтись без елея, — наставляла меня Наталья. — Я, например, толку бруснику с чесноком, разбавляю водой с добавлением сахара. А отварная картошка с

брусничным соусом — это вкусно и очень полезно.

Недавно Наталья привезла мне рецепт наивкуснейшего, по её словам, постного торта. Я нехотя переписывала рецепт слишком хлопотного в приготовлении лакомства. Анатолий с иеродиаконом в это время искали в Интернете какую-то нужную им статью и вдруг наткнулись на сообщение — умерла Марина Журинская, в крещении Анна.

Журинская

А Марина Андреевна — это целая эпоха в православной журналистике. Помолитесь мы об упокоении рабы Божьей Анны, погоревали. А Анатолия потянуло заново перечитать её статьи. После смерти человека его слова и поступки обретают особенный смысл. И Анатолия поразило одно высказывание Марины Андреевны: «Мы должны свидетельствовать о Христе СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ ВО ХРИСТЕ, — утверждала она. — Потому что свидетельство о Христе исключает лжесвидетельство. А когда мы говорим одно, а делаем другое — это и есть лжесвидетельство».

— Марина Андреевна свидетельствовала о Христе, а я лжесвидетель, — тихо сказал Анатолий и вдруг взорвался. — Как Великий пост, так великий жор! Постные тортики, пироги, вкуснятина! Осуждаем неверующих, угождающих чреву, а сами мы кто?

Наталья, считающая своего мужа лучшим человеком планеты, бросилась, было, обелять его, но иеродиакон сказал:

— Брось, Наталья. Мы лжесвидетели. Господь сказал: «Вы - свет мира». А кого из нас светочем назовёшь?

Светочей среди нас не было. Конечно, мы привыкли считать себя грешными людьми. А кто без греха? Но было страшно от той правды, что грешная жизнь и есть лжесвидетельство. Все молчали, притихнув. Иеродиакон сосредоточенно молился по четкам, и вдруг сказал оживлённо:

— А я встречал тех людей, о которых воистину сказано, что они свет мира.

Он рассказывал о нищем сельском священнике, в котором он увидел то сияние святости, что привело его потом в монастырь. А мне вспомнился аскет-проповедник из Коломенского храма, возлюбивший Христа той великой любовью, что привела его в лагерь. Эта любовь обнимала наш храм, и батюшка видел в нас воинов Христовых, не щадящих себя в подвигах Великого поста. Но всё-таки важно не ослабеть в битве, и он уговаривал нас: «Вы кушайте, кушайте».

Михайлов день

Мои друзья - люди добрейшие и, желая услужить ближним, охотно дают путешествующим мой адресок: дескать, свой человек, поживёте у него.

Адрес потом распространяется по цепочке. И когда на пороге моего дома возникает юное создание, говоря, что она от тети Зои из Чернигова, я сгоряча готова утверждать, что никакой тети Зои не знаю и визит, очевидно, не ко мне.

Мои друзья - люди добрейшие и, желая услужить ближним, охотно дают путешествующим мой адресок: дескать, свой человек, поживёте у него.

Адрес потом распространяется по цепочке. И когда на пороге моего дома возникает юное создание, говоря, что она от тети Зои из Чернигова, я сгоряча готова утверждать, что никакой

тети Зои не знаю и визит, очевидно, не ко мне. Но это не так, ибо из вопросов выясняется, что у тётки Зои есть брат Боря из Тамбова, женатый на Анечке из Смоленска, а в Смоленске у меня друзья. Стоп, всё понятно кто от кого.

Именно таким круглым путём вошла в мою жизнь Люба Штирлиц. И если я, простите, называю её Штирлицем, то ведь и батюшка так говорит. Бывает, увязнет дело в инстанциях, а наверх не пробиться никак, и тогда батюшка прибегает к крайним мерам:

- Найдите Любу Штирлиц. Она пробьётся!

Нет, потом батюшка говорит, спохватившись, что называть так рабу Божию Любовь всё же неблагочестиво. Однако желанного благочестия у нас у всех хватает ненадолго, потому что Люба Штирлиц она и есть Люба Штирлиц. И чтобы понять, почему к ней приросло это прозвище, надо вернуться в те минувшие годы, когда в Москве появился беженец из Чечни архитектор Георгий.

* * *

В чеченскую войну Георгий потерял всё: дом, работу, жену и сына. Дом разбомбили. Жена-чеченка ушла к полковому командиру и забрала сына с собой. А поскольку белоголовый малыш с чисто славянской внешностью оскорблял менталитет гордых воинов Аллаха, полевой командир решил вернуть его отцу, но на своих условиях: выкуп. Таких огромных денег у Георгия не было, и он бросился звонить в Москву своему почти столетнему деду. Дедушка плакал, слушая внука. Обещал помочь деньгами и отписать внуку по завещанию свою трёхкомнатную квартиру. Но как ни спешил Георгий к деду, а опоздал. Дедушку уже успела сводить в загс разбитная молодуха из бара, и столетний молодожён влюбился в неё. В общем, Георгия даже в квартиру не впустили, хотя дедушка влюблённо ворковал за дверью:

- Заинька, пусти внука в дом. Ты же добрая!

- Ша как дам по башке, чтоб захлопнул пасть! - рявкнула Заинька.

Больше признаков жизни дедушка не подавал. И начались для Георгия московские мытарства - жить негде, а на работу не берут, опасаясь подозрительного чеченского паспорта.

Беженца жалели. Регент Вера Фёдоровна приютила его у себя и отвезла к батюшке в подмосковный храм, где она пела на клиросе. Здесь Георгий крестился и стал работать на восстановлении храма, хотя батюшка честно предупредил: денег нет, зарплата копеечная. А Георгию надо на выкуп собирать.

Батюшка с Любой искали спонсора и денежную работу для Георгия. Но спонсоры в их малоимущем окружении почему-то не водились. И Люба, работавшая тогда паспортисткой, устроила Георгия на стройку к жильцу их дома Нугзару. Тот посулил золотые горы, и Георгий работал всё лето, как каторжный. А в сентябре Нугзар уволил его, не заплатив ни копейки:

- Прости, дорогой, пока денег нет. Особняк купил, вах!

Ну, откуда же у Нугзара деньги, если он купил особняк?!

В октябре стало ещё хуже. К Вере Фёдоровне вернулся из армии сын и привёл в их однокомнатную квартиру молодую жену. Жить Георгию теперь было негде. И Люба бросилась уговаривать истопника Надежду пустить Георгия в свой деревенский дом, доставшийся ей в наследство от тётки.

- Пусть живёт, - сказала Надя устало. - Мне теперь без разницы, и гори оно всё!

Усталость Нади имела свои причины - она надорвалась в борьбе за женское счастье.

Так хотелось детей и мужа, а никто её замуж не взял. Ростом Надя была великанша, а к сорока годам раздалась и вширь. Нос картошкой, коса до пояса и васильковые, детские наивные глаза. Она уже смирилась со своей участью, когда прочитала в гламурном журнале, как миллионерша-калека (страшной крокодила!) в 42 года вышла замуж за принца и уже ребёночка ждёт. И Надя решила разбогатеть. Взяла в банке кредит и бычков на откорм. Отдежурит ночь в кочегарке и мчится в деревню холить-лелеять и выхаживать телят. Уставала, но любовалась собою в мечтах - через год она будет миллионершей. Цены на мясо вон как растут!

Через год она стала «миллионершей», задолжав миллион банку, правда в старых ещё деньгах. А попытка продать мясо по выгодной и высокой тогда рыночной цене завершилась тем, что Надю едва не изувечила торговая братва.

- Так теперь везде, - сказали ей бывалые фермеры. - Или отдай им мясо за копейки, или тебя вместе с фермой сожгут.

И Надя заболела, не понимая, что болеет, и даже не замечая поселившегося в её доме Георгия. Просто однажды упала у колодца и уже не смогла встать.

Десять дней она отлежала в забытии, смутно чувствуя сквозь сон, как кто-то даёт ей лекарства и пытается напоить. Очнулась она от стука молотка. Вышла во двор и удивилась - гнилых ступенек у входа уже не было, а вместо них красовалось нарядное крыльцо. Она посмотрела на незнакомого человека с молотком, припоминая - вроде Георгий? И без памяти влюбилась в него.

Великанша была застенчивой и не навязывала своих чувств постояльцу. Просто сядет иногда возле него на крыльчке и скажет:

- Закат красивый. Вы любите природу?

- Что? Ах да, и правда похолодало, - отвечал невпопад Георгий и уходил в свою комнату с книжкой.

Она редко видела Георгия. Он постоянно ездил по Москве в поисках работы и от безвыходности брался разгружать вагоны, скрывая, что у него большое сердце. Неделю он почти сутками разгружал вагоны, стараясь заработать на выкуп. В метро достал из бумажника фотографию сына и, вскрикнув от боли, умер от инфаркта.

Утром 20 ноября Надежда позвонила в квартиру Любы, молча поставила на стол бутылку водки и оцепенела у окна.

- Надь, что случилось? - забеспокоилась Люба.

- Георгий умер от разрыва сердца и в чёрном мешке сейчас в морге лежит.

- Почему в мешке?

- Их в мешках, как мусор, сжигают, если некому хоронить. За место на кладбище надо два миллиона, а всего миллионов шесть. Мне в морге сказали: «Пусть Ельцин хоронит! Сейчас из

морга даже родных не забирают. А вам с какой стати чужака хоронить? Кто он вам? Да бож прибудный!» - и заревела в голос: - Бо-омж!

Надя голосила по-деревенски над любимым, а Люба бросилась звонить управдому Кате:

- Кать, зови всех ко мне, мы стол накрываем. Как зачем? Михайлов день завтра. Ты Михайловна, я Михайловна. Надо родителей помянуть.

Охотников помянуть нашлось немало. И, открывая застолье, Люба сказала:

- Помянем родителей и новопреставленного Георгия. Третий день завтра - хоронить его надо.

- На какие шиши хоронить? - вскинулся сантехник Сомов. - Мои дети фруктов не видят, на макаронах големых живём!

- Пусть Ельцин хоронит! - стукнула по столу управдом Катя и заплакала.

Все затихли, вспоминая, как Катя бегала по людям, занимая деньги на похороны сестры, уехавшей в Африку зарабатывать валюту и вскоре сгинувшей там. Нужной суммы собрать не получилось. И Катя плакала, ужасаясь при мысли, что сестрёнку, может, кинули в яму, как падаль, или, как мусор, в печке сожгли. Никогда ещё не было на Руси такого срама, чтобы мёртвых бросали без погребения. Да, видно, настал наш срамной час.

Тихо плакала Катя. Все молчали. И было в этом молчании что-то жуткое, будто нежить дышала из-под земли. Почему мы живём, как побирušки, и в странном бесчувствии утратили стыд? Русский человек к нужде притерпится, но привыкнуть к бесчестию - нет. И Люба сказала, побледнев от волнения:

- Предлагаю пари - кто сильнее: Михаил Архангел или Ельцин? И если Архангел всё же сильнее, мы схороним Георгия в Михайлов день.

- Хана теперь Ельцину! - развеселился выпивший ещё с утра кочегар Федя. - Мужики, может, скинемся на бутылёк?

А плотник Василий сказал рассудительно:

- Люба, знаешь, сколько денег надо? Мы маму два года назад схоронили, а до сих пор в долгах как в шелках. Хорошо хоть гроб тогда сам сделал.

- И Георгию сделаешь гроб! - снова стукнула по столу управдом Катя.

- Досок нет - хлам да обрезки. Кать, я сделаю, но выйдет уродище.

- А мы тканью обтянем гроб, - сказала техник-смотритель Ирина. - У меня есть чёрный ситец в горошек. С белым кружевом выйдет нарядно.

- Гроб в горошек, х-ха? - продолжал куражиться Федя и упрямо гнул своё: - Господа товарищи, ставьте мне бутылёк! Хотите, всего за пол-литра палёнки сварю художественный металлический крест?

На Федю посмотрели нехорошими глазами, припомнив, однако, что прежде чем опуститься до полупьяного маргинального жития в кочегарке он был сварщиком экстракласса и знаменитым некогда монтажником-высотником. Был человек, да весь вышел. Что, совсем уже совести нет?

В затею Любы никто не верил, но веселила сама идея: может, Архангел Михаил одолеет Ельцина, а там, глядишь, наладится жизнь? Словом, не верили, но хлопотали.

Катя уже строчила на машинке, пришивая кружево к ситцу. Мужики отправились мастерить домовину, а женщины из бухгалтерии вызвались напечь на поминки блинов.

- Я котлет наверху из телятины, чтоб Георгия помянуть, - востропала тут зареванная Надя и умчалась в свою деревню стряпать и печь.

Люба же поспешила в подмосковный храм, где крестился и работал Георгий. Батюшку она перехватила уже на выходе из храма и изложила просьбу: похоронить Георгия возле храма, ведь в церковной ограде много земли. Батюшка перекрестился, помянув новопреставленного, и сказал с горечью:

- Я бы с радостью дал место Георгию, но земля в ограде не церковная, а городская. Без разрешения мэрии хоронить нельзя.

- Добьёмся разрешения! - сказала Люба решительно.

- Вряд ли. Земля в Подмоскowie на вес золота, даже пяди церкви не отдают. Мы уже в суд обращались, а толку?

Посомневавшись, батюшка всё же написал прошение и даже попросил знакомого довести Любу до мэрии.

Но оказалось, что к мэрии не подойти - оцепление, флаги, ОМОН и милиция.

- Пустите в мэрию, - умоляла Люба.

- Сегодня туда только косоглазых пускают, - сказал Любе бритоголовый скинхед.

- Ты у меня за «косоглазых» сейчас сам окосеешь, - пригрозил ему омовец и пояснил для Любы: - Японцы приехали - побратимы. Русский с японцем братья навек!

Тут из подъехавшего автобуса как раз вышло множество японских братьев, а Люба юркнула в их толпу и притворилась японкой. Щурит глаза узенько-узенько и семенит, как японка. Так и вошла с улыбочивыми побратимами в мэрию, и ОМОН вроде не заметил её.

Гостей встречал сам мэр и сразу учуял в толпе диверсанта: русским духом пахнет, а не японским. Когда же Люба сунулась к нему с прошением, он злым шёпотом отчитал охрану:

- Как этот Штирлиц сюда попал?!

Охранники уже начали было выталкивать Любу взащей, но тут умные японские братья застрекотали кинокамерами. Нельзя взащей - международный скандал.

И мэр вдруг весело посмотрел на Любу и наложил на прошение резолюцию: «Штирлицу от Мюллера. Разрешаю хоронить».

После столь оригинальной резолюции Любу и прозвали Штирлицем. Но это мелочи.

Главное, что разрешение дали, и батюшка с рабочими стал тут же готовить место для погребения. А Люба помчалась добывать катафалк. Обзвонила и обежала несколько агентств, но цены были такие немыслимые, что она решила выпросить автобус у Нугзара.

До загородного особняка Нугзара она добралась уже в сумерках. На лужайке перед домом Нугзар жарил шашлык, а вокруг мангала веселились гости. Бодигарды не пустили Любу в усадьбу. А когда через охранника она позвала Нугзара к телефону, он послал её известно куда. Но Люба потому и Штирлиц, что, подобно герою-разведчику, проникла через лаз в Нугзаров стан. Затаилась в кустах и ждёт момента.

Гости разъехались ближе к полуночи. Довольный Нугзар проводил гостей и рассмеялся, увидев в кустах Любу:

- Что сидишь, как мышь под веником? Говори.

И Люба заговорила:

- Нугзар, я пришла предложить пари - кто сильнее: Михаил Архангел или Ельцин?

- Это как? - заинтересовался Нугзар.

- А так. Если Михаил Архангел сильнее, мы похороним на Михайлов день Георгия-беженца и, учти, с Божьей помощью - без денег. Дай автобус на похороны. Или ты за Ельцина?

- Ельцин пьянь. Народы поссорил! - вскипел Нугзар. - Раньше люди уважали друг друга, а теперь я кавказская морда, да? Два автобуса даю. Лучше три бери! Пусть все люди знают - Нугзар говорит Ельцину: нэ-эт!

Нугзар, действительно, прислал на похороны три автобуса, и то едва хватило. Кочегар Федя приехал на своей машине, в которой с трудом уместился художественной работы металлический крест. Крест одобрили, любуясь узорами. Но больше смотрели на самого Фёдора - вместо бомжеватого Фёдьки-алкаша крест нёс перед гробом мастер Федор Иванович с орденами на пиджаке. Трижды бывает дивен человек, говорит пословица: когда рождается, венчается и умирает. И похороны в Михайлов день были тем дивом, что многим захотелось поехать в храм. На поминки несли, у кого что было. Управдом Катя напекла своих знаменитых расстегаев, бухгалтерия приготовила гору блинов, а Надежда привезла два ведра котлет и рюкзак солений. Даже несчастный дедушка-молодожён тайком от Заиньки сунул Любе деньги, и на них купили много роз.

На отпевании в храме былолюдно и шумно. Все крещёные, но большинство без крестов. И теперь толпа осаждала свечной ящик, раскупая кресты, иконы и свечи. Гомон затих, когда запел хор. И сладко отзывались в сердце слова, что все они и упокоивший среди роз Георгий есть образ неизреченной славы Божией. Этой дарованной Господом чести у человека никогда не отнять.

На погребении опять посматривали на Фёдора - он откуда-то знал, как вести себя в храме. Крестился, прикладываясь к иконам, и первый положил земной поклон у гроба, давая Георгию последнее целование. Глядя на него, учились на ходу. И когда гроб архитектора Георгия крестным ходом несли вокруг храма, все уже дружно пели: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас».

На Михайлов день было тепло. Алели гроздья рябины. И длинный общий поминальный стол накрыли во дворе под рябинами. Помолвились, помянув Георгия, и батюшка стал рассказывать о нём:

- Мы проводили сегодня в последний путь удивительного человека. Каюсь, согрешил, но так хотелось помочь Георгию с жильём, что я позвал своего друга адвоката. А тот сказал, что

любой суд утвердит права Георгия как наследника дедовой квартиры, доказав корыстные мотивы брака и недееспособность почти столетнего старика. А Георгий ответил: «Судиться с дедом? Это низко». Он был человеком чести. Адвокат потом возмутился: вот, мол, ваше убогое христианское смирение. Но смирение не убожество и малодушие, но мужество в перенесении скорбей. Великие скорби выпали Георгию.

Человек в таких испытаниях, бывает, ломается и становится ради выгоды соработником зла. Сколько озлобленности в таких соработниках и уверенности: каждый предаст. А Георгия предавали и обманывали, но он не предал и не обманул никого. Тут шла та духовная брань, когда зло пыталось сломить человека, а он жил и умер несломленным. Такими людьми жива Россия, и жива душа в неприятии зла. Все против нас – нужда, безработица. Георгий тоже числился безработным и доказал: безработицы нет.

Работы в России всегда много, и он работал как исполин. Строил, грузил, наш храм восстанавливал. А какую огромную работу он проделал посмертно – он привёл вас сегодня в храм. Кто-то, вижу, пришёл в церковь впервые, и кто-то уже не уйдёт из неё. Надежда, уверен, с нами останется, Люба останется, и Фёдор, думаю, верующий человек.

- Батюшка, в монастырь поступать собирался, да водка сгубила, – потупился Фёдор. – Простите, батюшка, сильно грешный я.

Вышло так, как предсказывал батюшка. Надежда после погребения осталась в храме и теперь работает здесь. Готовит в трапезной, убирает в церкви и подолгу стоит у могилки Георгия, глядя васильковыми глазами в синее небо. Иногда её спрашивают:

- Кто он тебе – муж?

- Лучше, – отвечает Надежда. – Он меня в храм и к Богу привёл.

Грешный Фёдор тоже прилепился к батюшке и охотно помогает ему на стройке. Пьёт, конечно, но уже умеренно. Главное, он возвращается к жизни и ему интересно жить.

С Любой было сложнее. Со всей искренностью невоцерковлённого человека она не понимала, зачем стоять два часа на литургии, когда столько неотложных дел: Маше надо достать лекарство, бабу Груню обманули с пенсией, а у Ксении такая депрессия, что психиатр настаивает на госпитализации.

- Люба, – сказал ей однажды батюшка, – ты у нас, конечно, герой Штирлиц, но обмельчает душа в суете. Поезжай, прошу, в монастырь и постой перед Богом в тишине.

И Люба приехала в Оптину пустынь, поселившись у меня.

* * *

Признаться, Люба меня удивила. Как уйдёт в пять утра на полунощницу, так и пробудет в монастыре часов до трёх, отстояв две литургии и все молебны.

- Люба, – поинтересовалась я, – а зачем ходить на две литургии подряд?

- Так батюшка велел – стоять перед Богом в тишине. А в храме тихо на душе. В первый раз такое!

Воцерковлялась Люба с приключениями, легко попадаясь в сети и ловушки, расставленные для

доверчивых несведущих людей. Однажды мы с ней едва не рассорились вот по какой причине. Собрали мы неимущей женщине деньги на лечение, а Люба повела её лечиться к «целительнице», работавшей под православную старицу – свечи, иконы и елейная псевдоцерковная речь. После «лечения» у колдуньи женщина, естественно, осталась без денег и, что хуже, с обострением болезни. И я обрушилась на Любу, когда она снова приехала в Оптину:

- Как ты могла повести человека к колдунье?

- Не колдунья она, – горячилась Люба, – у неё святые иконы висят!

Переубедить Любу не получалось, и я отвела её к старцу обители – схиигумену Илие.

Выслушал батюшка рассказ Любы о «целительнице» со святыми иконами и сказал:

- Передай ей мои слова: пусть призовет священника и покается.

Но когда Люба передала колдунье слова старца, та завизжала:

- Чтобы я, потомственная ведьма, у священника, блин, каялась? Никогда не покаюсь, хи-хи!

Дальнейшие события подтвердили истину. Колдунья купила себе апартаменты, а в освободившуюся квартиру поселили рабочего с семьей. После первой же ночи жена с детьми сбежала оттуда, не в силах вынести непонятного ужаса. А рабочий на третий день повесился.

Люба в потрясении пришла тогда на исповедь. До этого она каялась скорее в недостатке добродетелей: смотрела по сторонам в храме или молилась рассеянно.

А тут она принесла на исповедь толстую тетрадь с перечнем грехов. Так начался для потрясённой Любы путь покаяния.

После выхода на пенсию она три года жила по разным монастырям. Заскочит на день в Москву за деньгами и снова в нетерпении мчится к чудотворным иконам и святым мощам. За эти годы она привела к Богу множество своих знакомых, тут же отправлявшихся вместе с ней в паломничество. Дар такой у Любы – вдохновлять и увлекать за собой людей. Духовного отца у неё не было, но после истории с колдуньей она доверилась схиигумену Илие и главные вопросы решала только с ним.

Однажды она приехала в Оптину на преподобного Амвросия Оптинского – на престольный праздник, конечно, но и в надежде повидать старца. Народу на празднике было видимо-невидимо, и после литургии старца окружила такая толпа, что и близко не подойти. Но Люба Штирлиц найдёт выход. Забралась она повыше на бревна, сложила руки рупором и кричит старцу через толпу:

- Батюшка Илий, Ксения снова болеет. Что делать?

Старец тоже сложил руки рупором и отвечает ей:

- Молись за неё в N-ском монастыре.

- А когда туда ехать?

- Немедленно.

- На сколько дней?

- Навсегда.

Прибежала Люба ко мне - веко дергается в нервном тике. Схватила сумку - и бегом в дверь.

- Ты куда, Люба?

- В монастырь навсегда.

- Пообедай сначала.

Но у Любы всё просто: если старец сказал немедленно, значит, надо не медля бежать.

Бежит по улице что есть мочи, а я с иконой за ней. Это я в кино видела, как иконой благословляют в монастырь. Добежали до ворот Оптиной, а там игуменья с машиной из Н-ского монастыря. Я с иконой лью слёзы, а Люба заикается, с трудом выговаривая слова, что старец благословил её к ним в монастырь.

- Вот и хорошо, - сказала игуменья. - Садись в машину.

С тех пор Люба уже пять лет живёт в монастыре и не нарадуется, что попала сюда.

Некоторые сёстры считают её восторженной чудачкой и иногда жалуются на неё игуменье:

- Матушка, Люба опять пустила в свою келью на ночёвку бомжиху. Такая страшная и смердит, аки пес!

- Смерд духовный куда страшнее, - отвечает мудрая игуменья. - А с Любой всё понятно. Имя у неё такое - Любовь.

Кстати, о постриге Любы я узнала таким образом. Однажды в мой переполненный гостями дом явилось человек десять паломников, сказав, что мать Агапия просила меня пустить их переночевать.

- Какая, - спрашиваю, - мать Агапия?

- А наша Люба Штирлиц!

Да, мир не без добрых людей.

Человек за бортом

Инициатива наказуема. И стоило мне организовать клуб для трудных подростков, как там появился бойкий молоденький журналист, решивший взять у меня интервью.

- Вы любите подростков? - спросил журналист.

- Нет.

- Не понял... Хорошо, спрошу иначе. Вот, допустим, навстречу вам по улице идёт подросток-правонарушитель со своею бедой. Как вы поступите в таком случае?

- Перейду на другую сторону улицы.

- Как? Вы бросите человека в беде?

- Я бы бросила, да не получается, потому что человек идёт следом за мной.

Журналист расстроился. Он уже выносил в душе ту пламенную концепцию интервью, когда любовь, мол, спасает мир: стоит окружить заботой этого юного уголовничка (отбил студенту почки, за что и отсидел по малолетке свой срок в колонии), как душа его расцветёт, словно райский сад.

- Вы имели когда-нибудь дело со шпаной? - спрашиваю журналиста. - Нет? Тогда я расскажу вам одну историю.

А история была такая. Поздним вечером я возвращалась домой по тёмной безлюдной улице, как вдруг услышала топот ног. Неразличимые в темноте тени окружали меня сбоку и сзади, по всем правилам волчьей охоты беря жертву в кольцо. Позже, уже в аспирантуре, я вычерчивала для диссертации схемы таких преступлений. Вот подвыпившие подростки идут по ночному городу, но на полицейского не нападают - он вооружён. Спортсменов и крепких мужчин не трогают - те могут дать сдачи. Им нужны тёмная улица (нет свидетелей) и та заведомо слабая жертва, над которой можно безнаказанно измываться, бить, калечить и втоптывать в грязь. Они наслаждаются, когда их боятся. И главный приз их ночной охоты - это ужас жертвы, позволяющий в горделивом превозношении осознавать свою «власть» над людьми.

Словом, мой случай вполне укладывался в классику жанра. Всё дальнейшее было предсказуемо - сейчас, думаю, ножичком будут угрожать. И действительно, в темноте щёлкнул нож-выкидушка, в лунном свете блеснуло лезвие. И тут, ослепнув от ярости, я пошла напрямик на нож, прошипев угрожающе: «Сдохну, а на колени перед мразью не встану!»

Фары машины, свернувшей в проулок, высветили на миг нашу компанию, а нападавшие вдруг попятились и, сдёрнув кепочки, закивали:

- Здравсьте, Нина Александровна!

Это были мои подопечные из клуба, и особенно угодливо кланялся Кошкин, ещё не успевший спрятать свой нож.

Господи, сколько же сил было на них потрачено! Мы ходили вместе в походы, устраивали диспуты и встречи с интересными людьми. Мы, наконец, читали умные книги. Но что миллион самых умных книг, если в тот миг стали реальностью разве что горькие слова поэта: «Да, долго зверь таился в человеке».

- Но ведь есть наверняка положительные сдвиги, - упорствовал журналист.

- Есть. Недавно Рома Авдеев огрел стулом Кошкина за то, что тот матерился в моём присутствии. Заступился за меня, понимаете, поскольку я мата не выношу.

Журналист ушёл недовольный, задиристо спросив на прощанье:

- Значит, вы не верите во всепобеждающую силу любви?

- Почему же, верю. Но, как говорит одна мудрая женщина, мать троих детей, «любовь - это картошка». То есть надо чистить картошку, готовить обеды, прощать обиды, стирать, убирать и нести свой крест.

Словом, у меня была своя «картошка». И хотя я клятвенно уверяла эту публику с ножичком, что не буду больше вызволять их из милиции и возить передачи в колонию, я всё-таки вызволяла, ездила в колонию и, как умела, боролась за них на суде. Впрочем, бороться было порой бесполезно. Например, Рома Авдеев приложил немало усилий, чтобы сесть, и при этом надолго. Когда адвокат заявил в своей речи, что его подзащитный глубоко раскаивается, Рома заорал со скамьи подсудимых:

- Мало я дал этой подлюге! Выйду и в ключья гниду порву!

- Авдеев, суд делает вам замечание! - прикрикнула на Романа судья.

А Авдеев в ответ:

- Да видал я вас всех в гробу в белых тапочках!

У Ромы отсутствовал инстинкт самосохранения; на нём, похоже, сбывалась поговорка: у детей нет судьбы - у них есть родители. Семья же у Ромы была такая: папа - потомственный алкоголик, а по вероисповеданию богохульник. Мама, как утверждал Рома, работала геологом в Монголии, хотя на самом деле находилась в психиатрическом специнтернате для хроников, пребывая там в состоянии «овоща». Мама уже не помнила, что у неё есть сын Ромочка, но по-детски радовалась, когда он привозил ей конфеты. Мама была тайной болью нашего Ромки. И когда мажор Костя, сын главврача того самого интерната, насмешливо рассказал при всех, в какой Монголии по имени «дурка» находится мама нашего героя, Рома Авдеев ринулся в драку.

Драка как драка. Мажоры и подростки из неблагополучных семей регулярно дрались. И не было бы никакого суда, но у Кости был папа - военный прокурор, свято верующий, что, в силу высокого социального статуса, его семья неприкасаема. А мама, главврач, даже в запальчивости заявила на суде: «Зря отменили расстрел для бандитов!»

Свидетели защиты, вызванные адвокатом, лишь усугубили дело. Инспектор из детской комнаты милиции охарактеризовала подсудимого Авдеева как злостного хулигана, по которому давно уже плачет тюрьма. А классная руководительница Романа почему-то забыла, что она не на родительском собрании, и возмущённо потребовала «принять меры», поскольку Авдеев бросил школу и при этом нагрубил ей, педагогу.

Словом, тут вступил в действие тот самый бес крючкотворства, когда маститый адвокат как-то ловко перевёл гематомы (по-русски синяки) невинно пострадавшего Кости в разряд тяжких телесных повреждений, а прокурор бархатным голосом потребовал для Авдеева восемь лет колонии строгого режима.

На судью откровенно и нещадно давили: звонили из военной прокуратуры, из министерства и даже из секретариата президента. И я, признаться, не рассчитывала на успех, когда отправилась к судье хлопотать за Рому. А судья вдруг сказала:

- Молодец Авдеев - за мать заступился! Но почему никто не сказал об этом в суде? Потерпевший скрывает причины драки - это понятно. Тут уже лёгкая статья, чаще условная. Но сам Роман почему же молчит?

- А Рома выступает в привычном для него жанре - гордость мехом наружу. Он, знаете, истово верует, что врачи вскоре вылечат мать, и считает болезнь случайностью.

- Жалко парня, - вздохнула судья. - А мы вот что сделаем: направим Авдеева на судебно-

медицинскую экспертизу, а там, может, что-то смягчающее найдём. Нервы-то у парня совсем никудышные. И нервное истощение, похоже, налицо.

И тут у меня предательски защипало в глазах оттого, что никто в этом мире никогда не жалел «отпетого» Ромку.

- Что, устали? - участливо поинтересовалась судья.

- Устала, - честно призналась я. - Сыну пуговицу к рубашке пришить некогда, а я всё с чужими бедами вожусь.

- Вот и я возвращаюсь домой поздно вечером и валюсь от усталости. Муж пытается меня перевоспитывать, даже выписал из какой-то книги слова: «Ты разрушаешь дом свой в то самое время, как покушаешься устроить дом ближнего».

Позже я узнала, что это слова аввы Исаяи Отшельника, но не сразу поняла их сокровенный смысл.

Шпион глубокого залегания

Первое посещение психиатрической больницы, куда отправили на экспертизу Романа Авдеева, было для меня схождением в ад. Какие-то неживые, мертвенно-бледные лица, ужимки, гримасы, стоны и смех. Сразу у входа меня атаковал юный татарин Камиль и обнял, восклицая:

- Мама пришла, моя мамочка! Дай пирожок.

Санитар, по прозвищу Лёнька-садюга, отшвырнул от меня новоявленного «сыночка» таким мощным ударом, что тот скорчился от боли.

- Как вы смеете бить человека? - возмутилась я.

- Кто человек? Он человек? - усмехнулся санитар. - Самый дебилистый дебил в отделении, и понимает одно слово - кулак!

Рома Авдеев, как выяснилось, лежал в боксе для буйных на вязках, то есть привязанный ремнями к кровати и... так крепко, что распухли багровые кисти рук.

- Вы не бойтесь, что начнётся некроз? - спросила я заведующую отделением и лечащего врача Ромы Галину Гурьевну.

- А что поделаешь? Буйный! В первый же день на санитаря напал, - ответила докторша, велев, однако, развязать ремни.

Роман лежал, обездвиженный аминазином, но даже в этом беспомощном состоянии сопротивлялся из последних сил. И пока Лёнька-садюга с гаденькой усмешкой развязывал ремни, он хрипел ему в лицо: «Порву!»

- Сами видите - социально опасен, - сказала Галина Гурьевна. - Налицо агрессия, слабоумие, а картина дефектологии такова...

- Нельзя же так говорить при больных, - попробовала я остановить этот поток красноречия.

- Думаете, наши больные что-то понимают? Чурки! - даже как-то весело сказала заотделением. - Короче, с вашим протеже Авдеевым полная ясность: потомственный

шизофреник. Похоже, закончит свою жизнь в состоянии «овоща», как и его сумасшедшая мать. К сожалению, шизофрения неизлечима, а я знакома, поверьте, с мировыми достижениями.

Рома плакал. Нет, он не хотел плакать... стыдясь слёз, шумно дышал носом, а только слёзы сами катились из глаз. Вряд ли он плакал из жалости к себе. К своей участи этот рослый красивый парень был настолько равнодушен, что не видел особой разницы, есть в этом мире Рома или нет. И если что-то давало ему силы жить, то это была неистовая вера в скорое исцеление матери и надежда на новую хорошую жизнь. Теперь этой надежды не стало.

Не буду пересказывать дальнейший разговор с врачом, закончившийся гневным окриком Галины Гурьевны: «Дамочка, немедленно покиньте отделение. Я кандидат медицинских наук и не намерена выслушивать бред невежд!» Могучая рука санитары уже подталкивала меня к выходу, как вдруг всё переменялось в один миг.

- Галочка, стол накрыт. Празднуем! - величественно провозгласил Вадим Сергеевич, знаменитый киноактёр, выступавший у нас некогда в клубе.

- Как, вы здесь? - изумилась я, рассматривая больничную одежду кинозвезды.

- Т-сс, я шпион глубокого залегания, - отшутился Вадим Сергеевич и с ловкостью дамского угодника повёл нас с Галиной Гурьевной в ординаторскую, где уже был накрыт стол с шампанским и фруктами.

По пути Вадим Сергеевич успел внушить Галине Гурьевне, что я очень влиятельный человек и имею вес на телевидении (вот уж неправда, хотя и был печальный опыт работы, навсегда отвративший меня от тележурналистики). Но Галина Гурьевна растаяла и источала теперь медоточивые речи:

- О, оказывается, мы с вами коллеги и родственные души. Поздравьте меня: с завтрашнего дня ухожу работать на телевидение. Вадимчик решил устроить для меня торжественные проводы. Тебе ведь жаль расставаться со мною, Вадим?

О том, как «жаль» расставаться с Галиной Гурьевной (так звали её все за глаза), Вадим Сергеевич рассказал мне позже, излагая историю своей болезни:

- В среду мне вручили Государственную премию, был роскошный банкет, а уже в четверг случился первый приступ болезни. Газеты называли меня тогда «флагманом кинематографа» и писали, что созданные мною образы киногероев позволяют воспитывать молодёжь на положительных примерах. А флагман, оказывается, шизофреник со справкой и клинический идиот. Мою болезнь сочли верхом неприличия, и я превратился в шпиона глубокого залегания. То есть лечился исключительно тайно, уезжая якобы на охоту в Сибирь. Знали бы вы, сколько я перемучился, пока не встретил врача от Бога Николая Ивановича.

Николай Иванович, старенький профессор, был в ту пору заведующим, а потом его «съела» Галина Гурьевна. Поводов для смещения Николая Ивановича было немало. Например, он мог воскликнуть на чествовании маститого академика, изобретателя диагноза «вялотекущая шизофрения», очень удобного для борьбы с диссидентами: «Вялотекущая шизофрения - это такая же чушь, как немножко беременная женщина. В мировой психиатрии такого диагноза нет!»

А ещё он говорил, правда, в узком кругу: «Все мы однажды придём на Страшный Суд, и я ужасаюсь участи многих. А с наших пациентов Господь не спросит за грехи. Ну какие грехи у человека, не способного отвечать за себя? И работа психиатра - это служение ангелам».

Словом, Вадим Сергеевич уже не первый год наблюдался у профессора, радуясь, что приступы случаются всё реже, пока не угодил к Галине Гурьевне.

- Это чудовище! - сказал он, и руки у него мелко затряслись. - Знаете, как она наслаждается своей властью? Галина тут же отменила все назначения профессора, и мне вкололи такую лошадиную дозу нейролептиков, что я угодил в реанимацию. Я умирал, а перед смертью почему-то напряжённо думал: жаловаться бесполезно, Галина непотопляема. Но, знаете, есть такой приём - ловушка для дурака. То есть надо вывести дурака на такой уровень общественной активности, когда его дурь станет очевидной для всех.

Как раз в ту пору на телевидении решили организовать цикл бесед с психиатром. И влиятельные друзья Вадима Сергеевича организовали такую рекламу «гениальной» Галине Гурьевне, что её поставили во главе проекта и даже взяли в штат.

Первое и последнее выступление Галины Дурьевны в прямом эфире произвело столь неизгладимое впечатление, что продюсер выразался уже непечатно и орал на всю студию: «Эту дуру и хамку даже на порог не пускать!» Галина рыдала потом на плече у Вадима Сергеевича, но вскоре утешилась: вышла замуж за человека с еврейской фамилией - теперь в Израиле изучает иврит.

Однако расскажу о дальнейшей судьбе Ромы, сложившейся как раз по пословице: «Серенькое утро - красный денёк».

* * *

Старенький профессор Николай Иванович не нашёл у Романа признаков психического заболевания, но всё же решил подержать его в больнице - подлечить нервишки и потянуть время, выжидая, пока утихнут страсти, ибо Роме грозил всё же серьёзный срок.

За тот месяц, что Роман находился в больнице, страсти не просто улеглись, но случилось неожиданное. Мажора Костю арестовали за торговлю наркотиками. Мама и папа отчаянно бились за освобождение сыночка. Суд над Романом Авдеевым с липовыми справками о «тяжких телесных повреждениях» мог разве что подлить масла в огонь. Короче, родители забрали заявление и дело закрыли.

И всё же судьба Ромы внушала опасения. Он мог снова с лёгкостью пустить в ход кулаки и постоянно угрожал Лёньке-садюге, тайком избивавшему больных.

- Рома, научись говорить «мяу», а не «гав», - шутливо наставлял его Вадим Сергеевич.

Но Рома по-прежнему «гавкал» и, главное, тосковал из-за крушения надежды на исцеление матери. Он даже из больницы никуда не рвался. А куда идти: домой, к вечно пьяному папаше-матерщиннику, или к маме, уже забывшей, что у неё есть сын?

- Знаешь, Рома, - рассказывал ему Николай Иванович, - у меня в отделении лет десять назад лежал художник, и был он, что называется, овощ овощем. А когда он вдруг выздоровел, то оказалось, что душа его за это время возросла настолько, что из посредственного ремесленника он превратился в талантливое мастера. Может, и душа твоей мамы сейчас возрастает, а душа, пойми, вне болезни.

Про вечно живую душу, независимую от века сего и болезней, Рома не понял, но крепко задумался. А практичный Вадим Сергеевич сказал: «Нам, главное, дотянуть Ромку до армии, а из армии многие выходят людьми». Как раз в тот год Роме исполнилось 18 лет, день его

рождения выпал на Страстную субботу. И было решено отметить день рожденья застольем в пасхальную ночь.

О пирожках и притчах Соломоновых

Прежде чем рассказать про ту пасхальную ночь, опишу хотя бы вкратце обстановку в отделении и соседей Ромы по палате.

Рядом с Ромой лежал вечно голодный дистрофик Камиль, он постоянно кланчил у всех пирожков. Его никто не навещал, передач он не получал. И всё же Камиллю везло, потому что на соседней кровати лежал Саша-суицидник. К Саше регулярно приходила мама-продавщица, приносила пакет пирожков для Камилля, сумку продуктов для сына и при этом нещадно ругала его:

- Вот гад - в петлю полез! Я пашу как трактор, семью обеспечиваю, а ему, ёшкин кот, не нравится жить. И что ж тебе, висельник поганый, не нравится?

А не нравилась Саше собственная внешность. Он считал себя уродом и в ужасе шарахался от зеркала. Кстати, ничего уродливого в его внешности не было, довольно приятное лицо. Но это типичный юношеский синдром - страх уродства. К счастью, проходящий с возрастом.

Однажды я услышала, как Вадим Сергеевич беседует с Сашей:

- Знаешь, Саша, был такой знаменитый французский певец и актёр Ив Монтан. Кумир миллионов! В 17 лет он хотел покончить с собой, считая себя уродом. Смешно?

- Не смешно, - буркнул Саша.

- А у Пушкина, - продолжал Вадим Сергеевич, - есть одно раннее стихотворение, написанное по-французски. Точнее, это записка девочке, с которой его решили познакомить друзья по лицу и назначили им свидание в парке. Но как узнать друг друга при встрече? И Пушкин описывает незнакомке свою внешность в таких выражениях: я похож на обезьяну, а руки у меня длиннее колен. А дальше гениальное: «Но таким сотворил меня Бог, и я не желал бы быть иным». Пушкин потому и велик, что желал быть таким, каким сотворил его Бог. А нам подавай силиконовые губы и... чего там ещё?

- Да не собираюсь я больше вешаться! - взмолился Александр.

- Тогда помоги покормить Алёшу. Хоть кому-нибудь помоги.

Это было выстраданное убеждение знаменитого артиста: когда тебе плохо - помогай бедствующим. А если сосредоточиться лишь на собственной боли, то вселенная сужается до размеров петли удавленника.

Самым тяжёлым больным в их палате был студент-пятикурсник Алёша. Кататоник, не кататоник (Николай Иванович очень сомневался в диагнозе), он лежал месяцами в позе эмбриона либо сидел неподвижно, застыв в ступоре. Студент не реагировал на людей, не разговаривал, а главное - ничего не ел. Алексея пытались кормить через шланг, но лишь расцарапали гортань. Каждое утро к студенту приходила его мама, Ксения Георгиевна, и пыталась накормить сына куриным бульоном и паровыми котлетами. Она часами уговаривала сына съесть хоть ложечку бульона, а потом уходила плакать в коридор. И тогда несколько насильственным способом студента пытались накормить Александр или Рома.

- У меня Лёха три ложки бульона съел! - хвастался потом Саша.

- А у меня почти целую котлету схозячил, - парировал Рома.

И всё же студент таял на глазах, балансируя где-то между жизнью и смертью. Чего только не пробовал Николай Иванович: менял схемы лечения, даже доставал через своих друзей из Америки новейшие лекарства. Но ничего не помогало.

- Почему он не разговаривает? - допытывалась у профессора мама студента.

- Нет связи.

Мама не поняла, а профессор продолжал:

- Я был ещё юным врачом, когда начал охотиться на шизофрению. Составил и выпил смесь лекарств, вызывающих как бы искусственную шизофрению, и стал диктовать ассистенту свои впечатления: «Ощущение, будто говорю по телефону с перерезанным шнуром... почему нет связи? Почему меня никто не слышит?» На этом записи ассистента прерывались, хотя я, помню, кричал, но, очевидно, про себя. Не знаю, как объяснить это состояние. Ну вот, допустим, человек за бортом, а на горизонте ни корабля, ни шлюпки - никакой связи с миром. Сначала человек пытается звать на помощь, а потом исходит немым криком души. До сих пор помню то чувство ужаса, когда тебя никто не слышит, и страшнее этого одиночества ничего нет.

- Чем я могу помочь Алёшеньке? - заплакала мама.

- Разве что молитвой. Материнская молитва, говорят, со дна моря достаёт.

- Бога в тяжестях Его знаем, - говорила мне позже Ксения Георгиевна, признавшись, что крестилась она совсем недавно и со дна моря её молитва никого не достаёт.

Мы подружились, и однажды Ксения рассказала мне историю своей жизни:

- Я вышла замуж, что называется, с досады. Четыре года любила однокурсника, мы собирались пожениться. А после летних каникул он вернулся в институт с молодой женой. Моя гордость была настолько уязвлена, что я тут же выскочила замуж за своего давнего поклонника. Наш брак, естественно, оказался недолгим. И всё же после рождения сына я была несказанно счастлива. Знаете старый советский анекдот: «Что такое хорошая семья? Это мама и ребёнок. А что такое очень хорошая семья? Это мама, ребёнок и бабушка». И нам было так хорошо втроём, что я даже не помышляла о новом замужестве, хотя лестные предложения, не скрою, были. Бабушка, артистка кордебалета в прошлом, с детства таскала Алёшу по музеям, театрам, а уж пропустить интересный концерт в консерватории считалось моветоном. Вспоминаю наши семейные вечера: мягкий уютный свет настольной лампы, бабушка слушает Моцарта - мы были помешаны тогда на Моцарте. Алёша листает новенький, ещё пахнувший типографской краской томик Ахматовой. И вдруг начинает читать вслух:

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград...

Мы наслаждались этой великой прекрасной культурой и были призваны, казалось, на пир. Нет, мы никогда не отрицали Бога, исповедуя ту известную интеллигентную веру, когда «Бог в душе». Но опускаться до уровня церковного «обрядоверия» - это казалось нравственным падением. Особенно наша бабушка недолюбливала монахов: мол, сидят по кельям и от скуки

гоняют чертей. Перед смертью она призналась, как оскорбил её в юности совет одного старца оставить сцену; старец даже говорил нечто о демонском влиянии. «У них повсюду, видите ли, демонская тьма, – сердилась она, – а для меня искусство – это свет и свет!» Но старец был прав. Бабушка оказалась никудышной балериной и всю жизнь танцевала, что называется, шестнадцатого лебеда в последнем ряду. Её творческая жизнь, что скрывать, не состоялась. Но бабушка всегда говорила горделиво: «Главное – любить не себя в искусстве, а искусство в себе».

Словом, мы любили искусство, любили друг друга. И была та полнота счастливой и со вкусом устроенной жизни, когда потребности в Боге, по сути, нет. Возможно, этому способствовало и то, что мы оба с сыном программисты. К сожалению, виртуальный мир заманчивей и ярче реального, а работа по созданию новых информационных технологий – это такой азарт, когда утрачивается интерес ко всему иному. Правда, я так – рядовой админ. А сын был настолько талантлив, что на четвёртом курсе его пригласили работать в Англию, оговорив возможность продолжения учёбы при финансовой поддержке фирмы. Мы размышляли, ехать или не ехать, как вдруг случилась беда.

Был день рождения Алёши, и ближе к полуночи явилась незваная гостья – Алиса, дочь наших прежних соседей по дому. Странная это была семейка. Папаша открыто изменял красавице-жене и при этом посвящал ей стихи: «Единственной ты никогда не будешь, но будешь первой среди всех». Он даже гордился своею распущенностью, и Алиса, похоже, пошла в папу. К тридцати двум годам она уже сменила нескольких мужей и сожителей, а теперь опять находилась в поиске. К несчастью, в тот день на столе было много спиртного, хотя наши друзья такие выпивохи, что одной бутылки вина нам хватало на Новый год, ещё оставалось и на Рождество. Но тут кто-то из гостей принёс в подарок коньяк, а непьющий очкарик Славочка зачем-то купил водку.

- Нам по-русски – водочки! – провозгласила Алиса и, подсев к сыну, стала обхаживать его. – Это правда, что ты до сих пор девственник? У меня хобби – делать из мальчиков мужчин. Не хочешь попробовать?

Как ни странно, она не опьянела после бутылки водки и лишь победоносно поглядывала на нас – вульгарная, наглая и по-своему манкая. Когда же наша гостья принялась за коньяк, а бабушка сделала ей замечание, Алиса, закутив, пустила ей струю дыма в лицо и послала матом по известному адресу. День рождения перерастал в скандал. Я велела Алёше проводить Алису до стоянки такси возле дома и заплатить таксисту, попросив отвезти нашу гостью домой. Но едва захлопнулась за ними дверь, как гости разом вскочили с мест.

- Остановите Алёшу! – закричала однокурсница сына Катя. – Она же в койку его повела!

- Она у него в брюках, как потаскушка, шарилась! – возмутился бдительный очкарик Слава.

- Неужели вы всерьёз полагаете, – насмешливо сказала бабушка, – что наш Алёша польстится на столь вульгарную особь?

Польстился. Явился домой лишь под утро, соврав, что, проводив Алису до дома, опоздал на метро. Ну и так далее. Мы с бабушкой по наивности ни о чём не догадывались, но Алёшу как подменили. Он опустил, перестал ходить на занятия, а через два месяца ушёл из дома, крикнув в бешенстве нам с бабушкой: «Я никогда не прощу вас за то, что вы сделали с Алисой!» А что мы сделали?

Лишь через год мы случайно узнали от знакомых, что Алиса довольно быстро бросила Алёшку

ради богатого «папика», но сочинила при этом трогательную историю: мол, Алёша – её первая и последняя любовь, а только надо расстаться, потому что его мать пригрозила облить её серной кислотой, а бабушка насильно отвела на аборт, когда она ждала ребёнка от любимого Алёши. Существовала и иная версия: будто мы с бабушкой долго и тупо били её в переулке, пока у бедняжки не случился выкидыш. Она даже демонстрировала Алексею синяки, полученные в ту пору от «папика». Алиса была патологически лжива.

Я рвалась объяснить Алёше, что всё это наглая, бесстыдная ложь. Но бабушка сказала: «Молчи. Ночная кукушка всегда дневную перекукует, и Алёша пока не поверит ничему». Вся эта история так подкосила бабушку, что она съёжилась, сгорбилась, а через два года умерла от обширного инфаркта. Алёша даже на похороны не пришёл. Правда, он, оказывается, не знал о смерти бабушки, оборвав все связи с «убийцами» своего ребёнка. Только на третий день после похорон он, запыхавшись, примчался домой, крикнув в дверях: «Это правда, что бабушка умерла?» И заплакал, обнимая меня: «Мама, бабулечка, простите меня!»

Мы сидели, обнявшись, в тишине нашей опустевшей с уходом бабушки квартиры, как вдруг позвонила Алиса, чтобы по-соседски выразить соболезнование.

- Что ж ты, соседка, забыла про нас, – сказала я, включив громкую связь, – мы с тобой два года не виделись и не общались. В первый раз за два года слышу твой голос, и ты, заметь, позвонила сама.

- Ну, сама, – вздохнула Алиса. – Тут проблема нарисовалась, надо где-то деньги занять.

- Про деньги потом. А сначала хочу выразить тебе соболезнование в связи с потерей ребёнка.

- Какого ребёнка? – опешила Алиса. – У меня нет и не может быть никаких детей. Я чайлдфри! А-а, это Алёшка-придурак настучал. Но у меня, поймите, не было выхода. Тут такой роскошный кадр нарисовался, а этот кретин не пускает его в дом и хнычет про свою любовь. Вот и пришлось сочинить страшилку.

- А ещё говорят, что мы с бабушкой избили тебя в переулке.

- Шутка юмора была для вашего лоха! – рявкнула Алиса и бросила трубку.

Сын сидел ни жив ни мёртв. Всё было ясно. Теперь, казалось, он даже близко к Алисе не подойдёт. Как бы не так! Уже через день он раздобыл где-то деньги, отвёз их Алисе и был готов, как побитая собака, ползти по первому зову к её ногам. Он был теперь как наркоман, презирающий себя за пристрастие к наркотикам, но уже смертельно зависимый от них.

За месяц до больницы Алёша на несколько дней исчез из дома. Я обзвонила знакомых, морги, больницы. А Алёша, вернувшись, рассказал, что был в монастыре, крестился там и договорился, что его примут в монастырь трудником. Только позже я поняла, что это была его отчаянная попытка вырваться из унижительного плена. Но тогда я раскричалась: «Какой монастырь? У тебя диплом на носу!» – и сын, жалея меня, остался дома.

Господи, если бы знать всё наперёд!.. Вру, я знала. Перед тем как Алёша ушёл из дома, позвонила женщина и сказала, что она – мама бывшего мужа Алисы, что её сын покончил с собой. Все молодые люди, связанные с Алисой, рассказывала она, кончили плохо: один сошёл с ума, другой спился, а третий стал законченным наркоманом. Женщина откуда-то знала про связь моего сына с Алисой, умоляла остановить Алёшу и даже цитировала Библию: «Ноги блудницы ведут к смерти». Я прочитала потом это место: «Дом её ведёт к смерти, и стези её к мертвецам. Никто из вошедших к ней не возвращается и не вступает на путь жизни» (Притч. 2,

18-19).

Почему-то я не поверила тогда этой женщине. Вероятно, из-за уверенности, что у моего сына и этой вульгарной хамки нет и не может быть ничего общего. А может, всё проще: мы не хотим слышать Господа, когда Он стучится в наш дом.

* * *

Позже, не называя имён, я рассказала Вадиму Сергеевичу о злоключениях Алёши и спросила:

- Это правда, что ноги блудницы ведут к смерти?

- Как вы сказали? - разволновался он. - Повторите, пожалуйста.

Я пересказала своими словами то, что прочитала в Притчах Соломоновых, а Вадим Сергеевич впал в такую задумчивость, что я смутилась:

- Простите, я, вероятно, сказала что-то не то?

- Да нет, то. Просто вспомнилось, как начиналась моя болезнь. Был банкет после вручения Государственной премии, а потом меня атаковали поклонницы - цветы, комплименты, просьбы дать автограф. Я переживал тогда, что старею и пора переходить на возрастные роли «отцов». А тут юная дева с сияющими глазами восторженно говорила мне, какой я талантливый, сильный, красивый. В общем, проснулись мы в одной постели. Я никогда не изменял жене, и было особенно стыдно, что я этой девчонке в отцы гожусь, а тут! Правда, при дневном свете обнаружилось, что девчонка - это профессионалка в возрасте, тут же предьявившая мне счёт за интимные услуги... Потом я долго мылся под душем и не мог избавиться от такого нестерпимого смрада, как будто меня закопали в кучу протухшей рыбы или с головой, простите, окунули в сортир. Позже я прочитал, что одному старцу являлся бес блуда в виде жирной смердящей негритянки. И у меня приступы всегда начинаются так: сначала нестерпимый смрад, а потом я перестаю быть человеком. Я ответил на ваш вопрос?

- Да.

«Христос среди нас!»

В пасхальную ночь, когда мы отмечали день рождения Ромы, нам разрешили накрыть столы в столовой, но велели вести себя тише воды, ниже травы, а после одиннадцати верхний свет не включать, чтобы не было нареканий за нарушение режима. При свечах было даже интересней. Полная луна за окном заливала всё ярким светом.

Медперсонал ушёл отмечать праздник в соседний корпус; в отделении было таинственно от мерцания свечей и тихо без окриков санитаров. Все понимали, что «нарушаем», и с осторожностью, тихими стопами собирались на нашу тайную вечерю. Все вели себя безукоризненно. С той поры во мне живёт мистическое чувство, что душа действительно живёт вне болезни и откликается на благодать. Во всяком случае, в ту ночь вокруг меня были хорошие, добрые люди.

Решено было поститься до полуночи, разговляясь лишь на Пасху. А пока готовились к празднику - надували разноцветные воздушные шарiki и украшали ими столовую, а доверенные лица во главе с Романом распаковывали коробки и расставляли по столам угощение. Это Вадим Сергеевич, человек денежный, сделал заранее заказ в ресторане - и каких только деликатесов не было у нас на столе! Тарталетки с красной и чёрной икрой, сёмга

в кляре, виноград, киви, пирожные и нарядные куличи. Мы же с мамой студента, Ксенией Георгиевной, напекли гору пирожков и покрасили пасхальные яйца.

Пасху ждали так напряжённо, что угадали наступление полуночи даже не по часам, а по тому, как мощно вздрогнул воздух – ударили в колокола сорок сороков московских церквей. В небо брызнули залпы салюта, и вдруг стало слышно, как где-то вдали поют: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!»

- Христос воскрес! – воскликнул Вадим Сергеевич.

- Воистину воскрес! – дружно ответили все.

И был у нас на Пасху пир на весь мир. Все поздравляли Рому с днём рождения, надарив ему кучу подарков, а он растерянно дарил эти подарки другим. Больше всех волновался в ту ночь Камиль, увидев осуществление своей мечты: гора пирожков – бери не хочу. Он уже наелся, но не мог остановиться: хватал пирожок, надкусывал и убегал прятать его в свою постель под подушку. У Камилы была фобия – страх голода; из его постели регулярно выгребали уже заплесневелые остатки пищи. Камиль в таких случаях рыдал и пытался отнять эти подгнившие кусочки, поспешно запихивая их себе в рот.

Словом, Камиль запасался пирожками на случай голодного будущего, ибо нечто подобное уже было в его прошлом. Говорят, что мачеха Камилы решила избавиться от дурачка-пасынка и, совсем как в сказке, отвезла его в дремучий лес. Но если в сказке сироту спасают добрые люди, то Камилу никто не спасал. Только через месяц он выбрался из леса и пришёл в отделение милиции. Участковый в это время пил чай и, ахнув при виде измождённого пришельца, дал ему пирожок. С той поры пирожки для Камилы были знаком воскрешения от смерти или чем-то очень важным, о чём знала его душа.

Камиля интриговали не только пирожки, но и то, что Алёша-студент сидел возле блюда с пирожками и по своему обыкновению ничего не ел. Ну что можно игнорировать тарталетки с икрой – это понятно: сам Камиль такого не ел. Но пирожки – это же мечта! Камиль даже подвинул блюдо с пирожками поближе к студенту – никакого результата. Незрячий взгляд и какое-то безжизненное лицо, уже меченное, казалось, меткой смерти. И Камиль вдруг заплакал, убежал в свою палату и принёс оттуда обгрызенный, обмусоленный пирожок.

- Я тебя лублю, – сказал он студенту. – Съешь пирожок!

И Алёша вдруг обнял Камилу и сказал ему: «Христос среди нас!» Вот такое было пасхальное чудо, когда после той ночи Алёша стал разговаривать, есть и возвращаться из небытия.

О том, как складывалась жизнь

Наступило время весеннего военного призыва. И Вадим Сергеевич (он уже выписался из больницы) загорелся идеей – устроить Рому в элитную десантную часть к тому самому знаменитому «бате», роль которого он однажды сыграл в сериале. Правда, в фильме командир десантников красиво погибал, заслонив собою от пуль молодого солдата, а на самом деле он выжил и ещё не раз рисковал жизнью ради своих бойцов.

Устроить Рому в элитную часть оказалось непросто, но Вадим Сергеевич, любимец публики, позвонил какому-то маршалу. А дальше как в кино: однажды у нашей неприглядной «дурки» с грязными потёками на стенах лихо затормозил военный джип с красавцем-десантником за рулём.

- Прибыл в ваше распоряжение за допризывником Романом Авдеевым! - доложил десантник, сияя иконостасом наград на груди и золотыми аксельбантами парадной формы.

Обитатели дома скорби, ахнув, приникли к окнам, а санитар, по прозвищу Лёнька-сadyга, даже вышел на крыльцо. Роман чинно направился к джипу, но не выдержал соблазна и схватил санитара за грудки:

- Я тебе покажу, как Камильку избивать!

Я было ринулась разнимать драку, но десантник уже взял санитара за палец и сказал ласково:

- Говорят, кто-то маленьких обижают? Нехорошо.

Непонятно, что сделал десантник, но могучий Лёнька вдруг осел на крыльце, задохнувшись от боли.

- Он больше не будет никого обижать, - философски заметил десантник, а Ромка преданно потрусил за ним, даже забыв попрощаться.

Гуд-бай, Рома, и спасибо за возможность, наконец-то, отдохнуть от тебя и полежать на диване с книжкой. Но не тут-то было! Минут через сорок зазвонил телефон:

- Вас беспокоят из двадцать шестого отделения милиции. Ваш знакомый Роман Авдеев разбил витрину и покалечил прохожего. Мы сейчас составляем протокол.

- Ничего не составляйте! - закричала я. - Мы с адвокатом уже едем к вам!

И тут из трубки послышался смех и голос ненаглядного Ромочки:

- Ловко я вас разыграл, а? Круто вышло, точно! Просто я вспомнил, что забыл попрощаться. Привет всем нашим, а Камильке особенно!

Ах, Рома, Рома - ни дня без приключений! К счастью, приключений в десанте хватало, и Рома писал хвастливые письма, что только армия - школа для настоящих мужчин. А слизняков, уклоняющихся от призыва, надо поздравлять с Восьмым марта и дарить им при этом женские колготки. В конце первого года службы Роман крестился, а крёстным стал знаменитый «батя», легенда спецназа. Роман навсегда полюбил армию и стал профессиональным военным. А через десять лет он погиб при освобождении заложников и был посмертно награждён орденом Мужества. У Ромы осталась жена с ребёнком. Жить на военную пенсию им трудно, и «батя» материально помогает вдове.

В сорок лет от тромбоэмболии умер Камиль. После больницы он долго жил в интернате для хроников, а потом его забрала оттуда дворничиха-татарка - крещёная, из кряшенов. Дворничиха окрестила Камилу с наречением имени в честь Николая Чудотворца и приохотила к своему ремеслу. На рассвете Коля-Камиль мёл улицы, а потом до ночи бродил по посёлку, собирая осколки битого стекла. Пили в их посёлке часто, и битых бутылок было много. А кто-то рассказал Николаю-Камилю, что битое стекло невредимо лежит в земле веками и лет через двести на него может наступить и пораниться ребёнок. Коля-дворник жалел ребёночка, и после его смерти говорили: «Вот умер Коля-дурачок, и собирать стекло теперь некому. Божий был человек, светлая память!»

Новости о наших общих знакомых я узнаю в основном от Ксении, мамы Алёши. Мы переписываемся. Недавно Ксения сообщила, что бывший суицидник Саша стал, оказывается, лидером либеральной партии, получающей гранты от иностранных инвесторов за внедрение в России ювенальной юстиции, сексуального просвещения школьников и прочего передового

маразма. Саша теперь разбогател, растолстел и даже заявил в интервью по телевидению, что пострадал от тоталитарного режима и был заточён в психушку, как диссидент. «Раньше Саша хотел сменить лицо в клинике пластической хирургии, – написала Ксения, – а в итоге сменил личность».

После больницы Ксения Георгиевна обменяла их московскую квартиру на дом возле древнего монастыря, и Алёша наконец-то избавился от бессонницы, мучившей его в мегаполисе. А вот у самой Ксении со здоровьем проблемы. Её парализовало после инсульта. И она писала потом: «Что бы я делала без Алёши! Он буквально вытащил меня из болезни, сидел со мною ночами, варил протёртые супчики и привозил из поликлиники врача, а из монастыря батюшку, причащавшего меня на дому. Помните, как я роптала на Господа из-за болезни Алёши и стыдилась признаться знакомым, что сыну назначили инвалидную пенсию? Но по милости Божией всё промыслительно. Вот у моих подруг дети обзавелись семьями, разлетелись по белу свету, и теперь в аптеку сходить некому, если прихватит болезнь. И Господь оставил со мною Алёшу – иначе я бы не выжила.

Слава Богу, уже хожу и копаюсь в огороде. Правда, сын запрещает мне работать и, опасаясь за моё здоровье, всё делает сам. Но когда он уходит в монастырь на послушание, я всё же иду прополоть клумбы и радуюсь бурным новостям весны – позавчера расцвели нарциссы, сегодня утром распустились крокусы. И уже неделю цветут роскошные голландские примулы – белые, розовые, лиловые.

Про Алису мы не вспоминаем. Что Алиса, если даже рядом с Христом был Иуда-предатель? Дело не в Алисах или нынешних иудушках, а в незащищённости души перед злом.

Вспоминаю разговор со знакомым иеромонахом, специалистом по компьютерам в прошлом. Я призналась ему, что часами сижу в Интернете и буквально обжирюсь информацией.

- Зачем вам это? – спросил он.

- Кто владеет информацией, тот владеет миром, – процитировала я в ответ известную фразу Ротшильда.

А батюшка ответил мне словами Евангелия: «Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит?» (Мф. 16, 26.) Иеромонах стал говорить о малодушии, а я подумала: это он о трусости, ведь малодушный человек – значит трусливый. Но иеромонах говорил об ином – на людей сегодня обрушивается буквально лавина информации. И человек уже настолько задавлен завалами этого дразнящего любопытство информационного мусора, что для духовной жизни не остаётся места и еле жива его слабенькая душа. Малодушие – это духовная инвалидность, то есть маленькая беспомощная душа, уже не способная сопротивляться натиску зла.

Иеромонах говорил о наступлении эры малодушия, а я понимала: это про меня. Мы гордились образованностью нашей семьи и впахивали в Алёшу множество знаний. А душа моего сына оказалась беззащитной и не готовой к встрече с реальностью.

Бедные наши беззащитные дети! Недавно смотрела фильм про морских котиков, и меня поразила сцена, где старый самец-вожак избивает молоденького котика, прогоняя его с лежбища для брачных игр. Оказывается, до наступления зрелости молодым котикам запрещено появляться на лежбище для взрослых, ибо это, как пояснил диктор, срывает пружины инстинкта, а от преждевременного соития деградирует род. Даже морские котики защищают своих детей. А мы?»

* * *

Однажды Ксения Георгиевна сообщила, что в онкологической клинике в Германии умер Вадим Сергеевич, а позже мне переслали его предсмертное письмо:

«Хочу попрощаться. Или лучше сказать – до встречи в том будущем веке, где встанут рядом князи и нищие. Где обрящуся аз?»

Вспоминаю, как после пасхального застолья в больнице вы благодарили меня за доставленную людям радость и растроганно сказали, что я добрый и щедрый человек. Не обольщайтесь! Хотя я и сам долго обольщался на свой счёт, пока не стал свидетелем одного случая в магазине.

Как раз перед отъездом в Германию я зашёл в магазин и засмотрелся на старую даму, явившуюся сюда определённо из прошлого века: старомодная шляпка, митенки и чулочки допотопного образца. По актёрской привычке я люблю наблюдать за людьми и подмечать детали, чтобы использовать их потом в работе. Дама радостно сообщила продавщице, что ей как ленинградской блокаднице увеличили пенсию и теперь можно устроить пир. А для пира она купила пятьдесят граммов сыра, сто граммов карамелек, пачку чая и апельсин. А поскольку продавщица усиленно рекомендовала ей какие-то особенно вкусные сардельки, блокадница попросила взвесить ей килограмм, чтобы угостить и порадовать подружек. Когда же продавщица выбила чек, дама растерянно сказала, что таких больших денег у неё нет, и попросила взвесить всего две сардельки. Но и на этот раз не хватило нескольких рублей, и старушка долго и подслеповато пересчитывала мелочь, надеясь набрать нужную сумму.

- А ну, бабка, шевели колготками и не задерживай людей! – прикрикнул на неё стоявший сзади бритоголовый качок с золотой голдой на шее.

- Не смейте оскорблять блокадников! – вспыхнула молоденькая продавщица.

- Это кто-то на меня тут пасть разевает? – угрожающе сказал ей качок и вдруг скомандовал: – Ложь обратно кило сарделек на весы, я за бабку сам заплачу!

Помню страдания старой дамы, готовой, кажется, провалиться от стыда сквозь землю, когда очень довольный собою качок крикнул ей на прощанье:

- Хавай, бабка, от пуза и вспоминай мою щедрость!

Нет, я никогда не надену на шею голду толщиной в собачью цепь, но в самодовольном качке из магазина я узнал вдруг себя, и нахлынули воспоминания о съёмках в нищей российской деревне. Там был величественный старинный храм с прохудившейся крышей и облупленными стенами. До сих пор не понимаю, на что жила семья священника с четырьмя детьми, ибо приход был очень бедный, а вокруг одни старухи, сами нуждающиеся в помощи. Правда, батюшка с матушкой уверяли меня, что Господь не оставляет их Своею милостью: у них отлично несутся три курочки, а к зиме накопили много картошки. И когда я пожертвовал деньги на ремонт кровли, батюшка от радости обнял меня, а матушка поклонилась благодетелю в ножки и пригласила на обед. Им так хотелось отблагодарить меня, что на обед зажарили одну из трёх курочек, а матушка заняла у соседки банку сметаны и творог.

«Господь не оставит вас за вашу щедрость!» – не уставал радоваться священник и счастливо прикидывал, что если отремонтировать кровлю самим – никаких наёмных хапуг-шабашников! – то на сэкономленные деньги можно купить известь и наконец-то побелить храм.

Почему-то перед смертью вспоминается эта курочка и то, как потом в Испании я потратил почти миллион на покупку антиквариата и прочих игрушек для взрослых. Я был в ту пору по-настоящему богат. И, отщипнув от больших денег малую кроху для храма, я в умилении

чувствовал себя добрым человеком, как тот щедрый качок из магазина, заплативший – надо же! – за килограмм сарделек.

Во мне никогда не было истинной христианской жертвенности, а к добрым делам примешивалось тщеславие. Тем не менее мне нравилось помогать незадачливым людям и на правах умудрённого мэтра давать советы и поучать. Словом, всегда интересней исправлять чужие недостатки, чем позаботиться о своих. А недавно я прочитал у аввы Исаяи Отшельника: “Ты разрушаешь дом свой в то самое время, когда покушаешься устроить дом ближнего”. И как же горько сознавать теперь, что даже в добрых делах я лицедействовал перед Господом, а дом души моей пуст и “пался весь”.

Правда, батюшка сказал однажды, что нет безгрешных людей, но есть покаяние. О, если бы я умел искренне каяться! А я, как Адам после грехопадения, прятался от Господа и прикрывал свои стыдные дела словами лукавого самооправдания.

Простите, трудно писать – слабею. И хочется молиться словами самой нужной молитвы: “Господи, дару...».

Письмо осталось недописанным, но я поняла, как молился мой друг перед смертью: «Господи, даруй мне прежде конца покаяние!» Это нужная молитва, и порой крайне нужная.

Новый год, Рождество и катамаран

– Как хорошо, что мы православные и не надо праздновать Новый год! – с нарочитой бодростью заявляет Татьяна и добавляет, сникнув: – Только кушать хочется, а?

Татьяну тянет на разговоры... Но мы молча возвращаемся домой из Оптиной пустыни, переживая странное чувство: сегодня 31 декабря, а ночь воистину новогодняя – ярко сияют над головою звёзды и искрится под звёздами снег. Через два часа куранты пробьют полночь. И чем ближе к заветному часу, тем больше смущается бедное сердце: как так – не праздновать Новый год?

В монастыре такого смущения не было. После Всенощной схиигумен Илий сказал в проповеди, что, конечно, наш праздник – Рождество. Но сегодня у нас в Отечестве отмечают Новый год, а мы тоже граждане нашего Отечества. И старец предложил желающим остаться на молебен.

Остались все. В церкви полутемно, по-новогоднему мерцают разноцветные огоньки лампадок. Схиигумен кладёт земные поклоны, испрашивая мир и благоденствие богохранимой стране нашей России, а следом за ним склоняется в земном поклоне вся церковь. Возглас, поклон, много поклонов. И сладко было молиться о нашем Отечестве и соотечественниках, ибо сердце таяло от любви.

Хорошо было в монастыре. Но чем ближе к дому, тем ощутимей стихия новогоднего праздника. Небо взрывается залпами салюта, бегают дети с бенгальскими огнями, а возле дома меня поджидает соседка Клава:

– Наконец-то явилась! Идём ко мне. Шашлыков наготовила, а для кого? Молодые ушли в свою компанию, а дед включил телевизор и храпит.

Шашлыки – это вкусно, а нельзя – пост.

– М-да, пост, – вздыхает Клава. – Тогда давай песни играть.

И Клава звонко дробит каблуками, выкрикивая частушку:

Я работала в колхозе,
Заработала пятак.
Мине глаз один закроют,
А второй оставят так.

Пятак – это про то, что усопшим, по местному обычаю, закрывают глаза, положив на веки два пятака. Но много ли зарабатываешь в колхозе? А Клава уже затягивает новую частушку, вызывая меня на перепляс. Клаве хочется праздника, а праздника нет. Вот и соседка зачем-то постится, вместо того чтобы петь и плясать.

- Знаешь, Нин, чему я завидую? – говорит она грустно. – Вот вы, богомолы, все вместе и дружные. А я сорок лет живу в этой деревне, и ни одной подруженьки нет.

Не только Клава, но и все деревенские нас зовут именно так – богомолы. Присматриваются и дивятся – инопланетяне. Вот и сегодня богомолы учудили: все празднуют Новый год, а у них пост. Впрочем, чудаками нас считают не только деревенские. Помню, как позвонила моя однокурсница и, посмеиваясь, сообщила:

- Знаешь, что Сашка Морозов учудил? Продал свой ресторан, отдал деньги беженцам и теперь работает за три копейки псаломщиком в церкви. Нет, ты видела таких идиотов?

Видела – в зеркале и среди друзей. Но, вопреки утешительному для атеистов мифу, будто к Богу приходят одни убогие неудачники, среди моих православных знакомых несостоявшихся людей практически нет. Почти все с высшим образованием и чего-то достигли в своей профессии и в делах. Иные даже весьма преуспели. А только помню горькие слова моего друга-доцента, сказанные им после защиты диссертации и назначения на руководящий пост:

- Вот карабкаешься всю жизнь на высокую гору, а достигнешь вершины и хочется ткнуться лицом в асфальт, чтобы больше уже не вставать.

На языке психологии это называется «синдромом успеха»: цель достигнута, а радости нет. Успех – это смерть той мечты и надежды, когда так верилось и мечталось: вот добьёшься земного благополучия, и тогда преобразится вся твоя жизнь. А преобразование не состоялось. И как же тоскует душа без Бога, даже если не знает Его!

Словом, есть эта обратная сторона успеха – крах иллюзий и то тяжкое чувство опустошённости, когда кто-то пускает себе пулю в лоб, как это сделал знаменитый писатель Хемингуэй. А кто-то уподобляется евангельскому купцу, «который, нашедши одну драгоценную жемчужину, пошёл и продал всё, что имел, и купил её» (Мф. 13, 46).

Ради этой драгоценной жемчужины, Господа нашего Иисуса Христа, совсем не жаль оставить московскую квартиру, поселившись в кособокой избушке у монастыря. Трудностей в деревенской жизни было с избытком – убогий сельмаг с пустыми полками, а на улице непролазная грязь. Но мы часто говорили в те годы:

- Какие же мы счастливые, что живём здесь.

Некоторое представление об этой жизни, возможно, даст такой эпизод. В 1988 году Оптину пустынь ещё только начинали восстанавливать из руин. Размещать паломников было негде, и «богомолы», купившие дома возле Оптиной, несли послушание странноприимства. Делалось это просто – в монастыре давали адрес и объясняли, что ключ от дома лежит под ковриком на

крыльце. Заходи и селись. Так вот, однажды в доме инженера Михаила Бойчука, ныне иеромонаха Марка, поселились в его отсутствие молодые паломники. И так им понравилась наша Оптина, что они решили остаться здесь на всё лето, а возможно, и на всю жизнь. В общем, хозяйничают они в доме, достают из погреба и варят картошку, а также привечают вернувшегoся из поездки Мишу, принимая его за одного из гостей:

- Ты чего, брат, такой застенчивый? Давай-ка садись с нами обедать. Только учти, брат, у нас послушание - после обеда вымоешь посуду и подметёшь пол.

Некоторое время Миша жил в послушании у своих гостей, а потом, не выдержав, спросил у меня:

- Вы не знаете случайно, что за люди живут у меня?

- Миша, - говорю, - вы же хозяин дома. Разве трудно спросить?

- Спросить-то нетрудно, а только совестно.

А чтобы понять, почему совестно, надо прежде понять самое главное - для нас, новокрещённых язычников, первый век христианства был роднее и ближе нынешнего. Это нам говорил Христос: «У кого две одежды, тот дай неимущему; и у кого есть пища, делай то же» (Лк. 3, 11). Дух захватывало от любви и хотелось жить именно так, как жили первые христиане: «Никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее». И ещё: «Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чём кто имел нужду» (Деян. 4, 32-35).

Правда, батюшки пресекали попытки продать квартиру или иное имение, называя это состоянием прелести. А только мучила совесть: ну, какой же ты христианин, если у тебя стол ломится от изобилия, а рядом голодает многодетная семья? И как можно вопрошать с высокомерием собственника: это кто там поселился в МОЁМ доме и ест МОЮ картошку? Ведь у первых христиан всё было общее. Вот и старались следовать заповедям любви, понимая, что всё иное - ложь перед Богом.

Надо сказать, что Оптина в ту новоначальную пору была неприглядной на вид: единственный ещё не восстановленный полностью храм, а вокруг - руины и мерзость запустения. Но сердца горели любовью к Богу, и любовь притягивала к монастырю даже неверующих людей. Помню, как на восстановлении храма работал полковник из спецназа. Каким ветром его занесло сюда, непонятно, ибо полковник сразу же заявил, что он коммунист и в «божественное» не верит. Тем не менее он усердно и бесплатно работал на стройке, а уезжая, благодарил:

- Хоть с порядочными людьми пообщался. А то ведь не жизнь, а тоска собачья - армию унижают и уничтожают, а Россию грабят по-чёрному. Спасибо за то, что вы русские люди, совесть России ещё жива.

Правда, монастырь по своему составу был не только русским, скорее интернациональным. Но даже на фоне этого интернационала выделялся молодой американец Джон. Он, как и полковник, был далёк от православия. А привела его в монастырь та великая американская мечта, что Америка, как образец совершенства, просто обязана объять своей заботой весь мир и помочь отсталым туземцам Африки и России. Так в монастыре появился мечтатель Джон, представ перед нами в белоснежных одеждах и благоухая таким замечательным американским парфюмом, что пробегавший мимо деревенский пёс остановился и замер от изумления. Однако кто к нам с парфюмом придёт, тот без парфюма и останется. В первый же банный день Джон

обнаружил, что в общежительном монастыре его шампуни и прочие средства для мытья тут же пошли по рукам. Кстати, Джону понравилось, что в монастыре всё общее, ибо и ему перепало от российских щедрот. Что же касается белоснежных одежд мечтателя, то они вскоре так пообтрепались и загрязнились на стройке, что даже после стирки напоминали наряд бомжа. Джон поневоле преобразился и стал похож на рязанского колхозника – курносый, круглолицый, при этом в телогрейке и кирзовых сапогах. Так в ту пору одевались все оптинцы. Правда, у архимандрита, кроме рабочей телогрейки, была ещё телогрейка «парадная». Это для встречи высоких гостей.

Так вот, однажды ночью Джон перебудил весь монастырь. Бегал по кельям, стучал в двери и кричал, захлёбываясь от восторга:

- Слушайте, слушайте, я православный!

Русского языка Джон не понимал, а потому пререкались с ним по-английски:

- Джон, тут все православные. Кончай орать!

Джон после этого крестился и, не понимая по-русски, исповедовался у батюшек, владеющих английским. Он навсегда остался в России и теперь иногда привозит в монастырь своих уже почти русских детей.

Кстати, людей со знанием иностранного языка в Оптиной было немало. В ту пору даже шутили, что в монастырь набирают уборщиц с образованием не ниже иняза. Во всяком случае, картина была такая: в храме моют полы тётки самого затрапезного вида, но вот появляются в храме иностранцы, и уборщицы отвечают на их вопросы по-гречески, по-испански, по-английски, по-итальянски.

В монастыре о прошлом не спрашивают. И кто есть кто, узнавалось случайно. Однажды заезжие тележурналисты рассказали, что комендант монастыря Олег Гаджикасимов, позже монах Силуан, был у них большим начальником на Гостелерадио, а также членом Союза писателей. Я тоже числилась в Союзе писателей и при встрече сказала коменданту:

- Олег, оказывается, мы с вами коллеги.

- Да, я тоже был дурак, - ответил он.

А вот ещё загадка. Приехала в монастырь корреспондентка газеты «Коммерсантъ» и сообщила, что в Оптиной пустыни постригся в монахи бывший владелец нефтяной компании. Корреспондентке дали задание написать о том, как сломался этот сильный человек и с горя или от несчастной любви ушёл в монастырь. Выслушали мы этот рассказ с недоумением.

Во-первых, сломленный человек в монастыре не удержится – здесь такая нагрузка, что надо обладать немалым духовным мужеством, чтобы понести этот монашеский крест. А во-вторых, никто не знал, есть ли среди нас бывшие владельцы нефтяных компаний или нет. Да и кому это интересно? Вот так и жили, отмечая, как сор, соблазны мира, чтобы приобрести Христа.

* * *

Рассказать о духовной жизни тех первых лет почти невозможно. Тут тайна благодати, невыразимая в словах. А потому обозначу лишь внешние вехи – первый Новый год и первое Рождество в Оптиной.

Честно говоря, мы не то чтобы собирались или не собирались отмечать Новый год, но как-то было не до того. Шёл строгий пост с долгими монастырскими службами. Питались скудно, вставали рано и уже в пятом часу утра шли на полунощницу. Земля ещё спит, всё тонет во мраке. Только вечные звёзды на небе и «волсви со звездой путешествуют». Ноги шли в монастырь, а душа в Вифлеем, где в хлеву, в нищете, в бесприютности предстояло родиться Христу. Младенца уже ищут, чтобы убить Его. Душа сострадала скорбям Божьей Матери и вспоминалось из Гумилёва:

Как ни трудно мне приходится,
Но труднее было Богу моему,
А ещё труднее – Богородице.

В голове не укладывалось: как можно устроить пирушку на самой строгой неделе поста? И Новый год обрушился на нас как дефолт. На улице пляшут, поют и дерутся, а соседи стучат в окна, зазывая на пироги. Усидеть дома уже невозможно, и мы по какому-то инстинкту собираемся всей нашей православной общиной в доме у Миши. Татьяна предлагает поужинать вместе, раскладывая по тарелкам перловую кашу без масла. Глаза бы не видели эту «перлу»! Нет, до этого ели охотно и совсем не тяготились постом. Но сегодня в деревне праздник и так упоительно пахнет шашлыком и пирогами, что вот искушение – пировать хочется.

- Ничего, на Рождество вкусенького поедим, – говорит Татьяна.

- Тань, а откуда возьмётся вкусенькое? – философски замечает Слон, он же раб Божий Вячеслав. – Денег нет, есть только картошка. И перед Рождеством Нина Александровна построит нас в две шеренги, заставит начистить два ведра картошки и вспомним мы нашу родную армию и очень родного товарища сержанта.

«Сержант» – это я. Я старше этой беспечной молодёжи и привыкла готовить для семьи. Но где же наготовить одной на такую ораву? Вот и построю их перед праздником как миленьких, и Слон у меня будет чистить картошку и раскатывать тесто на пироги. А за «сержанта» насмешник ответит.

- Слоник, – говорю я вкрадчиво, – рассказать, как ты печку топил?

Дело было так. Наша община арендовала в деревне дом, поселив в нём молодых паломниц. А паломницы прехорошенькие, Слопу любопытно. Вот и красуется он перед ними таким павлином, предлагая протопить от сырости печь.

- Ты умеешь топить? – спрашиваю его.

- Да, мой генерал.

А потом из распахнутых окон дома повалил такой чёрный густой дым, что в деревне всполошились – пожар. Это Слон топил печь с закрытой заслонкой и при этом запикивал дрова в поддувало. Горожане в деревне почти инопланетяне. Правда, вскоре научились топить. И всё-таки Слоник – наш общий любимец. Он большой и добрый, а поэтому Слон. Он пришёл в монастырь с компанией хиппи и был похож на индейца – длинные чёрные волосы, перетянутые алой банданкой, в ухе серьга и множество украшений в виде фенечек, бронзулетов и бус. По поводу недостойного внешнего вида Слопу регулярно читали мораль. Но кто же в юности внемлет моралистам? И кто ещё в детстве не сделал выбор, полюбив весёлого Тома Сойера, а не примерного мальчика Сида, скучного и гнусного, как смертный грех? Но однажды наш «индеец» попался на глаза молодой игуменьи из подмосковного монастыря Ксении, действовавшей явно по методу Тома Сойера.

- Махнёмся не глядя? - предложила она «индейцу».

- Махнёмся! - с восторгом согласился тот.

А игуменя «цап-цап» и «сцапала» (это Слон так рассказывал) всю индейскую бижутерию Вячеслава, вручив взамен чётки, молитвослов и скуфью. В этой скуфейке он звонил потом на колокольне городского храма, работая там звонарём. И всё-таки батюшке приходилось присматривать, чтобы звонарь не катался по перилам, как школьник, и не учил прихожанок танцевать стэп.

Слон - это бьющая через край радость, и ему необходимо во что-то играть. Вот и сейчас он играет в официанта, принимающего заказы к рождественскому столу:

- Так-с, что будем заказывать?

- Мне осетрину холодного копчения и сыр «Дор Блю».

- Цыплята-табака, а на десерт торт «Прага».

- А в Варшаве мы ели такие пирожные, просто тают во рту. Пожалуйста, доставьте пирожных из Польши.

Молодёжь веселится, предаваясь виртуальным гастрономическим утехам. А у меня полжизни прошло в очередях, и оживает в памяти былое. Перед Новым годом в магазинах всегда «выбрасывали» дефицит и начиналась напряжённая битва за него. В этой битве намнут рёбра, зато удавалось добыть мандарины, шпроты и даже шампанское. С шампанским мне однажды повезло. Зашла в магазин, а там объявление: «Шампанского нет». И тут крик с улицы - завезли шампанское. Толпа притискивает меня к прилавку, давит, плющит, но я первая в этой битве, первая!

А потом мы волнуемся, встречая Новый год:

- Скорей, скорей открывайте шампанское. Сейчас двенадцать пробьёт. С Новым годом и с новым счастьем!

Душа обмирает в этот миг и верует: завтра начнётся новая светлая жизнь и мы будем счастливы, будем. А назавтра наступает серенькое утро с грудой грязной посуды на столе и окурками в салате оливье.

- Нина Александровна, - пробуждает меня от наваждения голос Слоника, - а вы что заказываете на Рождество?

- Шампанское!

А потом была эта радостная долгожданная рождественская ночь. Храм переполнен, и батюшка успевает предупредить на ходу, что паломников сегодня необычайно много и надо как-то разместить их в наших домах. В общем, возвращаемся с ночной литургии уже с толпой паломников, и все поют: «Дева днесь Пресущественнаго раждает, и земля вертеп Неприступному приносит; Ангели с пастырьми славословят...» А душа воистину славословит Бога, и мы идём среди ночи ликующей толпой.

В доме Миши уже накрыты столы. Главное блюдо, конечно, картошка, но уже со сметаной и с молоком. Я разогреваю в кухне пироги и слышу, как в комнате заходится от смеха Слоник.

Оказывается, паломники доставили к рождественскому столу всё то, что «заказывали» в новогоднюю ночь: балыки осетрины холодного копчения, сыр «Дор Блю», торт «Прага» и гору цыплят-табака. А ещё польские православные студенты привезли из Варшавы пирожные, и они, действительно, тают во рту.

Вячеслав, он же Слон, торжествует, но при этом поддразнивает меня:

- Некачественно вы ко мне относитесь, некачественно. Смотрите сами – все заказы выполнены. А где шампанское для сержанта? Тю-тю!

Но тут в дверях появляется будущая инокиня Нектария с двумя бутылками шампанского в руках:

- Родные мои, я не могла не приехать. Я люблю вас. Ура!

«Душа до старости лет в цыплячем пуху», – говаривал, бывало, покойный писатель Виктор Астафьев. А для Господа мы – малые дети, и, совсем как в детстве на ёлке, Он одарял нас подарками на Рождество. А даровано было так много, что уже совестилась душа: Господи, мы же грешники, а Ты утешаешь и милуешь нас.

Молиться было страшно и стыдно. Господь был рядом и настолько близко, что слышал каждый вздох или мысль. Вот едва успела подумать: «Господи, дров на зиму нет», как тут же стучится тракторист в окошко:

- Хозяйка, дрова привёз. Задёшево отдам. Возьмёшь?

Позже такого не было, а тогда молились и изумлялись: чего ни попросишь, то даёт Господь. Правда, просили не луну с неба, а что-то обычное вроде дров. И всё-таки чудеса становились уже привычными, рождая горделивое чувство: вот как сильна наша молитва, если слышит её Господь. Во всяком случае, именно в таком духе наставлял паломниц один недавно постриженный инок:

- Каждое дело надо сначала промолитвить, и тогда всё будет тип-топ.

А через год этот инок уходил из монастыря.

- Ноги моей больше в монастыре не будет, – говорил он, швыряя в чемодан вещи. – Как я раньше молился, как я молился! В миру моя молитва до Неба шла, а теперь потеряно всё.

Мы сокрушались, уговаривая инока одуматься, а он лишь рассказывал опять и опять, каким великим молитвенником был прежде. И когда он в очередной раз завёл рассказ о великом молитвеннике, я, не выдержав, заявила, что мой сын в таком случае великий мореход, поскольку стал чемпионом в гонках на катамаране.

- При чём здесь катамаран? – удивился инок.

А при том, что мой сын не умеет управлять катамараном. Он яхтсмен, а катамаран и яхта – две большие разницы. Но перед самым стартом обнаружилось, что в программу регаты включены гонки на катамаранах. И тренеру пригрозили, что их яхт-клуб снимут с соревнований, если они не выставят команду по классу катамаран. Тогда тренер спешно посадил на катамаран моего сына с товарищем, сказав новобранцам:

- Главное, не свалитесь за борт и хоть на четвереньках, а доползите до финиша.

Говорят, при хорошем ветре катамаран развивает скорость до ста километров в час. Но на старте было затишье, хотя надвигалась гроза. А потом дунул такой штормовой ветер, что угрожающе затрещали крепления и хлётко защёлкали паруса. Опытные спортсмены противостояли шторму, меняли паруса, лавировали, откренивались. А двое неумёх сидели на своём катамаране, как собаки на заборе, и не знали, что делать. Нет, сначала они попытались управлять катамараном, но по неопытности едва не опрокинулись. И тогда они сосредоточились на главной задаче – не свалиться за борт на опасно кренящемся судне. И пока другие команды демонстрировали высокий класс мастерства, неуправляемый катамаран на бешеной скорости примчался к финишу, и сыну вручили диплом чемпиона и медаль.

Когда я повесила этот диплом на стенку, сын снял его и сказал: «Мам, какой же я победитель? Победил ветер, это ветер нас нёс».

Вот так же и нас в ту счастливую пору нёс ветер Божией благодати, а мы приписывали эту силу себе. Мы наивно полагали, что умеем молиться. А теперь, уже годы спустя, я прошу схиигумена Илию:

- Батюшка, научите меня молиться.

- Ну, это сразу не бывает, – отвечает старец. – Помнишь, как Господь исцелил слепого? Сначала Он вывел его из мира, за пределы селенья. И слепой не сразу прозрел. Сперва он видел неясные пятна и людей в виде движущихся деревьев. Душа исцеляется, пойми, постепенно. Разве можно сразу духовно прозреть?

Правда, когда я обратилась с такой же просьбой к архимандриту Иоанну (Крестьянкину), он ответил гораздо резче, сказав, что иные, едва лишь взрыхлят грядку, сразу ждут урожая, то есть дара молитвы и высокого духовного бесстрастия, почти недостижимого в наши дни.

* * *

Давно уже нет нашей общины, но интересны судьбы людей.

Кто-то стал иеромонахом, кто-то иеродиаконом, а большинство – простые монахи и иноки. Иные же избрали путь семейной жизни и теперь воспитывают в вере своих детей. Оптину пустынь все помнят и любят, а при случае бывают здесь. Словом, иногда мы снова собираемся вместе и, радуясь, вспоминаем те времена, когда было бедно и трудно, но ликовала душа о Господе, так щедро одарившем нас, ещё наивных духовных младенцев.

- Благодать была такая, что жили, как в раю, – вздыхает многозаботливый семейный человек Вячеслав, а в прошлом беспечный Слон.

- Хочется в рай, да грехи не пускают, – вторит ему Вадим. – А помните, что отец Василий говорил про рай?

Был такой разговор – про рай. Начал его бывший наркоман, уверявший, что во время приёма наркотиков он сподобился видения рая.

- А уж я каких райских видений сподоблялся, когда пребывал в состоянии прелести! – засмеялся молодой послушник.

А иеромонах Василий (Росляков) сказал:

- В рай ведь можно попасть воровски, украдкой, как подсматривают через забор. Душа ещё

уязвлена грехами и не готова для рая, но подсмотрит она неземное что-то и уже не хочет жить на земле.

Так вот, ещё о судьбах людей. Были в нашей общине и те, кто, пережив благодать в начале пути, отошли потом от Церкви или почти отошли. В храм они ходят редко и так томятся здесь, что вскоре покидают службу, обличая «безблагодатную» Церковь. А вот во времена общины была благодать, и как же окрылял этот дух любви!

- Почему не стало любви? - нападает на меня такая «обличительница».

- Потому что любовь - дар Духа Святого. А разве мы способны, как святые, подвизаться до крови: «Даждь кровь, и прими Дух»?

Честно говоря, я плохо понимаю таких людей, кажется навсегда застрявших в том детстве, когда от жизни ждут только радостей, а православие приемлют лишь как зону комфорта, где есть одна благодать и нет изнурительной борьбы со страстями и скорбей на пути ко спасению. Люди, страдающие таким инфантилизмом, как правило, глубоко несчастны, и батюшка говорит, что надо молиться за них. Но молиться по-настоящему я до сих пор не умею, а потому и рассказываю таким «обличителям» историю про катамаран, хотя это мало кого убеждает.

"Революция" и другие слова-ловушки

Эту историю мне рассказала московская художница-иконописец Елена Ивановна. В юности она увлекалась Фрейдом и жила в той богемной среде, где курили травку, хлестали водку и верили, что только «свободная любовь», а иначе блуд, раскрепощает творческое «Я» художника, не позволяя ему погрязнуть в болоте предрассудков.

- В юности я верила Фрейду, как Богу, а Фрейда от ненависти трясло при одном только слове «Христос», - рассказывала Елена. - И раскрепощение по Фрейду закончилось таким отращением ко всей этой мерзости, что я решила покончить жизнь самоубийством. Достала яд и уже хотела выпить его, как вдруг земля ушла из-под ног. Господь показал мне, еще неверующей и некрещеной, сначала рай, а потом ад. Я буквально затряслась от ужаса, когда увидела место, куда попадают самоубийцы. Но если ад еще можно хотя бы приблизительно описать, то рай неопишуем. Я художница и разбираюсь в красках, но таких красок, поверьте, нет на земле.

После этого случая Елена крестилась. А перед крещением составила словарь тех ядовитых слов-ловушек, что осквернили ее юность и едва не привели к самоубийству. У Фрейда любовь - это секс и партнерство, зато блуд - это любовь. Целомудрие - извращение закомплексованной личности с упрямой в подсознание похотью. А извращение - выход в царство свободы.

Словарь был длинный. С годами многое забылось. А недавно подумалось: как хорошо, если бы кто-то из читателей сайта составил словарь современных слов-ловушек, избилующих в наши дни. Я лично готова внести свой вклад, рассказав историю слова «революция», и вот почему. В одном из моих рассказов, опубликованных на сайте «Православие.Ру», было написано: «Ведь если слово “эволюция” в переводе на русский означает “развитие”, то “революция”, наоборот, - движение назад». А на днях мне позвонила преподавательница с многолетним педагогическим стажем и, искренне желая помочь, указала на ошибку:

- Читайте словари! - призывала она. - А во всех словарях революция - это качественный скачок и то обновление жизни, когда отсталую формацию сменяет более прогрессивный общественный строй.

Вот и я призываю: читайте словари, но не только советские или близкие им по духу. Есть еще и словарь языка Шекспира. Есть, наконец, та мистика слов, что помогает понять, почему «оранжевые» и прочие «цветные» революции завершились не обещанным улучшением жизни, но совсем наоборот – и почти как в той сцене у Шекспира, где Гамлет, рассматривая череп Йорика, говорит о сути революции. Обо всем этом можно узнать из статьи, заимствованной из научно-исторического блога «Averrotes». К сожалению, при всей своей научной добросовестности блог малоизвестен, но он посвящен всем тем, кто переживает из-за духовного кораблекрушения нашей культуры и надеется на ее возрождение.

* * *

Переворот смысла: значение слова «революция»

Источник: Averrotes

«Да здравствует революция!» – таким было восклицание английских роялистов, которые долго ждали и наконец дождались падения Кромвеля и воцарения Карла II. Нет, никакого сарказма, всё совершенно серьезно. Просто с течением времени немало слов поменяло смысл на противоположный. Рука об руку с искажением изначального смысла слова «абсолютизм» идет и искажение значения «революции».

Слово «революция» впервые появилось в латинском языке IV–V веков, образовавшись из глагола «revolvere», означавшего «превращаться», «возвращаться», «откатываться», «отходить назад». В Средние века термин «revolutio» стал использоваться европейскими астрономами для обозначения циклического вращения планет и звезд. Именно в таком смысле употреблялся данный термин в знаменитой работе Николая Коперника «De revolutionibus orbium coelestium (О вращениях небесных сфер)», изданной в Нюрнберге в 1543 году. С XV века его начали применять для обозначения круговорота и политических форм. Так, во Флоренции термином «rivoluzioni» называли мятежи 1494, 1512 и 1527 года, потому что они, сокрушив существовавшие политические порядки, восстановили те, которые были до них. Во Франции словом «révolution» было названо возвращение короля Генриха IV в католичество 25 июля 1593 года.

В «Словаре французского и английского языка», составленном Рандлом Котгрэйвом и изданном в Лондоне в 1611 году, слово «revolution» толковалось как «a full compassing, rounding, turning backe to it first place, or point; the accomplishment of a circular course (полный кругооборот, движение по кругу, поворот назад к его первому месту или точке; выполнение кругового движения)». В «Толкователе трудных английских слов», вышедшем восьмым изданием в Лондоне в 1647 году, термин «revolution» трактовался как «a winding, or turning about, especially in the course of time (поворот или вращение по кругу, особенно в течение времени)». В пьесе У. Шекспира «Гамлет» слово «revolution» было использовано в значении «превращения»: в первой сцене пятого акта принц Гамлет говорит, рассматривая череп: «Here's fine revolution, an we had the trick to see't (Вот замечательное превращение, если бы только мы обладали способностью видеть его)».

С позиции такого понимания термина «революция» настоящим революционным действием представлялась не ликвидация королевской власти в Англии в начале 1649 года, а ее восстановление в 1660 году. Томас Гоббс в произведении «Чудище», посвященном Долгому парламенту, называл революцией «круговое движение суверенной власти через двух узурпаторов, отца и сына, от последнего короля к его сыну». При этом философ пояснял, что данная власть «переходила от короля Карла I к Долгому парламенту; от него к Охвостью (Rump); от Охвостья к Оливеру Кромвелю; и потом в обратном направлении – от Ричарда Кромвеля к Охвостью; от него к Долгому парламенту; и оттуда к королю Карлу II, где она

может оставаться долго».

Эдвард Гайд, граф Кларендон, представлял в своих мемуарах происходившие в Англии с 1640 до 1660 года катастрофические события как «мятеж и гражданские войны», а словом «revolution» обозначал реставрацию монархии Стюартов. При описании триумфального возвращения Карла II из Парижа через Гаагу в Лондон он отмечал, что, глядя на то, как принимали его величество, можно было подумать, будто «революция эта была вызвана объединением и активностью всего христианского мира».

«Революцией» именовал восстановление в Англии в 1660 году королевской власти и Джон Прайс. Брошюра с его воспоминаниями об этом событии была издана в Лондоне в 1680 году. «Секрет и способ счастливой реставрации его величества, открытые общественному взгляду» – таким было ее название, после которого указывалось имя автора – Джона Прайса и сообщалось, что он является «одним из последних капелланов герцога Альбемарльского, посвященным во все секретные страницы и детали этой славной революции».

Идеи литовского олигарха

«Дьявол – обезьяна Бога», – писал священномученик Иринеи Лионский, поясняя, что лукавый в силу творческого бессилия не способен созидать свое, а потому искажает сотворенное Богом и старается пристроить возле церкви свою нечестивую «часовенку».

Вот и на Красной площади в Москве близ величественного собора Василия Блаженного есть такая «часовенка» – Мавзолей с трупом Ленина. В православных храмах есть мощи святых, и здесь тоже «мощи» – нарумяненная мумия «святого» вождя революции. Советских школьников в обязательном порядке водили в Мавзолей, а после поклонения мумии они должны были написать в сочинении о величии вождя революции и воспеть его: «Ленин всегда живой, Ленин всегда со мной». Но дети есть дети. И один простодушный ребенок написал в сочинении: «Ленин лежал в гробу, как пластмассовый». Сочинение сочли идеологической диверсией, и «диверсанту» крепко влетело сначала на педсовете, а потом дома. Словом, нас с детства учили врать.

Ленин был самым великим «святым» Страны Советов. Но кроме него были «святые подвижники» – у каждого поколения свои, но непременно окруженные тем ореолом святости, когда их неустанно величали СМИ, шло всенародное прославление, а гражданам вменялось в обязанность подражать им. Таким было когда-то движение стахановцев, названное так в честь шахтера Алексея Стаханова, выполнившего за смену 14 рабочих норм. Позже было движение гагановцев – это в честь героини тех лет Валентины Гагановой, которая добровольно перешла в отстающую бригаду и вывела ее в передовые. В народе тогда пели частушку:

Брошу я хорошего,
Выйду за поганого.
Пусть все люди думают,
Будто я Гаганова.

В добровольно-принудительном порядке в гагановском движении участвовали все – рабочие, колхозники и даже школьники. В нашем классе на роль гагановки выдвинули робкую отличницу, обязав ее подтянуть и перевоспитать злого хулигана и двоечника Погосова. Перевоспитание завершилось тем, что хулиган научил отличницу курить, а потом они целовались в зарослях сирени.

Уточню сразу: я с большим уважением отношусь к Алексею Стаханову и Валентине Гагановой.

Самоотверженные были труженики. Речь идет лишь о том феномене, когда во времена тотального атеизма советская власть облекала свои начинания в форму некой религии без Бога, внушая людям веру, что именно так можно построить на земле рай, то есть коммунизм. Вот и расскажу об опыте построения коммунизма в одном отдельно взятом литовском селе.

Знакомство с этим опытом состоялось так. Однажды по случаю очередного юбилея делегацию московских писателей и журналистов отправили в Литву, а там нам предложили ознакомиться с передовыми достижениями народного хозяйства. Короче, привезли нас в передовое село. Мои спутники, люди бывалые, сразу же устремились к конечной точке маршрута – в банкетный зал, где уже были накрыты столы с изысканными литовскими ликерами. Мне же, как человеку непьющему и ничего не понимающему в ликерах, было рекомендовано ознакомиться с достижениями.

Зрелище, признаюсь, было любопытное. Вместо привычной деревни коттеджный поселок, где у каждой семьи свой двухэтажный особняк с городскими удобствами: ванная, туалет, газ, телефон и централизованное отопление из общей котельной. К сожалению, рождаемость в Литве низкая, семьи немногочисленны. А потому предполагалось, что столь благодатные жилищные условия породят и ту благодать, когда в каждом особняке будет семеро по лавкам. Прогнозы были самые радужные, но рождаемость еще больше пошла на спад.

Возле особняков были лишь узкие полоски земли, на которых росли цветы. И было что-то чужеродное в этой урбанизированной деревне, где возле домов нет огородов. Нет хлева, где пережевывая сено, шумно вздыхает корова, а в курятнике клекочут куры.

- А зачем? – сказал сопровождавший меня парторг. – У нас как при коммунизме: всё бесплатно.

Оказывается, они действительно жили как при коммунизме. И зачем ходить за коровой и горбиться в огороде, если можно подать заявку, и вам бесплатно привезут на дом всё необходимое: картошку, морковку, молоко или яйца.

- У людей должен быть тосуг, – важно сказал парторг, выговаривая «д», как «т».

- А что делают, – интересуюсь, – люди на досуге?

- Пьют, – засмеялся он. – Владас звонит Петрасу и говорит: «Что ты делаешь?» – «Пью». – «И я пью. Давай выпьем вместе».

- Совсем спиваются мужики, – вмешалась в наш разговор бабуля, долго жившая в России и хорошо говорившая по-русски. – И без коровки стало скучно жить. Раньше придешь в хлев расстроенная, а она дышит теплом тебе в ухо и слезы слизывает со щек. Очень ласковая у меня была коровка, а теперь я без ласки живу.

- Вам давно пора пообедать, – настоятельно порекомендовал парторг.

И вдруг я почувствовала, что ему до смерти надоело рассказывать байки про коммунистический рай. Мы взглянули друг на друга, улыбнулись и поняли без слов: по отношению к коммунизму мы одного поля ягоды. И что поделаешь, если советская власть устроила на литовской земле «витрину коммунизма» для Запада и вбухивает в эту показуху миллионы, разумеется, российских рублей? Знакомиться дальше с показухой как-то расхотелось, и мы решили ограничиться посещением музея старого быта.

Это был даже не музей, но усадьба 40-х годов XX века, сохраненная в том первоначальном виде, что даже казалось – хозяева всё еще живут здесь или вышли отсюда на минуточку. Солнце

золотило массивные бревна старинного дома, построенного прочно и на века.

Дом осеняли зеленые кроны дубов, могучих, столетних и таких величественных, что вдруг вспомнились слова поэта: «Высокие деревья, как молитвы». Это была та Литва, в которую я влюбилась с первого взгляда. В памяти замелькали кадры из фильма: на красивых конях красиво скачут лесные воины, «мишкенайте», и воюют с большевиками за богатую вольную Литву. Конечно, в идейном смысле это были плохие «редиски», но сердце сочувствовало именно им.

А в доме, казалось, продолжалась жизнь. На громоздком деревянном ткацком станке хозяйка ткала еще совсем недавно это толстое серое сукно, колючее на ощупь. Возле корыта с бельем – глиняный горшок с золой и мыльником (это трава такая). Мыло, оказывается, было слишком дорогим, и стирали такой вот смесью. На каганце лучина для освещения дома. Но больше всего меня поразили самодельные спички. Да каким же надо обладать терпением, чтобы вытесать из дерева эти тонкие палочки. Уму непостижимо – на спичках экономят!

В деревенском доме. Литва

В деревенском доме. Литва

- Хозяин усадьбы был бедным человеком? – спрашиваю парторга.

- Это Йонас был бедный? – усмехнулся он. – Богаче Йонаса никого в округе не было. Олигарх был, по-нынешнему. А потом пришла советская власть и, как это сказать по-русски, взяли кота за ворота и в тюрьму. Долго сидел, но вернулся довольным.

- Как довольным?

- А вы сами с ним поговорите. Он рядом живет.

Вот и не знаю, как рассказать о человеке, который вернулся из лагерей не то чтобы довольным, но благодарным жизни за ее уроки. Однако по порядку.

Йонас очень обрадовался, когда парторг представил меня как писателя из Москвы, и тут же извлек из сундука полсотни или больше толстых тетрадей, исписанных таким мелким-премелким почерком, что стало понятно: он экономил бумагу.

- Я тоже пишу, – сказал он взволнованно. – Тут вся моя жизнь.

Парторг сразу заскучал при виде тетрадок и заторопился к гостям.

- Назовите любой год и любую дату, – торжественно объявил Йонас, – и я вам зачитаю, как прошел этот день.

Я называла наугад годы и даты, а Йонас зачитывал летопись своей жизни: «15 мая. Восход солнца в 4:47». Это была удручающе однообразная летопись, где менялись дни и годы, время восхода и захода солнца, но неизменным оставалось одно – Йонас спал не больше четырех часов в сутки, а остальное время неистово работал во исполнение любимого завета протестантов: «Трудолюбивые приобретают богатство» (Притч. 11: 16).

- Говорят, вы были самым богатым человеком в округе, – спрашиваю Йонаса, – и некоторые даже завидовали вам?

- Да, мне многие завидовали, – сказал он, приосанясь. – У меня был железный плуг, а не

деревянная мотыга, как у прочих. Я имел вторые штаны – настоящие, из магазина, а не эти колючие, из самодельного сукна. И в кирху я приходил в сапогах. О, все оглядывались: «Он в сапогах!»

Правда, в кирху, признался Йонас, он шел сначала босиком: берег сапоги. И только неподалеку от кирхи, вымыв ноги в ручье, надевал свою драгоценную обувь.

Миф о богатой Литве, которую потом разорила Москва, рушился на глазах. Позже я специально поинтересовалась статистикой: 80% населения довоенной Литвы были заняты в сельском хозяйстве, из них только 2% имели кожаную обувь, а остальные ходили в деревянных башмаках. Вот цены тех лет в переводе на натуральные продукты: один костюм – 3000 литров молока или 16 700 яиц. Одно платье – 15 кур или 10–15 килограмм сливочного масла.

– Я так хотел купить велосипед, – вдруг как-то по-детски жалобно сказал Йонас, – но за него надо было отдать пять коров! Разве можно себе такое позволить?

На условия жизни в лагере он не жаловался, привыкнув еще на воле вставать раньше, чем зэки, спать меньше заключенных, а работать он умел и любил. Наконец, в лагере, как считал Йонас, ему повезло: он работал на огородах при зоне. Когда-то единственный во всей округе он выписывал сельскохозяйственный журнал, знал в теории новинки сельхозтехники и передовые приемы агротехники. Как он мечтал воплотить это на практике, но удалось купить лишь железный плуг. Зато на зоне он развернулся и выращивал такие рекордно-высокие урожаи, что начальство удивлялось неистовому литовцу, готовому работать даже при луне. Йонаса поощряли, разрешая ему посещать лагерную библиотеку.

– Я всегда хотел учиться, хотел читать! – восклицал он. – Я читал в лагере. Я читаю сейчас!

Йонас торопливо доставал из сундука подшивки каких-то старых журналов, учебники и среди них учебник «Астрономия».

– Я думал всю жизнь, – продолжал он, – и понял: главное зло – это богатство и зависть, самая черная зависть, если у кого-то чуть-чуть больше вещей. Я знаю, как правильно устроить жизнь. Запишите, пожалуйста. У меня всё продумано.

В изложении Йонаса план переустройства мира выглядел так. У всех людей должна быть одинаковая одежда и одинаковая еда. Ничего лишнего, чтобы не было зависти! Тогда наука и ученые будут править миром, а люди станут ходить в библиотеки и читать книги.

– Простите, но всё это похоже на зону, правда, без колючей проволоки, – возразила я Йонасу.

– А знаете, что страшнее зоны? – горько сказал он. – Это когда человек экономит на спичках и гробит жизнь ради вторых штанов. Правильно меня посадили, правильно. Таких сумасшедших надо сажать!

На том мы и расстались. Вернулась я в банкетный зал как раз к тому моменту, когда здесь, как во всяком приличном застолье, решали судьбы мира.

– У нас в центре России села без газа, а у вас к любой деревушке подведен газ. На чьи денежки, а? – наседали на парторга маститый писатель.

– Сама даете, как тураки, – отбивался парторг. – Нет, дурнее русских только мы, литовцы!

Закончились пререкания тем, что двое спорщиков обнялись и дружно исполнили

международную русскую песню «Катюша».

* * *

С годами многое забывается. А недавно я снова вспомнила Йонаса, прочитав пророчество преподобного Серафима Вырицкого: «Придет время, когда не гонения, а деньги и прелести мира сего отвратят людей от Бога, и погибнет куда больше душ, чем во времена открытого богоборчества».

Правда, мера богатства у каждого своя. По настоящему богатых людей на планете не так много, и даже знаменитый список «Форбса» вполне исчерпаем. Основное население земли – люди среднего достатка. И однажды американские социологи провели эксперимент среди клерков среднего класса, подразделявшихся в свою очередь на клерков старших и младших. У старших были телефоны с особой кнопочкой-пупочкой, вешалки для одежды особенной формы и еще какие-то специальные мелочи, позволяющие им чувствовать себя своего рода «майорами» и «генералами» среди серого офисного планктона. И вот приходят однажды старшие клерки на работу, а у них обычные телефоны и вешалки, как у младших клерков. В деловом и в материальном плане этих людей никак не утеснили, но с них, если так можно выразиться, сорвали погоны офисного генералитета. Кому-то стало дурно, кто-то в панике пил валерьянку, а одного клерка в тяжелом состоянии увезли в реанимацию.

В том-то, вероятно, и заключается главная трагедия богоборчества, что здесь ничтожное превращается в великое и люди веруют в значимость престижной тряпки, телефона с особой пупочкой или такой вешалки, какой нет у «серых» людей.

P.S. На днях увидела по Интернету видео, где шоумен читал похабные издевательские стихи про Ленина, а зал гоготал. Так вот еще раз о Мавзолее: раньше сюда приходили ветераны, по-своему любившие Ленина, а теперь приходят в основном «гогочущие». Можно любить или ненавидеть Ленина, но издеваться над покойным не в чести на Руси. Пора похоронить покойника. Давно пора.

Дребязги

Польское слово «дребязги», в переводе «мелочи», врезалось мне в память мгновенно во время налета польских таможенников на наш переполненный до отказа общий вагон. Разумеется, это был не налет, но таможенный досмотр с обязательной проверкой: а не вывозят ли господа из Польши вещи, не указанные в налоговой декларации? Тем не менее, всё происходило в форме погрома. Сначала пограницы с автоматами ногой распахнули дверь, а потом принялись пинать чемоданы, вышвыривая из них вещи. В воздухе замелькали упаковки колготок, футболок, шарфиков под многоголосый вопль пассажиров:

- Пан, то дребязги!

Оказывается, дребязги, то есть мелочи, не облагаются налогом, а везли чемоданами именно их.

Закончилось всё очень быстро и мирно. Владелец чемодана с дребязгами (300 пар колготок) тут же собрал дань с пассажиров, а таможенники поблагодарили и элегантно отдали честь.

Моим соседом по вагону был профессор-лингвист, владеющий многими европейскими языками и отчасти русским.

- Мы спекулянты и едем на базар в Вену, - пояснил он. - Сейчас многие интеллигентные люди имеют свой маленький бизнес, потому что зарплата ученого - пшик.

Прощаясь, профессор сказал:

- Я ученый, а трачу время на дребязги! Но то, пани, жизнь. Реальная жизнь.

Вот и моя жизнь, как чемодан с дребязгами. Вроде мелочи, но иные истории почему-то помнятся годами, а потому расскажу о них.

Про муравья

Стоят два маленьких братика в храме и видят: по полу ползет муравей. Младший брат, пятилетний Витя, задумался, припоминая: собакам в церковь заходить нельзя. И муравьям, наверно, нельзя? Хотел убить муравья, замахнулся, но старший брат, шестилетний Ванечка, остановил его:

- Что ты делаешь? Ты разве не понял? - Муравей к Богу пришел.

Несдержанность

Один мой знакомый, преподаватель вуза, после смерти любимой жены год пребывал в отчаянной горе, а потом два года сожительствовал со своей аспиранткой. Именно в эту пору он крестился и стал таким пламенным православным, что редкий день не бывал в храме, а исповедовался и причащался еженедельно.

- Володя, - спрашиваю однажды с осторожностью, - а как вы исповедуете блудный грех?

- Как несдержанность.

Впрочем, через два года наш Володя обвенчался со своей избранницей, и сейчас, говорят, они счастливы.

Долгий запой

Тайну исповеди надо хранить. А потому батюшка рассказывал мне эту историю эзоповым языком и, разумеется, не называя имен:

- Женский алкоголизм - это геенна огненная. Мужики пьют, но хоть как-то держатся. А женщины спиваются и сгорают вмиг.

Помолчит, вздохнет и опять про то же:

- Подумать страшно: даже девушки пьют! Смотришь на нее - такая юная, нежная, а исповедуется, как мужик: «согрешаю пьянством». У нее уже год запой!

Подробности о долгом запое девушки выяснились случайно. Однажды на исповеди батюшка спросил ее:

- Ты сколько выпила вчера?

- Рюмку.

- Чего?

- Кагора. У нас, когда схоронили папу, после поминок бутылка кагора осталась.

- А когда папу схоронили?

- Год назад. Мы с папой весело встречали праздники, гостей было много. А теперь на праздники такая тоска. Сидим мы с мамой одни-одинешеньки, маме плакать хочется. И тогда я ставлю на стол бабушкины серебряные рюмки – совсем крохотные, с наперсток, и мы с мамой веселим себя папиным кагором.

- Ну кто бы мог подумать, что в наше время наперстками пьют? – удивлялся потом батюшка.

Батюшка молод. А я помню то время, когда, действительно, пили наперстками. У нас дома в буфете стояли такие пузатенькие рюмочки – массивные с виду, с толстыми стенками, но вмещавшие всего лишь глоток вина. Женщины пили из них в праздники слабое сладенькое вино. А моя мама робела пить даже сладенькое. И всё же на почве борьбы с алкоголизмом мои родители едва не развелись. Был в те годы обычай: на праздники все соседи из нашего подъезда обязательно собирались за общим столом. Однажды мама пригласила соседей собраться у нас дома, напекла пирогов и купила бутылку хорошего армянского коньяка. А папа у нас даже пива не пил, хотя не ханжа, а боевой офицер и во время Великой Отечественной войны воевал с басмачами на границе с Афганистаном. Правда, про басмачей тогда в газетах не писали, утверждая, что у нас крепкий и надежный тыл. А только это была тоже война. Мы даже получили на папу «похоронку», когда басмачи на семь месяцев заперли их в ущелье, и они отстреливались до последнего патрона. К счастью, папа выжил, но вот не пил и всё. Никогда никого он не осуждал, если пили в его присутствии, и был крайне немногословен. А тут по поводу бутылки коньяка папа разразился гневным монологом на тему, что он не допустит в своем доме пьянки, и соседей, если явятся, на порог не пускать.

- Значит, надо выгнать гостей в шею? – грозно сказала мама. – Пожалуйста: выгоню. Я в одиночку напьюсь!

И мама лихо выпила стакан коньяка. Это был бунт на корабле, и такой устрашающий, что папа в панике сбежал из дома и всю ночь сидел на скамейке в парке.

Позже выяснилось, что папа просто ревновал маму к соседу, игриво ухаживавшему за ней во время общих застолий. Впрочем, это был единственный случай, когда мои родители были на грани развода, но, к счастью, не развелись.

Державная

2/15 марта, в день отречения от престола государя-страстотерпца Николая Александровича в селе Коломенском (ныне это Москва), явила себя чудотворная икона Божией Матери «Державная». В «Сказании о явлении Державныя Божия Матери» говорится: «Зная исключительную силу веры и молитвы царя-мученика Николая и Его особенное благоговейное почитание Божией Матери (вспомним собор Феодоровской иконы Божией Матери в Царском Селе), мы можем предположить, что это он умолил Царицу Небесную взять на Себя верховную царскую власть над народом, отвергшим своего царя-помазанника. И Владычица пришла в уготованный Ей всей русской историей “Дом Богородицы” в самый тяжкий момент жизни богоизбранного народа».

О Державной иконе Божией Матери уже написано так много, что, вероятно, не стоит повторять. А потому расскажу о фактах, менее известных.

В Москве мы с сыном окормлялись у отца Георгия Таранушенко, ныне протоиерея и настоятеля храма святых мучеников и страстотерпцев Бориса и Глеба в Дегунино. А в те годы

он служил священником в Коломенском храме Казанской Божией Матери. Подружились мы и с супругой отца Георгия матушкой Ириной, работавшей научным сотрудником в Историческом музее. Обстановка в музее была сложная, на «попадью», бывало, косились. Но когда матушка Ирина решила уволиться из музея, то духовник их семьи архимандрит Адриан (Кирсанов) не только не одобрил ее решения, но как-то особенно значимо благословил ее продолжать работать там. Благословение было не случайным, потому что именно матушке Ирине дано было отыскать в запасниках музея, казалось бы, утерянную Державную икону Божией Матери.

«Отреставрировали мы икону, - рассказывала матушка Ирина. - И тут ее увидел митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, возглавлявший тогда Издательский отдел Патриархии. А это было время того духовного голода, когда в стране Советов запрещалось издавать православную литературу. Выходил только тоненький и искромсанный цензурой "Журнал Московской Патриархии". Вот и попросил митрополит Питирим дать им на время чудотворную икону "Державная", чтобы в домовом храме издательства они могли помолиться перед ней о духовном просвещении России. Святое дело, конечно. Отдали мы им икону и ждем, когда вернут. Полгода прошло, а икону нам не возвращают. Выждали мы еще некоторое время и написали официальное письмо в Патриархию о необходимости вернуть икону в Коломенскую церковь - на место ее исторического обретения. Подчеркну: именно в церковь, ибо иконе не место в музее среди языческих экспонатов. В Патриархии одобрили наше решение.

Помню, ехали мы за иконой и очень волновались. Вот, думаю, сейчас там толпа журналистов, и телевизионщики приехали: ведь второе явление Державной - это воистину событие. Приезжаем, а в домовом храме никого нет. Вынесли нам из алтаря икону, и я ахнула: подменили «Державную»! Вместо нашей яркой иконы - черная доска. Встала я на коленки, приложилась к иконе, а я там каждую трещинку знаю - нет, вижу: наша икона. Но почему она черная?»

О дальнейшем мне рассказывала не только матушка Ирина, но и другие очевидцы чуда. Когда икону Державной Божией Матери привезли в храм и начали служить перед нею молебен, то вдруг исчезла с нее чернота и икона воссияла яркими первозданными красками. Обновление иконы было своего рода знаменем, обозначившим ту связь времен, когда в 1917 году крестьянке Евдокии Адриановой было дано во сне повеление отыскать в Коломенской церкви «черную» икону и сделать ее «красной». Тогда икону нашли в подвале и - почти как нынче - в завале вещей. А потом дважды обновлялась чудотворная икона, и каждый раз в трудные, переломные времена.

Весть о возвращении Державной мигом облетела Россию, и боголюбивый народ хлынул в Коломенское. Люди плакали, радовались и обнимали друг друга: «Державная вернулась, а это добрый знак!»

* * *

А теперь расскажу о моем непререкаемом убеждении, что именно по милости Державной Божией Матери я куплю дом возле Оптиной пустыни. Но поскольку рассказывать о личном крайне неловко, то сошлюсь на такой пример. Однажды к преподобному Амвросию пришла заплаканная женщина и рассказала, что помещица наняла ее ходить за индюшками, а они у нее почему-то дохнут. Кто-то посмеялся тогда над женщиной, а старец сказал, что в этих индюшках вся ее жизнь.

Словом, жизнь есть жизнь, и, вероятно, у каждого есть свои «индюшки», от которых одно огорчение. Вот и у меня после того, как мне благословили купить дом возле Оптиной пустыни, начались своего рода мытарства. Всю осень я настойчиво искала дом. В дождь и в слякоть часами ходила по улицам, расспрашивала людей, читала объявления, а потом в унынии

возвращалась в Москву. Зимой стало еще хуже. Однажды в крещенские морозы я забрела на окраину Козельска и так отчаянно промерзла, что, не выдержав, постучалась в ближайший дом и попросила пустить погреться.

- Кто же в легкой обуви по морозу ходит? - захопотала хозяйка Валентина Ивановна. - Вот тебе валенки, переобуйся немедленно. И чайку горячего, сейчас же чайку!

За чаем Валентина Ивановна рассказала, что после смерти матери она вместе с братом унаследовала ее дом. И после вступления в наследство - этой весной 15 марта - они будут продавать его. Тут мне стало даже жарко от радости: ведь 15 марта - это праздник в честь иконы Державной Божией Матери. Вот он, «знак» и свидетельство о милости Царицы Небесной.

С деревенской простотой мы разрешили дело в тот же день: я отдала хозяевам деньги за дом, а они мне вручили ключи от него. А бумаги - дело десятое, оформим потом. И я начала обживать этот дом. Еду из Москвы и обязательно везу туда что-нибудь: шторы, скатерти, посуду.

- Зачем вы вещи в этот дом возите? - спросил меня однажды отец Георгий. - Вы его не купите. Да и дом ненадежный: там одна стена потом начнет отваливаться.

Но какой может быть ненадежный дом, не поверила я, если это милость Пресвятой Богородицы? Батюшка слушал мои восторженные речи, улыбался и почему-то говорил:

- Какой нам нужен дом? Маленький, тепленький.

15 марта, в день празднования иконы Державной Божией Матери, двое наследников и я уже сидели в сельсовете. Секретарь деловито печатала договор о покупке дома, а я торжествовала в душе: ну что, батюшка, кто из нас прав - вы или я? Договор был почти напечатан, когда в кабинет влетела девица и зашептала секретарю на ухо, что в магазин завезли нечто - короче, дефицит.

- Меня срочно вызывают в мэрию, - ринулась к дверям секретарь. - Приходите после обеда.

Томиться на крыльце сельсовета еще несколько часов не имело смысла, и мы отправились домой. Идем, а навстречу нам бежит запыхавшаяся Зоя, дочка Валентины Ивановны, и еще издали кричит:

- Вы уже продали дом?

- Не успели пока. После обеда оформим.

А Зоя едва не танцует от радости, рассказывая, что к ним сейчас приходил миллионщик и предложил купить дом почти за миллион.

Позже схиархимандрит Илий (Ноздрёв) сказал, что это бес приходил в облики миллионера, чтобы обольстить людей, а только больше он не появится. Тем не менее, обольщение состоялось. Валентина Ивановна вышвырнула в окно мою сумку с деньгами за дом, а ее брат предал анафеме Москву, москвичей и меня.

От обиды хотелось плакать, но тут незнакомая женщина участливо сказала: «У нас еще Мария дом продает. Пойдемте, провожу вас к ней». В тот же день мы сговорились с Марией, и вскоре я купила тот самый дом, каким его описывал отец Георгий: маленький, тепленький. Очень теплый! И мы блаженствовали в нем зимой.

А бедная Валентина Ивановна еще два месяца нервно дежурила у окон и ждала «миллионщика». Со мной она тогда не здоровалась и лишь много позже пожаловалась при встрече: «Уже год, как дом не могу продать. Я даже цену снизила – дешевле некуда, а покупателей нет и нет!»

Только через полтора года этот уже заметно подешевевший дом купил старенький больной игумен Петр (Барабаш), узник Христов, потерявший здоровье в лагерях, где он сидел за верность Господу нашему Иисусу Христу. Старый священник был опытным хозяйственником и сразу увидел дефекты купленного дома. Но где взять деньги на покупку дома получше, если батюшка жил на нищую пенсию и по-монашески отвергал приношения прихожан? Первое время отец Петр надеялся подремонтировать дом, но вскоре выяснилось: дом не подлежит ремонту. За пленившими меня нарядными обоями скрывались трухлявые бревна, уже настолько изъеденные шашелем, что надави на бревно, и останется вмятина. А потом одна стена с торца накренилась и на полметра отошла от сруба. Через образовавшуюся дыру в дожди лило так, что не успевали подставлять тазы. А зимой в доме стоял такой леденящий холод, что даже при жарко натопленной печке батюшка не снимал с себя овчинного тулупа. Отец Петр тогда тяжело заболел. И многочисленные духовные чада игумена наконец-то догадались купить теплый дом больному священнику. Правда, игумен-исповедник и тут не изменил монашеским обетам нестяжания и переписал дом на храм Святого Духа, где он служил перед смертью.

Одно время я келейничала у отца Петра. И однажды проговорилась, что в тот памятный праздник иконы Державной Божией Матери я так ждала утешения от Царицы Небесной, а вместо этого скандал и осадок в душе.

- Но ведь вам было дано утешение, - удивился отец Петр. - В тот день вы нашли хороший дом, и номер у вашего дома пятнадцать.

- При чем здесь пятнадцать? - не поняла я.

- Да ведь пятнадцатого числа мы величаем Державную.

Позже, когда в Москве сносили нашу пятиэтажку, нашу семью переселили в новую квартиру под номером пятнадцать. И у моего теперешнего дома у стен монастыря тоже номер пятнадцать. Совпадение это или нечто большее, не берусь судить. Но вот то, что я знаю точно: Божия Мать не дала мне купить непригодный для жизни дом.

Много чудес было в моей жизни, и больше всего тех, когда Господь и Божия Мать уберегали меня от опрометчивых и опасных поступков. Через священников остерегали. И однажды отец Георгий сказал: «Вот, бывает, ребеночек упадет в грязную лужу, испачкается, а Божия Мать пожалеет и вымоет его. Но ведь есть такие взрослые детки, которые сами лезут непонятно куда». Отец Георгий смотрит ласково и улыбается, но всё понятно: это про меня. Простите меня, батюшка.

Две свечи

«Моя мама Устинья Демьяновна Гайдукова умерла в девяносто лет, - рассказывает ее дочь Людмила Гайдукова. - И сколько же горя ей пришлось пережить! Ушел на войну и не вернулся наш папа. Мама одна поднимала пятерых детей. А пятого ребенка, сестренку Валечку, мама родила прямо в окопе. Немцы тогда бомбили Козельск, а мама вырыла окопы в огороде и пряталась там вместе с детьми.

Наши отступали, а немцы уже входили в Козельск. Снаряды рвутся и стрельба такая, что мы не

высовывались из окопов. Вдруг видим: мимо нашего дома быстро идут солдаты с командиром. Немцы уже им в спину стреляют, а укрыться негде. И тогда они подожгли наш дом. Мама даже из окопа вылезла и говорит командиру:

- Что ж вы сами уходите да еще наш дом подожгли?

- Где твой муж? - спрашивает командир.

- На фронте.

- Прости нас, мать, - говорит, - ни одного патрона в винтовках не осталось. Может, за дымом пожара укроемся, и хоть кто-то из солдатиков спасется.

- Раз речь идет о спасении людей, - сказала мама, - пусть горит мой дом, как свеча. Спаси, Господи, воинов!

Дым пожара укрыл командира с солдатами, и они успели скрыться в лесу. А папа, как узнали мы после победы, был убит под Ленинградом в 1941 году. И особенно мама жалела, что он никогда так и не увидел свою младшую дочку Валечку.

В конце войны вернулся из лагерей наш оптинский батюшка - отец Рафаил (Шейченко). Худющий, как тень, - одни глаза на лице. Встретил маму и говорит радостно: "Мы свои у Господа, Устинья, свои!" Строгий был батюшка, но справедливый и всегда говорил правду в глаза: здесь ты права, а вот здесь нет. Только вернулся он ненадолго - в 1949 году его опять посадили на десять лет. Он написал после ареста: "Это последний аккорд хвалы моей Богу. А Ему слава за всё - за всё!"

И мама всегда благодарила Бога. Хотя за что, казалось бы, благодарить? Жили бедно и в тесноте. Комнатка десять квадратных метров, а нас в ней восемь человек. Мы детьми вместе с мамой поперек кровати спали. Трудно жили. А мама свое: "Слава Богу за всё!"».

Мощи преподобноисповедника Рафаила (Шейченко) сейчас покоятся в Преображенском храме Оптиной пустыни. Он был, действительно, своим у Бога, как и своей была для святого раба Божия Иустинья, сказавшая однажды: «Пусть горит мой дом, как свеча. Спаси, Господи, воинов!»

* * *

У архиепископа Иоанна - в миру князя Дмитрия Алексеевича Шаховского - есть рассказ про горящий дом. Но здесь необходимы предварительные пояснения.

В 1932 году архиепископа Иоанна, еще иеромонаха в ту пору, назначили настоятелем Свято-Владимирского храма в Берлине. И там ему было дано пережить весь ужас войны. В своей книге «Город в огне» он пишет: «На город со зловещим гудением шли волнами тысячи бомбардировщиков. Ночью налетали англичане, днем - американцы... Зарево горевших домов и улиц смывало с лиц людей чувство всякой их собственной весомости и значимости... Это было огненное очищение людей».

Во время первых налетов, замечает архиепископ, немцы вели себя весело и непринужденно. В бомбоубежища они спускались с музыкальными инструментами и бутылками выпивки. А потом менялись лица людей. Кто-то, лишившись имущества, с ненавистью проклинал вся и всех, и огонь пожаров претворялся для него в огонь геенский. Но для многих открывалась иная истина: мы гораздо меньше, чем Господь, заботимся о своей бессмертной душе. Мы живем в

«хижинах», которые однажды разрушатся (см.: 2 Кор. 5: 1). И Господь, лишая нас земных подпорок, уготовляет душу для вечности.

В ночь с 22 на 23 ноября 1943 года у отца Иоанна, как и у многих его прихожан, стгорело жилище. И он рассказывал в проповеди о некоем человеке, но, похоже, лично о себе: «У одного человека сгорел дом. Его при этом не было. Когда он подошел к своему дому, то увидел, что его дом горит и стгорает. Но он увидел не только дом. Он увидел, что большая свеча этого мира горит перед Лицом Божиим. И человек поднял свое лицо к небу и сказал: "Господи, прими свечу мою. "Твоя от Твоих - Тебе!" И - тихо стало на сердце человека». И далее: «Горят города бескрайних просторов земли, море огня поднимется к небу. Господи, да будет это свечой, Тебе воженной, в покаяние за беззакония наши».

Храм во дни огненного очищения был переполнен людьми. Двери церкви не закрывались ни днем, ни ночью: «Ворота ее открывались уже настезь в иной мир», - пишет архиепископ Иоанн, подразумевая - в вечность.

Кошачий спецназ

*Готовлюсь к худшим временам.
Боюсь, что истину предам,
Как Петр, что поневоле струшу.
Готовлюсь, укрепляю душу.*

Москвич Александр Зорин написал эти строки после того, как «за религиозную пропаганду среди детей» (была такая статья в советской Конституции) арестовали его друга Володю. А жена поэта Татьяна сказала на допросе в КГБ, что пусть ее тоже сажают за решетку, но своих детей она воспитывала и будет воспитывать в православной вере. У Саши после этого уничтожили набор уже готовой к печати книги, и он потом долго подвизался на стройках Подмосковья. Впрочем, в те времена было не в диковинку встретить дворника или сторожа с дипломом кандидата наук, а в нашем подъезде мыла полы учительница, лишённая права преподавать в школе за то, что водила в церковь своих детей.

Готовились к арестам и на случай гонений готовили убежища в дальних глухих уголках России. Именно в ту пору Саша купил дом в глухомани на Валдае, но пожить в этом доме не пришлось, потому что дела держали в Москве, да и времена наступали такие, когда уже не преследовали за веру в Господа нашего Иисуса Христа.

Мысль о брошенном без присмотра доме тревожила Сашу, и он уговаривал меня поехать туда летом: «Места там райские - сама увидишь!» Уговорил. И я поселилась почти в раю. Сашин дом стоял на возвышенности в конце деревни, и отсюда открывался величественный вид на бескрайние леса, уходившие, казалось, уже в синь неба. А в лесах было такое изобилие малины, черники, брусники, клюквы, что бери сколько хочешь и сколько унесешь. Правда, про грибы мне в деревне сказали: «Грибов нынче нет - одни лисички». Лисичками здесь пренебрегали. Брели только белые и рыжики. Да и какой интерес искать грибы, радуясь находке, если лисичками так густо устланы просеки, что ногу негде поставить? Идешь и хрупаешь сапогами по грибам.

Даже звери в этом безлюдном краю были непуганые. На рассвете дорогу неспешно переходили кабаны. На краю деревни мышковала лиса с лисятами. А по ночам в огороде резвились зайцы и грызли морковку.

Всё бы хорошо, но уже в первую ночь я в ужасе сбежала из дома из-за жуткого нашествия

крыс. Крысы были жёлто-серые, огромные, жирные. Они гремели сковородками и опрокидывали кастрюли. Швырнешь в них поленом – ничего не боятся... И, злобно щерясь, бросаются на тебя. В общем, неделю после этого я ночевала у соседки-фельдшерицы, пугавшей меня такими рассказами: как у одной новорожденной девочки крыса отгрызла щеку, и та осталась изуродованной на всю жизнь; как у них в больнице кому-то ампутировали ступню, потому что после укуса крысы ступня стала гнить. А еще крысы разносят чуму и прочую заразу. Короче, через неделю я собрала вещи и зашла попрощаться с моей новой деревенской подружкой бабой Дуней.

- Ты что, как безбожница, жизни боишься? – насмешливо спросила баба Дуня и процитировала Псалтирь. – «Тамо убояшася страха, идеже не бе страх». Крыс она испугалась! А кошки на что? Возьми себе мою Мурку. Только с котенком бери, иначе сбежит.

Больше у фельдшерицы я не ночевала. Появилась в доме Мурка и извела крыс.

Позже, уже в Оптиной пустыни, ветеринар осмотрел мою Мурку с ее потомством и сказал уважительно:

- Да, редкая порода – крысоловы. А сейчас из четырех кошек ловит мышей только одна. Испортили их люди, избаловали, и превратился в дармоедов кошачий род.

Признаться, я тоже баловала Мурку, и однажды баба Дуня сказала:

- Когда будешь уезжать в Москву, позови Петьку-кошкодава, пусть удавит Мурку.

- За что?

- За то. Ты вон курочку сварить и угощаешь кошку. Барыней стала теперь Мурка. Уже порченная она!

А далее последовал рассказ о деревенском коте Мурзике, которого выпросила у кого-то на лето москвичка-дачница. А после ее отъезда кот, как выразилась баба Дуня, охамел. Стал воровать по домам продукты, а главное – так полюбил курятину, что охотился теперь на цыплят.

- У меня трех цыплят сожрал, ворюга, а у Марковны всех извел, – повествовала рассказчица. – Всеи деревней подлеца ловили, пока Петька-кошкодав не казнил его.

Позже, уже в другой деревне, я столкнулась с тем же неписанным правилом: если кот засматривался на птичек и цыплят, его сначала наказывали, а за кражу цыплят казнили. Правда, однажды сердобольные люди спасли от казни такого кота. Увезли его на дачу к знакомым. И в дачном поселке началось бедствие: были там прежде цыплята да сплыли, став добычей помилованного кота.

Словом, в отличие от меня, баба Дуня кормила Мурку скудно. Нальет ей в миску молочка и скажет строго: «Что, мяса хочешь? Вон твоё мясо по сараям бегаёт». А однажды я увидела, как Мурка рыбачит. Сидит, замерев, у кромки озера. И вдруг – цап! – и закогтила лапой плотвичку. Поймала несколько рыбок и, обернувшись к кустам, нежно мурлыкнула. Тут же из зарослей выскочил котенок, и мама с котенком захрустели рыбкой.

«Кошка – это единственный домашний дикий зверь», – вычитала я однажды в английской книжке. И хотя баба Дуня английских книг не читала, но разделяла мнение англичан. Конечно, рассуждала она, кошка привыкла к человеку, но она зверек и часть той дикой природы, где зверь добывает пропитание сам. А если кошка не умеет охотиться и кланчит еду у

людей, она уже порченная, ущербная, а от беспорядка в природе и людям ущерб.

Так в суровых условиях Севера воспитывали крысоловов – отважный и грозный кошачий спецназ.

Новая жизнь, где сытно кормят, повергла Мурку в такое изумление, что она пыталась хоть как-то отблагодарить. То принесет для меня плотвичку с озера, то притащит окровавленный кусок крысы и положит эту гадость к моим ногам. Однажды я купалась в озере и уплыла уже далеко от берега, когда к озеру с воплем примчалась Мурка и бросилась в воду следом за мной. Я была для нее, догадалась я позже, Большим Котенком. Глупым, конечно: ну какая разумная кошка полезет в эту омерзительно мокрую воду? Но нет предела материнской жертвенности, и жизни не жалко, если Котенка надо спасти.

Вот еще случай. Выглянула на рассвете в окно и увидела, как Мурка преследует зайца-русака, пробравшегося на огород за морковкой. Русак был намного крупнее Мурки, а задние лапы такие мощные, что если ударит с размаху, то кошке конец. Но в битвах побеждает не сила, а смелость, и кошка грозно преследовала зайца.

Чужаков в мои владения Мурка не допускала, а в итоге получилось вот что. Просыпаюсь среди ночи от неистовых криков и глазам своим не верю: по огороду мечутся охотники с карабинами. А Мурка с победоносно-гнусавым воем вцепилась в шевелюру самого толстого охотника и яростно выдирает клочья волос.

Хорошо, что пострадавший оказался человеком не обидчивым, хотя был чиновником высокого ранга, приехавшим в наши края из Москвы, чтобы, как говорили в те годы, «дать ОВЦУ». То есть Особо Важные Ценные Указания. Добра от таких визитов не ждали, а потому решено было отвести беду старинным способом – устроить для гостя охоту на кабанов, а там, как водится, напоить.

Руководить столь ответственным мероприятием поручили ученому егерю с академическим дипломом, великолепно знавшему охоту по книжкам, а лесные уголья – по слухам. И егерь-академик без тени сомнения привел охотников на мой огород. Пришлось привечать незваных гостей, и два дня изба гудела от пьяных тостов и песен. А московский гость так разошелся, что лихо танцевал «барыню» с местными дамами и в умилении восклицал: «Народ меня любит!» Народ, конечно, вежливо хвалил танцора, но при этом излагал свои нужды: автобусы в нашу глухомань не ходят, «скорая помощь» на вызовы не приезжает. И главное – нет сахара: ни чайку от души не попить, ни вареньица не сварить. Любимец народа тут же схватился за телефон и закричал в трубку: «Я покажу вам кузькину мать». Что тут началось! Приехали сразу две «скорые помощи» и перемеряли всем давление. А потом завезли столько сахара, что его раскупали уже мешками.

Про автобусное сообщение гость сказал пренебрежительно, что автобусы – транспорт прошлого, и надо прорыть к деревне метро. Он даже торжественно предложил выпить за... – за что, мы не поняли, потому что гость уснул на полуслове и был с почетом перенесен в машину. В общем, метро к нам не прорыли. А всё почему? Пить надо меньше, господа.

Мурка, поймавшая в огороде чиновника, стала в то лето местной знаменитостью. Нас даже провожали в Москву с наказом: пусть Мурка отловит в столице президента. Прическу портить не обязательно, но про нужды людей рассказать.

– Хоть бы кто из властей постыдился, что нашу церковь разрушили, – сказала баба Дуня. – А как мне без батюшки помирать?

От единственной на всю округу церкви остался лишь остов, поросший березками. Между тем раба Божия Евдокия готовилась к смерти. И готовилась так основательно, что заказала знакомому плотнику в городе крест на могилу и гроб. Родные в слезы:

- Мама, это же дикость какая-то!

- Так мы же бессмертные и никогда не умрем! - насмешливо отвечала упрямая старуха. - А в Псалтири что сказано? «Изыдет человек на дело свое и на деланье свое до вечера». Я в 82 года в последний раз на покос ходила, и с тех пор не стало делов. Отработалась я - вечер уже.

По крестьянским понятиям праздность была для нее равносильна смерти. А умерла баба Дуня так. Ничем не болела, но вдруг почувяла что-то. Велела внуку-шоферу отвезти ее в городскую больницу, а оттуда сразу отправилась в храм. Там она исповедалась, причастилась, а через день в той же церкви отпели ее. Родные дивились: как же всё предусмотрено - и гроб готов, и крест на могилу. Даже место на кладбище давным-давно куплено, чтобы упокоиться возле родни. И ушла в последний путь мудрая бабушка, не обременяя собой никого.

Много лет спустя умерла моя уже старенькая кошка Мурка. Ветеринар сказал, что от старости не лечат и бесполезно мучить кошку уколами. А Мурка, уже неделю лежавшая недвижимо, вдруг поднялась и ушла в лес. Шла и всё оглядывалась на меня - прощалась. Говорят, что точно так же в одиночку умирают слоны и перед смертью уходят куда-то в заросли, чтобы скрыть от живых свою боль.

Есть достоинство жизни и достоинство смерти.

* * *

После Мурки осталось многочисленное потомство, которое регулярно пополняли Муркины дочки - кошки Муся и Маня. Мои наивные надежды, что люди разберут котят-крысоловов, увы, не оправдались. Взяли только одного котенка. И дом постепенно превращался в кошководом.

Моя мама в ту пору уже не вставала с постели, и котята по-своему утешали ее. Забирались на постель и грели, мурлыча, ее больные ноги. Мама даже уверяла, что кошки «лечат». Потом один такой «лекарь» помочился на матрас, а следом ринулись загаживать постель и остальные. Мы меняли и выбрасывали матрасы, воевали с котятами, но они с каким-то неистовством устремлялись «метить» постель. И однажды терпение лопнуло. Слава Богу, что выручил батюшка и отвез эту кошачью свору за 40 километров от дома - на дальнее подсобное хозяйство монастыря. А через две недели с подсобки вернулась Муська. Поскреблась на рассвете в окно - вся в репьях, истощенная и так шумно дышит, будто 40 километров бежала бегом. А Муська бросилась ко мне с такой радостью, что я устыдилась: нельзя выгонять кошку из дома, где она родилась и выросла.

Вот и жили у нас с тех пор кошка Муся и кот Мурок. Но жили недолго, потому что на крысоловов начался вдруг бешеный спрос. Это художники, взявшие у нас котенка, восторженно рассказывали ближним и дальним, как молодой котик в первый же день задавил двух крыс и поймал 30 мышей. Художники так вдохновенно описывали достоинства крысоловов, что люди загорались и озадаченно спрашивали: а как бы и мне крысолова достать? Вот и приезжали ко мне с вопросом:

- Это вы продаете крысоловов?

- Никого я не продаю.

А однажды приехал фермер, беженец из Чечни, русский по матери и чеченец по отцу.

- У меня на ферме четыре кошки и кот, - рассказывал он. - Так крысы по ним пешком ходят. Моя доченька крыс боится, больная она.

Муська злобно зашипела на пришельца.

- Кошка-воин! - восхитился он. - Продайте ее.

- Не могу, - призналась я честно, рассказав, как Муська 40 километров бежала до дома и грех ее снова из дома выдворять.

- Конечно, вы правы, - распрощался гость.

Вышел на крыльцо и вдруг устало сел на ступеньку с каким-то клекотом в горле. Он рассказывал... Это был не рассказ - тут пульсировала боль, отвергая немыслимое. Ведь чеченцы очень гостеприимные люди. Это правда. И сосед был гостеприимный. Да? Зазвал в гости его семилетнюю дочку и зверски изнасиловал ее.

- Ребенок еще, немая с тех пор... Теляток любит. Пришла на ферму, а крыса прыгнула на нее... опять этот крик, как тогда, и ужас. Страх и ужас, опять как тогда! Милая моя доча, немая доченька, - хрипло бормотал он.

- Берите кошку, - сказала я тихо.

По народному поверью, как утверждал фермер, кошку надо «продать», иначе сбежит. Взяла я рубль у горящего отца, а Муська с презрением отвернулась от меня, не прощая предательства. Больше она домой не возвращалась.

Потом из дома ушел кот, протестуя против появления у нас собаки Бимки. Временного, как мы считали, появления. Потому что у собаки был хозяин - пожилой прапорщик в отставке. После смерти жены он привел в дом молодую хозяйку, а та заявила: выбирай, дорогой, - собака или я. Аллергия у нее была на собак или еще что-то, а только Бимку выгнали, побив для острастки.

Но обо всём этом я узнала позже. А пока ходила на дачу к прапорщику и вешала на двери записки: «Ваша собака нашлась! Приходите за ней по адресу...» За ненужной собакой никто не пришел.

А Бимка была сама любовь и преданность. Не раз сбежала от нас на дачу к прапорщику и даже оценилась там. Прапорщик оторопел, увидев двенадцать щенков. Купил водку и позвал друга. И так они, видно, крепко выпили, что не нашли ничего лучшего, как на глазах у собаки закопать щенят на огородах соседей. Бимка потом месяц искала их.

Собака она крупная - помесь лайки с бультерьером. И вот люди посадили огурчики, помидорчики, а Бимка мощно, как бульдозер, перекапывает грядки в поисках зарытых щенят. Возмущенные дачники пришли к хозяину собаки, прапорщику. А тот вдруг заявил, что продал собаку в Оптину пустынь, а там такая безответственная дамочка, что взяла себе Бимку и не смотрит за ней. «Я здесь при чём?» - сказал он грозно, с опаской оглядываясь на молодую жену.

Правда, позже при встрече прапорщик заплакал: «Предал я Бимку и про вас соврал. Но поймите, жена не выносит собак, а я люблю ее до безумия!» Словом, есть это известное алиби - по-цыгански жгучая, как в сериалах, любовь.

О дальнейших событиях мне рассказала знакомая, купившая участок в том дачном кооперативе. Дескать, ходит по домам женщина и собирает подписи под коллективным письмом:

- А там такая грязь про монастырь и про вас! Я, конечно, свою подпись не поставила, но неприятности, предупреждаю, будут.

Ладно, личные неприятности - дело привычное. Но клевета на монастырь возмутила настолько, что я тут же отправилась на поиски Бимки.

Бимка с обрывком веревки на шее ожесточенно рыла землю у дороги, а дачник в шортах целился в нее из ружья, крикнув предупредительно:

- Отойдите в сторонку. Я ее пристрелю.

- Бимка, - говорю, - идем домой.

И собака устало пошла за мной.

После возвращения Бимки кот переселился к соседям и тоже, похоже, поставил ультиматум: выбирайте - собака или я. Я подлизывалась к коту, носила ему вкусненькое, а он отворачивался от меня. Сидит спиной, а хвост гневно подрагивает, выражая всю глубину возмущения: как можно променять благородного кота на такую дрянь, как собака? Крысоловы - звери с характером.

* * *

Бимка больше не ценилась. Старая была собака. В последний год она уже с трудом спускалась с крыльца на травку, а обратно ее заносили на руках. Именно в эту пору ко мне стали возвращаться крысоловы, тем более что беглый кот Мурок облагодетельствовал многих бродячих кошек, и множилось племя кошачьих бомжей. Летом эти бомжи блаженствовали: паломники добрые, угостят обязательно. У некоторых даже были постоянные спонсоры. Рыжий кот Васька, бомж со стажем, ежедневно сытно обедал у моего соседа Ивана Сергеевича. Хорошо летом! А зимой многие, как Иван Сергеевич, уезжают в свои городские квартиры. В городе легче: огни, театры. А тут идешь зимним вечером по улице - ни огонька. Безлюдно. А ноги по колено проваливаются в сугроб. Голодает Васька, и морозы под тридцать. Бежит Васька, проваливаясь в сугробы, - только голова из снега торчит. И орет эта рыжая голова отчаянно, уже чуя свой смертный час. Пустить бы Ваську в тепло погреться, да Бимка с лаем бросается на кота. Правда, ветеринар заверил нас, что кот выживет даже в морозы, если кормить его. Мы кормили Ваську, и Васька выжил.

Весной, когда расцвели нарциссы, тихо, как уснула, умерла наша Бимка. А бомж Васька привел к нам бомжиху Мурку, такую тощую и бестелесную, что я приняла ее за котенка. Между тем Васька имел на бомжиху виды.

- Вот бесстыжий кот - к котенку пристаёт! - возмутилась я.

- Нет, это уже старая кошка, - сказала Люба, ветеринарный врач и моя подруга. - Просто у нее была трудная жизнь

У меня тоже была трудная жизнь, и я стала кормить Мурку, тем более что селиться у нас она не собиралась: поест и уйдет неизвестно куда. А в июне Мурка притащила на веранду пятерых прехорошеньких котят. Глазки уже открыты, играют, бегают. Нет, с меня хватит! Ежедневно я

относила котят подальше от дома, а Мурка снова появлялась на веранде с очередным котенком в зубах. Единоборство закончилось победой кошки и нашим общим решением: мы раздадим котят по знакомым. Только сначала надо подготовиться, чтобы было всё по совести, ведь у уличных кошек болезней полно. Тут и глисты, и блохи, и прочее. Словом, делали уколы, опрыскивали спреем и толкли в порошок таблетки, подмешивая их в молоко.

Котята, между тем, проходили курс молодого бойца. Мурка, обучая котят, приносила им полуживую мышь или крысенок, и они азартно бросались на них. Потом стали охотиться самостоятельно. Первым поймал мышь белый с серой спинкой котенок и стал, жадно урча, поедать ее. Мышь была едва ли не крупнее котенка. И мои гости с любопытством следили: доест он ее или нет? Доел. Раздулся, как шар, и пошел вперевалочку, смешно виляя задом в белых штанишках.

- В Бразилии все ходят в белых штанах, - процитировал кто-то Остапа Бендера.

И котенок получил имя - Остап Бендер, в сокращении Ося. О, это был еще тот Ося-бандося! Кошачье семейство обитало на веранде и с осторожностью дикарей остерегалось заходить в комнаты. На воле можно спастись бегством, а в помещении куда бежать? Но любопытный Ося проник в дом. А в комнатах ветер колышет шторы, и как же весело кататься на них, раздирая когтями шелк! На столе скатерть, на скатерти ваза с цветами и старинное блюдо с испеченным к обеду пирогом. Пахнет вкусненько. Интересно, чем? Котенок тут же повис на скатерти, стянув ее на пол. Блюдо вдребезги, ваза тоже. И особенно жалко пирог.

Водился за Осей и другой грех. Однажды Мурка, обучая котят, принесла им задушенного скворца. И я так свирепо обрушилась на птицеведов с веником, что они после этого не заглядывались на птиц. А Ося заглядывался.

Весной, когда зацветает сирень, у нас ночами поют соловьи. Тревожно и сладко от соловьиных трелей, и будят они людей по ночам. Просыпаюсь и вижу в лунном сиянии Осю. Сидит на шаткой ветке сирени и слушает соловьев с таким вожделением, что ясно: собрался охотиться на них. Бегу по мокрой траве с веником и кричу устрашающе: «Я тебе покажу! Так покажу!» Ося от испуга шмякнулся оземь и молниеносно умчался прочь. Больше на птиц он не охотился, но веник к утру разодрал. Пришлось купить новый - опять разодрал.

От Осиных бесчинств нас спасла икебана. Это приехала в гости знакомая и решила составить букет по всем правилам икебаны. Наломала веток лиственницы с шишечками, чтобы добавить их к лилиям. А Ося цап - и сорвал шишечку. С каким же упоением он играл с ней! Подпрыгивал на полтора метра, обрушивался сверху, как на добычу, гнал, охотился, ловил, настигал. Это были боевые танцы охотника-воина - дикие, древние и такие захватывающие, что глаз не отвести. Когда однажды шишка потерялась, Ося завыл и не успокоился, пока шишечка не нашлась.

Сейчас Ося самый мирный и дружелюбный из всех моих котов. Бывает, коты лупят друг друга. Ося тут же становится между ними, трется мордой о мордочку, будто целует, и от его дружелюбия утихает скандал.

* * *

На крысоловов был спрос. А толку? Однажды на смотрины котят пожаловала семья из Москвы. И все буквально в восторге от котика Рысика: настоящая рысь, правда, маленькая, но с рысьими кисточками на ушах. «Папа, берем!» - закричали дети. Папа ласково протянул ладони к коту, а тот так распорол ему руку, что из глубокой раны хлынула кровь. «Мы подумаем», -

распрощались москвичи. Подумали и передумали.

- Что, Рысик, - говорю, - упустил свой шанс стать москвичом?

Точней, это мы упустили тот переходный период, когда ласковые котятки вдруг превратились в хищный кошачий спецназ. Посторонних они теперь к себе не подпускали. Даже нас порою дичились. Мне удалось лишь один-единственный раз погладить Рысика, когда он заболел и ослаб. Больше подобное не повторялось.

И все-таки мы с Рысиком дружим. Ночами он забирается в мою спальню через форточку, но, в отличие от Оси, не лезет на постель. Лежит поодаль на ковре, смотрит на меня. И нам интересно друг на друга смотреть.

* * *

В сентябре Мурка принесла на веранду еще пятерых котят. Мама родная, куда столько? Впрочем, пока котята жили на веранде, они нам с сыном не мешали. Бегают, играют - веселый народец. Покормим их, и никаких забот.

На Покров выпал снег и подморозило крепко. Котята простудились: из носа течет, глазки гноятся. У одного котенка больной глаз не открывался, а глазные капли почему-то не помогали. Одноглазый, но очень храбрый котенок получил славное имя - Кутузов, сокращенное вскоре до обиходного - Кузя.

Как раз тогда я с трудом выживала после инфаркта и пребывала в том сонном оцепенении, когда не хочется что-либо делать и думать. Ничего не хочется. Это было то преддверие к смерти, когда первыми умирают желания.

Мир казался серым и скучным. Пытаюсь читать святых отцов, точнее - очередной «цитатник» с выдранными из текста изречениями. Цитаты назойливо однотипны: гордость - это плохо, а смирение хорошо. Затем следующее: смирение хорошо, а гордость плохо. Выпотрошили святых отцов, умертвив тайну.

А рядом течет таинственная жизнь. Одноглазый Кузя стоит на двух лапках и с удивлением рассматривает гроздь рябины. Жизнь для него - сплошные открытия. Вчера он еще не умел ходить, а сегодня с легкостью взлетает на перила веранды, а оттуда ликующе прыгает ко мне. Больной-пребольной, но сколько радости в нем! И вдруг эта радость передается мне, а в памяти оживает то время, когда просыпаешься от непонятного счастья. И жизнь так захватывающе интересна, что уже торопишься жить. Мы еще поживем, мой радостный Кузя! Мы доживем до весны, когда всё белым-бело от цветущих яблонь, а в храме поют: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!»

И был мне дарован «живот», то есть жизнь. Вместе со мною выздоровел Кузя, когда мы пустили котят в теплый дом. Огорчений с ними было немало, но сначала расскажу о радостном Кузе. В апреле он пропал. Неужели Кузю разорвали собаки? А в мае слышу разговор двух прихожанок у храма:

- Представляешь, Ириш, - говорит одна женщина другой, - мы, когда переезжаем из города на дачу, это просто ужас. Кругом мышинный помёт, вместо книг бумажный мусор, и шторы изгрызены в лохмотья. А вчера приехали, и никаких мышей. Шторы целы, и книги тоже. А на диване спит, представляешь, котик. Просто милость Божия!

- Да, тебе повезло, - соглашается собеседница.

- Какой масти кот? - встречаю я в разговор.

- Серый с белой манишкой, а на лбу, как звездочка, такая отметина.

Всё понятно: это наш Кузя. Коты иногда уходят из дома в поисках охотничьих угодий. Это их главная страсть - охота. Рысик уходит охотиться недели на две. А Кузя ушел уже навсегда. Это беда, если в доме мыши. Как не помочь?

* * *

Через семь месяцев черная кошка-красавица Пантера принесла четырех котят. Пантерка - дочь Мурки, но, в отличие от нее, нерадивая мать. Пантере нравится жить на дереве. Распластается на ветке с ленивой грацией, а внизу завывают от страсти коты. В общем, из четырех котят гулящей мамы выжил лишь один. Зато какой! Он понимал слово «нельзя», а увидев впервые лоток-туалет, тут же грамотно присел на песок. Задрал хвостик, сделал свое дело и посмотрел вопросительно: дескать, правильно я поступил? Молодец, умница, просто отличник!

Отличника забрала у нас монахиня в тайном постриге, живущая в миру. Котенок изрядно натерпелся в дороге и, войдя в дом, устремился к лотку с песком.

- Какой умный! - восхитилась монахиня.

Кот к тому же был ловчий и мышей извел. Первое время, чтобы не сбежал, его не выпускали из дома. Потом он стал свободно гулять по двору. Нагуляется и стремглав мчится в дом, чтобы справить нужду в лотке. В общем, стало понятно, почему дети недолюбливают иных отличников, угадывая в них людей схемы и закоснелых стереотипов. Впрочем, что осуждать котов, если и мы таковы? Закоснеем в чем-то - не переубедить!

* * *

За год Мурка принесла 20 котят, и почти все при мне. «Ты безумная!» - говорили мне подруги. Безумная, точно. Купила икону Божией Матери «Прибавление ума». Не помогло. Ох, кошачьи дети, куда же вас дети?

В сельской местности мыши и крысы почти повсеместное бедствие. Но люди говорят: «Вот еще - возиться с кошками! Куда проще купить отраву - и нет проблем!» У них проблем нет, проблемы есть у других. Полуживых отравленных мышей, случается, поедают звери и птицы, а потом в лесу находят мертвых сов и лисиц. У знакомых погибла породистая умная кошка, когда соседи травили мышей. Отравился тогда и рыжий кот Васька. Всё выдержал Васька - голод, морозы. Химии не выдержал.

Вот еще случай: человек отравился капустой. Что немудрено: капусту щедро опрыскивают химией от капустных бабочек, иначе ничего не вырастет. А в это лето мы почему-то забыли опрыскать, но капуста уродилась крупная, крепкая и без обычных, простите, экскрементов от гусениц. И вдруг вспомнилось, как котята всё лето ловили бабочек-капустниц. Им надо охотиться, а на кого? Мышей и кротов они давно переловили. А тут бабочки - как не поймать? А еще котята приносят на веранду живых ящериц. Не для еды - из спортивного интереса. Поймают ящерку и отпустят. Они так запрограммированы: надо ловить.

- А ты, разумеется, не запрограммирована? - спрашивает, посмеиваясь, мой старинный друг.

Запрограммирована, и еще как. Даже батюшке жалуясь, что пишу каждый раз исповедь, а

грехи застаревшие и всё те же. И зачем извожу столько бумаги? Честнее высечь эти грехи на камне, и с камнем на исповедь приходить.

- Ладно, - говорит бабушка, - приходи с камнем.

* * *

Смех и грех: люди молятся о спасении души и растут духовно, а я надоедливо прошу: «Господи, пристрой котят!» Куда ни приду, везде спрашиваю:

- Вам не надо котенка?

- Своих некуда девать. Вчера кошка опять окотилась.

- А с котятами как поступаете?

- Берем грех на душу. Лишь одного оставляем.

Еду в такси и предлагаю таксисту котенка. А он в ответ:

- У меня дома пятеро котов, да еще котенка недавно привез из рейса. Выскочил он на трассу и орет как оглашенный. Такой маленький и такой несчастный. Я пассажира к поезду вез, торопился, но загадал почему-то: заберу беднягу, если дождется меня. Возвращаюсь, а котенок на том же месте сидит и ждет меня, показалось. А вообще-то котов жена в дом принесла. Подберет на улице больного котенка, пожалеет и вылечит. Жена у меня врач. Краси-и-вая!

Таксист счастливо смеется, замолкает и вдруг говорит:

- Хотите, расскажу, как я женился? Ездил на свадьбу к другу в Москву. Увидел Люсю и всё - пропал. Полгода мучился, потом позвонил: «Люся, можно я к вам приеду?» - «Приезжайте», - говорит. Приедлся, взял кейс и в Москву. А там профессорская семья, лица добрые, хорошие, и меня потчуют как родного. А я сижу за столом и горюю. Люся врач, институт закончила. А я кто? Летчик-вертолетчик. В боевых действиях, конечно, участвовал, а потом по ранению списали меня. Вот кручу баранку, дом есть в деревне. Как я москвичку в глушь повезу? Попрошлся резко. Люся меня на электричку провожает. Поезд уже тронулся, а я с подножки кричу: «Люся, пойдешь за меня замуж?» - «Пойду!» - кричит и бежит за поездом. Потом, когда первый сынок родился - у нас их трое, - Люся вдруг спрашивает: «Помнишь, ты с кейсом приезжал свататься, даже из рук его не выпускал. Что было в кейсе?» - «Пистолет». - «Зачем?» - «Решил, - отшучиваюсь, - застрелиться, если откажешь мне». Нет, никогда бы не застрелился - я в Бога верую. Но боевой офицер всё-таки, и привычка с войны - стоять насмерть и верить: прорвемся.

Вот такой жених с пистолетом. Жалуюсь ему на бесчинства котов, а он даже, кажется, не понимает:

- Нет, наши коты - порядочные люди. Сидят на подоконнике, свесив хвосты, и смотрят в окно.

У порядочных людей и коты порядочные. А у меня? Чуть отвернешься - и залезут на стол, воруя котлеты. Да разве у бабы Дуни, а потом у меня та валдайская Мурка по столам лазила? Голодать будет, а не тронет еду на столе. Негодую на котов и всё чаще вспоминаю ухоженный дом бабы Дуни и мирную жизнь в нем. В чем эта недоступная мне тайна порядка? А порядок там был такой: внучки ежедневно мыли полы у бабушки, а потом застилали их домоткаными нарядными половиками. Чистота идеальная, потому что в доме дети: сначала пятеро малышей

Евдокии, потом внуки, теперь уже правнуки. Кошка знает свое место за печкой и не лезет на кровать или на стол. У всех свое место, а у бабушки там, где иконный угол. Молится она за детей и особенно за внучек. Заневестились уже, а нравы-то нынче!

Внучки-невесты обнимают бабушку и просят:

- Бабуль, расскажи про любовь.

- Про любовь? А про нее всё сказано: придут страсти-мордасти, приведут с собой напасти. И съедят тебя страсти, разорвут на части.

- Бабуль, да разве страшно любить? Ты сама-то любила?

- А то. Два года по Петьке-кошкодаву сохла. Рыдала! Нос распух, как свекла, и цветом буряк. Мечта круглой дуры - стать женой кошкодава! А Петька потом раз пять женился. Все жены разные, а дети одинаковые: матюкаются с пеленок и по тюрьмам сидят.

- А дедушку нашего ты любила?

- Вот еще! Это он, хитрец, так вскружил мне голову, что и не помню, как под венцом оказалась. А только жили мы с Иваном как в сказке: и горько пополам, и сладко пополам. Я при нем смелая была, смешливая, а умер Иван, и не мил белый свет. Нет надо мной моего господаря, а моя голова кружится.

Про любовь к мужу Евдокия говорит неохотно. Тут тайна сердца и всё сокровенное. А страсти-мордасти она высмеивает нещадно. Вон сколько их, обольстителей- кошкодавов! А девушки влюбчивы и не разбираются в людях. Спаси их, Господи, от срамных страстей!

А может, догадываюсь, всё дело в страстях? Воюю с кошками, разоряющими книжный шкаф: забрались туда из любопытства и сталкивают книги на пол. Но разве я, как любопытная кошка, не лезу в те дебри Интернета, после которых так мерзко на душе? Что кошки, если «от юности моя мнози борют мя страсти»?

По учению святых отцов, страсти заразны, и мы заражаем ими других. В житии святителя Спиридона Тримифунтского описан такой случай. Святитель ехал на Вселенский Собор, и сопровождавший его инок очень удивился, когда на постоялом дворе гостиницы лошадь не стала есть предложенную ей хозяином капусту. Отчего так? «Оттого, - сказал святой, - что лошадь чувствует нестерпимый смрад, исходящий от капусты по той причине, что наш хозяин заражен страстью скупости».

А вот случай из жизни преподобного Амвросия Оптинского. Городской исправник хотел купить хорошую недорогую шубу, но старец отсоветовал, потому что шубу прежде носил человек, одержимый страстью гордыни. «У человека нечистого и страстного и вещи его заражены страстями, - писал преподобный Парфений Киевский. - Не прикасайся к ним, не употребляй их». А преподобный Иларион Великий велел выбрасывать овощи, которые приносили в монастырь люди, живущие в грехе.

Но куда нам до святых - при нашей-то немощи! И всё же от осознания этой немощи начинает смиряться душа.

* * *

Недавно услышала почти рекламный слоган: «Если вы хотите проверить качество продуктов,

заведите в доме кошку». Помню, одна моя знакомая решила угостить котят импортной колбасой. Те обнюхали колбаску и не стали есть, учуяв в ней ту самую химию, что придает колбасе заманчивый вид.

- Да я же ее за 400 рублей покупала! - удивилась знакомая.

Но котята неграмотные и не разбираются в ценах, а дешевую рыбку охотно едят.

Покупаю в магазине салаку и вижу рядом нотариуса Ингу Арнольдовну. А она закупила так много салаки, что нетрудно догадаться: для кошек.

- Сколько их у вас? - спрашиваю.

- Пятнадцать кошек. Каждый раз зарекаюсь брать, а увидишь на улице их, таких несчастных, и не выдержит сердце. Правда, в дом их не пускаю - живут на веранде. У меня хорошая утепленная веранда.

- А с котятами как?

- Стерилизовала я кошек. Иначе спасу нет.

Но и пятнадцать кошек еще не рекорд. Возле монастыря иногда стоит старая дама и держит перед собой картонку с надписью: «Подайте на пропитание кошек». У нее их 30 с чем-то. Интересуюсь: зачем столько? А дама рассказывает: она родилась и выросла в келье Оптиной пустыни. Монастырь уже был закрыт, а братские корпуса превратились в многонаселенные скандальные коммуналки. Зашел однажды в монастырь монах и рассказал ей, еще девочке, такую притчу. Умер грешник, пришел на тот свет, а перед ним адская огненная река. «Гореть мне в аду!» - думает грешник. А при жизни он, хотя и был бедным, кормил бездомных голодных кошек. И вдруг эти кошечки сцепились хвостами и образовали живой мост, по которому грешник перешел через страшную реку. «Попал ли он в рай, то нам неизвестно, - завершил свой рассказ монах. - А всё же была ему милость от Господа за верность заповеди: "Блажен, иже скоты милует"».

Вот и надеется старая дама на милость Божию, собирая больных и увечных кошек. У одной нет глаза, у другой три ноги, а еще соседи подбрасывают ей котят. Правда, другие соседи регулярно пишут жалобы: развела, мол, вонючу, а на ее уродов неэстетично смотреть. А однажды, как узнала я позже, они отравили ее кошек. Старая дама после этого слегла.

Оккультистам свойственна ненависть к кошкам. Из суеверия их массово убивали в пору Средневековья, полагая, что кошки - это ведьмы-оборотни. Впрочем, ненависти и ныне хватает. Вот недавний случай. Пришел к нам домой незнакомый человек, почему-то решивший, что я должна записать и поведать всему миру историю о том, как он, бизнесмен, депутат и важная птица, стал православным. Правда, всего лишь месяц назад. Уговариваю гостя не оставлять туфли в прихожей, потому что котята могут - того.

- Да у меня такая сильная молитва, - говорит он, ликуя, - что не боюсь я сряща, котят и этих, ну, аспидов.

Гость старался говорить как бы по-старинному. Но когда, уходя, он обнаружил в туфлях пахучую лужицу, то сразу перешел на родимый сленг: «Я эти шузы за триста баксов купил! Развели тут кошачью бандитскую мафию, я их лично убью!»

Ладно, бывает - погорячился человек. А насчет «мафии» гость был прав. Конечно, котята со

временем приучаются к лотку, но сколько обуви пришлось всё же выбросить. «Господи, - прошу я снова и снова, - пристрой котят. Ведь есть же хорошие люди».

* * *

Молитвы исполняются, как говорили в старину, «с пожданием». А хорошие люди на свете есть. Однажды приходит монастырская послушница Надежда и говорит: «Давайте я помогу вам раздать котят». После воскресной литургии Надя стоит с котятами у ворот монастыря и предлагает их желающим. Котиков берут, а кошек - нет. Одну кошечку так долго не удавалось пристроить, что Надя даже перестала носить ее к воротам: а зачем? Всё равно не берут. И вдруг Надя звонит и почему-то волнуется: «Тут вашу ту самую кошечку спрашивают. Бегите скорей!» Сын на рысях помчался с котенком к Наде. А там счастливые молодожены - обнимают котенка и говорят: «Это она, та самая кошечка. Она нам приснилась». Оказывается, перед венчанием им снились похожие сны: уютный дом, где много детей, а в доме эта белая кошечка с рыжим узором на голове. Вот радости было!

- Поздравьте меня, - говорю подругам, - из двадцати кошек осталось лишь пятеро. Три кота и две кошки.

- Поздравляю и гарантирую, - иронизирует подруга, - эти две кошки принесут тебе вскоре двадцать котят.

А другая подруга не поленилась отыскать журнал и зачитывает нам вслух: «Американские ученые подсчитали, что кошка и ее потомство за семь лет могут произвести на свет 420 000 котят».

Послушница Надя, подруги, соседи уговаривают меня стерилизовать кошек - иначе не остановить кошачий конвейер. Как раз в ту пору в монастырь часто приезжала машина из калужской ветеринарной клиники. Забирали бездомных кошек, стерилизовали, а заодно и лечили. К сожалению, кошек-бомжей редко где лечат, а в итоге страдают дети. Одна первоклассница приласкала кошку с лишаями, а теперь мама втирает ей мазь в лысину на голове.

- У нас замечательные врачи, - убеждает меня Надя. - У них после операции кошки здоровые и уже бегают на третий день.

Всё понимаю, а не могу - душа возмущается. И вдруг одна бабушка сказала мне:

- Ты зачем, Александровна, обижаешь соседа? Он помидоры вон посадил, а твои котята переломали их. Человек он добрый, не попрекнет тебя словом. А всё же грех обижать людей.

И тут я сдалась. Когда Пантерку и Мурку стерилизовали, я почувствовала себя кошачьим Гитлером. Рассказала о своих переживаниях врачу из клиники, а он рассердился:

- Да мы вашу старую кошку спасли! Там нутро настолько изношенное, что умерла бы вскоре. А теперь еще поживет. И почему вы так плохо кормите кошку? Она истощенная, с недостатком веса.

Кормила я Мурку как раз отменно. Но ее буквально высосали котята - не только новорожденные, но и те, что постарше. Тоже любят пить молочко.

После операции Мурка повеселела, поправилась и стала наконец похожа на кошку, а не на изможденное существо. У Пантерки тоже, кажется, всё нормально. Правда, теперь она

отшвыривает от себя котов.

Внешне всё нормально и даже разумно. А только горько осознавать, что идол наших времен – комфорт и ради него мы калечим животных.

* * *

Летом суетно от борьбы с сорняками: едва прополешь огород, как они снова растут. А осень утомляет чередой заготовок. «У зимы большой рот», – говорит бабушка. И мы солим, маринуем и консервируем многообразную домашнюю снедь. Зато зима – время покоя и неспешного чтения. Перечитываю своих любимых святых отцов и вдруг поражаюсь: насколько же они, суровые постники, радостней нас, изнеженных и благополучных! А тут такая несказанная радость, что от восторга немеет душа: «Вот, Господи, волны благодати Твоей заставили меня умолкнуть, – пишет преподобный Исаак Сириянин, – и не осталось у меня мысли пред благодарностью к Тебе!» Всякое дыхание да хвалит Господа.

У зимы свои дары и свое богатство. Даже коты зимой благодушествуют и блаженно мурлычат во сне. А выскочат на улицу – и купаются в снегу, веселясь, как малые дети. Коты чистюли, а снег чистит мех. Вдруг с улицы прибегает взволнованная Мурка и очень хочет рассказать о чем-то. Что случилось? Выхожу на крыльцо и вижу: коты яростно гонят прочь от дома приبلудившуюся кошку.

Кошка не из местных – длинношерстная барыня, и ее, похоже, подбросили. А в монастырь подкидывают столько котят и кошек, что уму непостижимо. У моей подруги Люси, старшего лейтенанта-связиста в отставке, дом возле стен Оптиной пустыни. И рассказывает мне Люся в слезах: у нее у самой кошка окотилась – котят девать некуда, а тут паломники подбросили ей шестерых котят:

– Я бегу за их машиной с московскими номерами и кричу: «Что, совсем уже совести нет?» А они приветливо машут ручкой и, похоже, гордятся: мы, мол, не изверги, чтобы топить котят. Мы пристроили их в святое место!

Там же, у монастырской стены, иконописная мастерская, и однажды туда подкинули новорожденных, еще слепых котят. Иконописцы пытались выкормить их из соски, потом хоронили этих крохотных мертвецов, и работать в тот день у них не получалось.

А длинношерстная кошка снова и снова возвращается к дому, скребется в дверь и орет так громко, что мы прозвали ее про себя Мявкой. Гоним кошку прочь и пытаемся пристроить ее на хозяйственный двор монастыря. Там в коровнике и на конюшне привечают кошек и кормят их остатками пищи из трапезной.

Нет, Мявка снова скребется под дверь. Орет и кричит две недели подряд! А мороз под сорок – дышать трудно. И в крике кошки уже столько страдания, что разрывается от боли душа.

Спрашиваю знакомую монахиню: что делать с кошкой? А она отвечает:

– У нас тоже одна кошка буквально врывалась в келью и кусала нашего котенка. Мы к бабушке: что делать? А он говорит: «Помолитесь». Помолитесь мы вечером, а наутро узнали, что кошку задавила машина.

Нет, только не это! И на вечерней молитве прошу Богородицу устроить кошку в хорошее место. Божия Мать милостивая, устроит всё к лучшему. И в ту же ночь кошка через форточку запрыгнула в дом. Бросилась ко мне и прильнула с такой нежностью, что стало понятно: это

домашняя кошка, и хозяйка очень любила ее. А потом, угадывалось, умерла хозяйка, и начался ужас сиротства. Кошка даже не обращает внимания на еду, но напрашивается, настаивает, просит, чтобы погладили и приласкали ее. Эта кошка не может жить без любви.

Так поселилась у нас в доме кошка с рыжей мордочкой – ласковая Мявка. Сначала от страха она пряталась от котов, а потом стала нападать на них. Со стороны это выглядело потешно: Мявка – мелкая кошка и на фоне рослых крысоловов смотрится, как пони рядом с лошадью. И откуда столько отваги? Впрочем, вскоре всё прояснилось: Мявка пришла к нам уже непраздной и готовилась защищать своих котят.

Однажды ночью из-под кровати послышался многоголосый писк.

- Котята – это хорошо! – сказал утром сын.

Конечно, котята – веселый народ. Но за что нам, Господи, столько счастья?

Грузинский тост. Быль.

Это было в те времена, когда по радио часто передавали жизнерадостную песню: «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз». Потом Советского Союза не стало, и песня сделалась гимном бомжей. И все-таки снова вернусь в те годы, когда мы искренне верили, что «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь» и надо крепить эту сплоченность, потому что все люди братья.

Мероприятий, посвященных укреплению дружбы народов, было тогда великое множество – всевозможные фестивали, дни культуры братских республик в Москве и ответные визиты деятелей культуры в эти братские республики. Но приближалось время развала Советского Союза, давая о себе знать невнятным до поры подземным гулом. Сначала казалось странным, что вместо привычного – «Россия», «Отечество» – иные стали говорить «совок» или «эта страна», а видные деятели культуры бросились укреплять дружбу с народами Америки и Израиля. Словом, кто-то уже паковал чемоданы, готовясь к переезду на Запад. А меня вдруг обязали укреплять дружбу народов СССР и отправили в командировку в Грузию, где проходил тогда смотр сельской художественной самодеятельности.

Сам смотр был настолько великолепен, что почему-то вдруг вспомнилось правило военных моряков: «Скорость эскадры определяется по скорости последнего корабля». И если простые чабаны и сборщицы чая поют так, будто учились у лучших мастеров консерватории, то это воистину великий народ с древней высокой культурой. Как же пели грузины, как они поют!

Что же касается главной цели поездки – укрепления дружбы народов, то здесь процесс протекал так. После каждого концерта конферансье объявлял со сцены, что из России в Грузию приехала великая калбатано (госпожа) Нина. В чем заключалось мое величие, до сих пор не знаю, ибо конферансье говорил по-грузински, но зал стоя и бурно аплодировал мне. Словом, приветствовали меня, как президента. После чего кортеж машин направлялся в закрытый для спецобслуживания ресторан, где уже были накрыты столы.

Забегая вперед, скажу, что это были дни нескончаемых банкетов, утомлявших своим словоблудием. То есть, сначала пили за нерушимую дружбу России и Грузии и витиевато-длинно клялись в верности. А потом потный толстячок, кэгэбэшник, предлагал выпить за мою красоту, ибо в Грузию приехала такая красавица, что солнце от зависти скрылось за тучей, а звезды от изумления попадали с неба. Мой молоденький переводчик студент Гиви невежливо хмыкал при этом в кулак, ибо на роль красавицы такого ранга я явно не тянула. Но это мелочи. Куда труднее переносилось другое – подвыпив, наш толстячок начинал «шалить». Помню, как

побледнела известная актриса, когда, занырявая рукой под стол, этот сладострастник стал задирает ей юбку.

- Почему никто не заступится? - шепнула я Гиви.

- Нельзя, это КГБ - ответил печальный Гиви. - У Верико сына арестовали. Надо сына спасать и терпеть.

Верико сидела, как истукан, побледнев уже до мертвенной бледности, а мужчины, притихнув, уткнулись в тарелки. И вдруг я увидела насмешливые глаза кэгэбешника, победоносно оглядывающего всех: что - есть желающие оспорить его власть и право творить беззаконие? Нет, тут являло себя даже не сладострастие. Тут действовал закон скверны, желающий осквернить всё и всех. И мужчины, не вступившиеся за честь женщины, чувствовали себя обесчещенными.

Много позже, уже после развала Советского Союза, бывший член ЦК компартии Грузии, а ныне москвич вдруг стал обидчиво доказывать в застолье, что даже в те подлые времена он всегда поступал по совести, и ему нечего стыдиться - он честный человек.

- Это ты честный? - вспыхнул его друг, писатель-грузин. - Ты столько лет барахтался в вонючей помойке и хочешь, чтоб от тебя не воняло? Да будь оно проклято то проклятое время, из которого все мы вышли замаранными.

Замаранной в этой истории оказалась и я, а выяснилось это так. Через несколько дней шалун-кэгэбэшник решил приласкать и меня. Сопротивлялась, как умела. И однажды, вырываясь из объятий толстяка, едва не выскочила на ходу из машины, выкрикивая при этом, что раньше я уважала грузин и чтити ту Грузию, где жили Бараташвили и Пиросмани, а великий художник Ладо Гудиашвили с молитвой расписывал церкви.

- В церковь хочешь? - удивился толстяк. - Для дамы сердца - любой каприз!

И машина затормозила у Сионского собора. Мы с Гиви устремились в собор, куда следом за нами юркнул некто Гурам, ненавидевший меня, угадывалось, такой лютой ненавистью, что от его злобных взглядов было не по себе. Кто такой Гурам, я не знала. На банкетах он сидел где-то поодаль и был странен в компании холеного бомонда - этакий прокаленный солнцем крестьянин в дешевом пиджаке и с заправленными в сапоги брюками. Тем не менее, в конце каждого банкета провозглашали тост за щедрое сердце Гурама, и да будет эта щедрость расти и возрастать.

В соборе после службы было тихо и малоллюдно. Но вот в чем я убедилась, как убеждалась потом не раз, - переступая порог церкви, попадаешь в иной мир, где вместо купола неба космос и всё меняется, даже лица людей. Помню, что с удивлением оглянулась на Гурама - он со слезами прикладывался к иконам и даже как-то по-детски положил шоколадку у ног Младенца Христа.

Впрочем, тут было не до Гурама. Сердце ёкнуло и гулко ударило в ребра при виде креста святой равноапостольной Нины. Позже я прочитала в книжках о том, как юной Нине явилась во сне Пресвятая Богородица и вручила ей крест из виноградной лозы, а она, проснувшись, отстригла прядь волос - так поступают при монашеском постриге - и обвила волосами крест, посвящая себя Богу. Многие я узнала потом о подвиге святой равноапостольной Нины, обратившей к Богу страну Иверскую и сокрушившей демонские идола. А тогда, будучи еще несведущей, я в благоговении стояла перед крестом моей Небесной покровительницы и почему-то знала то, чего не могла знать, а только Дух дышит, где хочет, и сердце чувствует

благодать.

Впрочем, минуты благоговения длились недолго, ибо рядом разгорался скандал. Гурам в сопровождении любопытных ташил ко мне за рукав совсем молоденького батюшку, что-то гневно говорил по-грузински, а потом стал петушком на скакивать на меня:

- Соус (совесть) есть? Стыд хоть капелька есть? Батюшка, у нее же нет ни стыда, ни соуса!

Я ничего не понимала, несмотря на дипломатичные пояснения батюшки. Но если отбросить в сторону дипломатию, то реальная картина была такой - толстяк и его свора от моего имени нещадно грабили сельскую Грузию, утверждая, что Москва прислала очередного сборщика дани, то есть меня. А это такой беспощадный мытарь, что быть беде, если не заплатить. В общем, Гурама обязали собирать деньги для московской хищницы, а также оплачивать банкеты и отгружать «для Москвы» ящики деликатесов, коньяка и марочных вин.

- Батюшка, людям уже нечего дать, а она требует всё больше! - горевал и сокрушался Гурам.

- Доченька, - погладила меня по плечу пожилая грузинка, - пожалей наш народ. Нам так трудно жить!

- Пожалееет она - как же? - вспыхнул гневом картинно красивый юноша. - У России большой рот и ненасытная утроба!

О, как же тщательно, как понимается теперь, готовился развал Советского Союза! Ложь всевала семена ненависти в сердца людей, и грузин, оказывается, ограбила я. Смысл этих подлых провокаций, когда народы науськивали друг на друга, открылся лишь позже. А тогда в ярости я выбежала из собора и пообещала кэгэбешнику, что напишу в газету и обращусь в прокуратуру, но его непременно посажу.

- Ты - меня? - развеселился кэгэбешник. - Это я тебя в тюрьму посажу!

Федор Гургенович, - окликнул он майора из сопровождавшей нас милицейской машины, - поступила информация, что эта гнида из Москвы организовала наркотрафик кокаина в Грузию. Немедленно обыщите ее номер в гостинице и арестуйте преступницу.

- Арестуем, арестуем, - пообещал Гургенович. - Только кокаина сейчас нет. Есть героин.

- Пусть будет героин! - величественно распорядился мой бывший «обожатель», и машины с мигалками умчались прочь.

Честно говоря, я не поверила в аферу с героином. Но Гурам сказал в тревоге и почему-то на сленге:

- Надо делать ноги, сестра.

Гурам был прав. Позже, когда однокурсник Гиви Арчил вез нас в аэропорт на своей машине-развалюхе, выяснились подробности этой истории. Оказывается, Гурам позвонил в гостиницу знакомой горничной, и та вынесла мои вещи из номера за секунду до того, как туда ворвалась милиция. А еще Гурам договорился с кассиром из аэропорта, чтобы меня отправили в Москву первым же рейсом.

- Тебе, сестра, теперь вся Грузия поможет, потому что ты заступилась за грузин, - сказал растроганно Гурам на прощанье.

А вот здесь начинается то, ради чего мне захотелось рассказать о Грузии и о том, как меня провожали из Тбилиси.

* * *

Во-первых, Арчил и Гиви решили устроить для меня прощальный банкет. Студенты вытрясли из карманов последние копейки, сбегали в магазин и, расстелив на траве газету, накрыли стол: бутылка дешевого вина, два плавленых сырка «Дружба» и гроздь винограда – специально для меня. .

- Мы их сделали! – ликовал Гиви, провозглашая тост. – Тависуплеба (свобода)!

- Какая свобода, если прогнило всё? – заметил Арчил и поинтересовался у меня. – Вот у вас в России, если дают квартиру, там есть двери?

- Конечно.

- А у нас, если повезет получить квартиру, то ничего кроме стен в ней нет. Ни дверей, ни сантехники – украдено всё. И воруют уже нагло – в открытую. Нет, надо валить на Запад.

Забегая вперед, скажу, что Арчил, действительно, уехал потом на Запад и написал серию разоблачительных статей про высокопоставленных чиновников, мало чем отличавшихся от грабителей с большой дороги. Но статьи не опубликовали, ибо чиновники уже стали миллионерами, а в демократической Европе уважают деньги. «Эти демократы, – написал тогда Арчил в письме, – те же гэбэшники, только сменившие знак плюс на знак минус».

Но все это было потом. А тогда мы были молоды и со всей пылкостью молодых мечтателей верили в то ближайшее светлое будущее, когда мы, естественно, переделаем мир.

Переделать мир, конечно, хотелось, а улететь из Тбилиси не получалось никак. Кассир, пообещавший отправить меня в Москву первым же рейсом, виновато признался, что на ближайшую неделю билетов нет. Да и каково это улететь из Грузии в курортный сезон, если отдыхающие уже в день приезда – заранее, за месяц – записывались в очередь на билеты? Но Гиви успокоил меня, сказав, что он уже позвонил своему деду Ираклию, а его дедушку уважает вся Грузия и потому «из уважения» сделают все.

До сих пор не знаю, кем был дедушка Ираклий – виноделом, пасечником или, кажется, кузнецом, но уже через полчаса этот стройный, как юноша, величественный старик вручил мне билет на самолет.

- Э-э, разве так провожают дорогую гостью? – сказал он, оглядев нашу трапезу на газетке. – Гиви, помоги тете Нане накрыть стол. А знаешь, Нана, в честь чего будет праздник? Калбатано Нина разоблачила при всех нашего неприкасаемого варишвили (сына осла) из КГБ, и теперь вся Грузия смеется над ним.

- Я бы этого ворюгу варишвили своими руками на тряпки порвала, – откликнулась Нана, сестра Ираклия, и весело пожелала мне. – Дай Бог тебе счастья, Нино!

А потом был праздник. Тетя Нана расстелила палас на траве, Гиви притащил из машины дедушки корзины с угощением. И было у нас настоящее грузинское застолье с домашним вином и множеством яств: хачапури, сациви, фаршированные гогошары, зелень, соленья – не перечислишь всего.

- Сейчас мы выпьем за всё хорошее, - сказал наш тамада батано Ираклий. - Но сначала я спрошу нашу гостью - тебя, я знаю, обидели в Грузии, и ты, наверно, думаешь теперь: грузины, они такие-сякие?

Я промолчала, смутившись, а будущий европеец Арчил сказал задиристо:

- А что, грузины не такие-сякие?

- Люди везде люди, сынок, - гордые, добрые, всякие. Но вот идет такой гордый человек по жизни и вдруг, ослабев, падает в грязь. Кто-то скажет о нём: «Это грязное ничтожество». А кто-то знает уже - душа человека превыше грязи. Плачет душа, но помогает ей Бог и дарует человеку мудрость и силу. Знаешь, Арчил, что труднее всего в жизни? Научиться правильно думать и понимать людей. А потому вместо тоста расскажу притчу, которую мой дед еще в юности слышал в горах от стариков.

Перескажу эту притчу, услышанную от дедушки Ираклия. Вот она.

* * *

Однажды грузинскому царю приснился сон, будто стоят у него в изголовье семь тощих коров, а трава перед ними выжжена зноем. Встревожился царь и созвал мудрецов, чтобы разгадали его сон. А мудрецы только много ученых слов наговорили, но не разгадали они ничего. И повелел тогда царь глашатаям объявить по всему царству, что богатую награду получит тот, кто разгадает сон.

Жил в том царстве многодетный бедняк, и была у него сварливая злая жена. Вытолкала она бедняка из дома и сказала: «Поезжай к царю и разгадай его сон. А не разгадаешь, пусть отрубят тебе голову, и я хотя бы отдохну от тебя».

Сел бедняк на коня и поехал через горы к царю. Едет и плачет: где ему, пастуху, разгадать царский сон, если даже ученые бессильны? Вдруг выползает из расщелины змея и говорит человеческим голосом:

- Эй, горемыка, а ты поделишься со мной наградой, если я разгадаю сон?

- Половину отдам, клянусь, - воскликнул бедняк, - только спаси меня!

И сказала змея - сон царя означает вот что: будет семь лет засухи и голода. Пусть царь немедленно повелит купцам, чтобы закупали зерно и припасы в разных странах, а иначе грузинам не выжить. Так всё и было. Трудными были семь засушливых лет, а только никто не умер от голода - столько припасов заготовили впрок. Ну, а бедняк получил такую богатую награду, что арба едва вместила дары царя.

Возвращается бедняк домой уже богачом, и кипит его сердце от гнева: «А почему это я должен делиться со змеей? Впереди голод, а у меня дети. Тьфу на змею, паршивая тварь!» Даже специально в объезд поехал, чтобы не встречаться со змеей.

За семь лет истощил бедняк свое богатство. Обнищала семья. А тут снова царю приснился сон, будто висит у него в изголовье меч. Чувствует царь, что сон пророческий, но не под силу мудрецам разгадать его. И снова злая жена (а была добрая, пока водились денежки) выгоняет мужа из дома и велит ехать к царю разгадывать сон.

Сел бедняк на коня и приехал к тому месту, где повстречал змею. Пал на колени и молит в

слезах, чтобы простила его змея и ради детей помогла ему.

- Ладно, прощаю, - сказала змея, выползая из расщелины. - Только на этот раз не обмани - ведь немного прошу. А царю скажи - сарацины готовят набег на его царство, чтобы разорить православные храмы, а Грузию стереть с лица земли.

Во дворце царя был пир, когда явился бедняк с вестью о войне. Вскочили тут на коней триста отважных грузинских юношей и впереди войска с мечами помчались на сарацин. Храбро бились грузины, и сарацины, не ожидавшие внезапного появления войска, с позором трусливо бежали прочь. И опять царь щедро наградил бедняка и вручил в знак победы меч.

Едет бедняк домой, меч при бедре, и думает воинственно: «Покажу теперь жене, как не уважать мужа-воина. Прибью эту ведьму. И змею убью!» А змея уже ждет его на тропинке.

- Прочь с дороги, презренная гадина! - закричал бедняк.

Выхватил меч, чтобы убить змею, но та уже юрко ускользнула в норку, и он успел отсечь лишь кончик хвоста.

А бедняку ни капли не совестно, что покалечил змею. Напротив, бахвалится своим богатством и радуется, что, заболев, присмирела жена. А только тленно земное богатство - деньги кончились, больная жена уже с постели не встает, но умоляет мужа, чтобы ехал к царю, которому опять приснился сон, будто стоят у него в изголовье семь тучных коров и райским цветом цветут долины.

Что поделаешь? Поехал снова бедняк на поклон к змее. Просит прощения и молит о помощи. Много хитрых слов наговорил, пока не сжалилась змея и объяснила сон:

- Скажи царю, что наступает время мира и процветания Грузии. Пусть строит храмы и университеты, да возрастает духом грузинский народ!

Говорят, царь так щедро наградил бедняка, что на три жизни хватит и ещё останется. Едет бедняк домой и не радуется - такой мрак у него на душе. Приехал он к расщелине, где жила змея, и заплакал горячими слезами:

- Прости меня, змея, что на добро отвечал только злом. Забери от меня это богатство, добытое коварством. Не хочу жить богатым обманщиком - человеком стать хочу!

Но не откликнулась змея, а человек всю ночь стоял на коленях, вспоминая свою грешную жизнь. Как слова ласкового не сказал ни разу жене. Как избегал ходить в церковь, утаивая от священника свое коварство и ложь. Давно он не молился, забыв о Боге, а тут со слезами взывал ко Творцу:

- Прости меня, Господи. Я ничтожный урод!

- Ты не урод, - откликнулась тут змея. - Ты таков, каков нынешний век. Во времена голода ты был лживым и жадным, ибо голод не ведает стыда. Во время войны ты хотел убивать и отсек мне кончик хвоста. А теперь наступило благодатное время, и жаждет благодати твоя душа. Ступай домой, ничего мне от тебя не надо. Об одном лишь прошу - воздай благодарение Богу за то, что даровал тебе покаяние, и оживает твоя душа.

* * *

Вот такую притчу рассказал старый грузин Ираклий и провозгласил тост:

- Так воздадим же благодарение Богу за его многие дары и благодеяния, а главное за дар покаяния, да возродится душой человек.

Говорят, что испокон века в грузинском застолье сначала воздавали благодарение Богу и лишь потом говорили о земном.

Проблема земного бытия больше всего волновала Арчила, борца за демократию и за преобразование Грузии по образцу европейских стран.

- Батоно Ираклий, - доказывал он, - никакое духовное возрождение невозможно в условиях чудовищного экономического застоя. Надо сначала насытить людей, а потом уже ждать от них покаяния.

- И что - от сытости совесть проснется? А вдруг, превратившись в сытых свиней, мы уткнемся каждый в свою кормушку, и уже не поднимем голову к Небу?

Спор о сытости и совести восходил уже к онтологическим высотам, когда появилась диспетчер Вера и сказала сердито:

- Хорошо сидим, да? Мы из-за вас вылет самолета задержали, а они тут винище пьют!

И мы побежали к самолету через летное поле. Лидировала в этом беге тетушка Нана, спортсменка в прошлом.

- Эй, Михо, погоди, - крикнула она еще издали знакомому летчику, уже отодвигавшему трап от самолета. - Знаешь новость? Калбатано из России пообещала посадить в тюрьму ворюгу N из КГБ.

- А он что?

- Позеленел от страха, и теперь вся Грузия теперь смеется над ним.

- Вайме, - обрадовался усатый летчик, - неужели подул ветер перемен?

- Мы летим или нет? - раздался по радио голос диспетчера.

А потом уже в самолете я услышала, как грузины возбужденно обсуждают новость - говорят, что подул ветер перемен, и вымогателя N, наконец-то, посадили. Да, Грузия, похоже, страна гипербол, а только ненавистного всем N. вскоре, действительно, арестовали. А потом наступили перемены, но не такие, когда мечтали и верили: главное, добиться свободы, и тогда начнется счастливая жизнь.

Эра демократии и свободы началась в 1991 году, когда распался Советский Союз. Аналитики называют это событие геополитической катастрофой. Но сама катастрофа происходила тогда на фоне довольно вялого общественного мнения, ибо народ независимых, свободных республик озабоченно бегал по магазинам в надежде раздобыть хоть какие-то продукты.

В России впервые с послевоенных времен ввели продуктовые карточки, а из продажи напрочь исчезли стиральные порошки и мыло. А как же бедствовала Грузия - одна из самых богатых республик в прошлом! Закрывались заводы и фабрики, а безработица достигла таких чудовищных размеров, что из независимой Грузии после перестройки уехало около миллиона

грузин.

Быстрее других оправилась от кризиса Россия, и в российские города хлынул поток мигрантов с Кавказа и из Средней Азии. А эра демократии породила столько неведомых прежде межнациональных проблем, что и не знаю, как деликатней о том рассказать.

.

* * *

Давно известно: чужие недостатки - не твое достоинство. Но вот особенность постперестроечных времен - вошло в привычку возвеличивать себя за счет унижения других наций, усматривая в них источники собственных бед. Стало модным «оскорбляться» по поводу и без повода и писать коллективные письма с требованием защитить права человека от... Не буду уточнять, от чего защитить, ибо читаешь иные коллективные письма, написанные, казалось бы, с благородным негодованием, и душно от лжи.

Если повода оскорбиться не было, его изобретали. И в этом отношении показательна история 1986 года, когда в журнале «Наш современник» был опубликован рассказ Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии». Рассказ как рассказ, и досталось там прежде всего русским. Вот, горевал Астафьев, в России могут завалить родники нечистотами и мусором, а для грузина родник - святое место. Здесь не распивают водку, не пижут матерных слов, и родники по всей Грузии ухожены и обложены красивым камнем.

Словом, не было бы никакой шумихи вокруг этого рядового по сути рассказа, если бы не желание партийных чиновников поставить на место непокорного Астафьева. Он не только не желал прогнуться перед властью - он буквально шокировал жирующую элиту, отказавшись от всех привилегий. А Астафьев был знаменит - депутат Верховного Совета, фронтовик-орденоносец и Герой Социалистического труда, а также лауреат множества литературных премий, в том числе двух Государственных премий СССР. Астафьеву предлагали квартиру в Москве, дачу и снабжение через закрытый распределитель с особыми «кремлевскими пайками». Да и на Вологодчине, где писатель жил тогда в деревне, власти недоумевали: почему в условиях дефицита продуктов Астафьев отказался от таких завидных - мечта - номенклатурных пайков.

- Зря вы, Виктор Петрович, - уговаривали его, - вам же положено. Вы у нас, что называется, совесть нации.

Но Астафьев не желал быть жирной, продажной совестью нации. А жилось тогда семье писателя трудно, и вот некоторые личные воспоминания о том. Собралась я однажды в гости к Астафьеву и позвонила его жене Марии Семеновне с вопросом: что привезти из Москвы?

- Ничего не надо, не утруждайте себя, - ответила она.

- Мария Семеновна, а может привезти вам московских конфет или хорошего кофе?

- Ну, если не трудно, - застеснялась она, - привезите хоть одну пачечку сливочного масла. А ещё в Москве, я видела, есть очень дешевые котлеты.

Так, всё понятно. Мне хорошо был знаком нищий быт российских деревень, где на пустынных полках сельпо годами пылились разве что трехлитровые банки соленых огурцов - желтых, переросших и огромных, как кабачки. В общем, затоварилась я тогда под завязку, и Астафьев при встрече шутливо сказал:

- Сразу видно - наша русская и до отказа груженная продуктами баба. А то тут киношники едут стаями, и хоть бы кто догадался одну сосиску в тонваген положить.

Но вернусь к рассказу. Опорочить независимого Астафьева было сложно. И тогда грузинскому руководству намекнули, что Астафьев как-то нехорошо написал о Грузии. И не подрывает это, товарищи, священные основы дружбы народов? А дальше события развивались стихийно, но по хорошо известному всем провокаторам плану: «Из искры возгорится пламя».

Помню, как в три часа ночи из Тбилиси позвонил Гиви.

- Гиви, - спрашиваю, - ты на часы смотрел?

- Калбатано Нина, как можно спать, если вся Грузия не спит? Ваш писатель Астафьев так оскорбил грузинский народ, что люди в ужасе, не спят и плачут.

После Гиви позвонила Манана, потом в четыре часа ночи - Отар. А на рассвете уже из Европы позвонил Арчил и со всей яростью борца-демократа прокричал в трубку, что этого русского писаку - «забыл фамилию» - он бы лично поставил к стенке.

Пикантность ситуации заключалась в том, что, в отличие от меня, никто из моих разгневанных собеседников рассказ Астафьева не читал, ибо журнал «Наш современник» был почти недоступен в Грузии. Правда, писатель Л. все же отыскал журнал в библиотеке, после чего позвонил мне:

- Слушай, я два раза перечитал рассказ, но так и не понял, а что всех так оскорбило? По моему, написано с любовью о Грузии, а описание монастыря в Гелати - это поэма.

Тем не менее, кто-то тщательно готовил развал Советского Союза, раздувая из искры то пламя, когда 315 грузинских писателей сложили в коробку свои членские билеты Союза писателей СССР и отослали их посылкой в Москву, демонстративно обозначив разрыв с «врагами» великой Грузии. Было, естественно, антиастафьевское, а точнее антироссийское письмо грузинской интеллигенции, под которым, к моему удивлению, подписался и тот самый Л. Когда же я спросила Л., почему он подписал это письмо, если прежде хвалил рассказ Астафьева, тот ответил запальчиво:

- Потому что грузины, а не вы, для меня свои!

Как же всё это напоминало ту историю нашего московского двора, когда художнику с соседней улицы подарили породистую охотничью собаку. А поскольку ни зайцев, ни рябчиков в Москве не водилось, он стал тренировать собаку на бездомных кошках. То есть, прикармливал кошек, отстригал им когти, а потом натравливал на них пса. Так появились у нас во дворе кошки-калеки с отгрызенными лапками и окровавленными боками. Наш двор возмутился, а друзья художника - нет, ибо это «наша собака», а там какие-то «чужие кошки».

Вот так и стали мы «чужими кошками» для независимых прибалтов, кавказцев и прочих независимых. Впрочем, что винить других, если мы сами постепенно привыкли к тому нравственному одичанию, когда по улицам наших городов маршируют бритоголовые молодчики, скандируя лозунги: «Россия - для русских, кавказцы - вон!» Раньше порядочные люди таким руки не подавали, а теперь почему-то не стыдно.

Не стыдно стало подписывать коллективные письма, даже если заведомо известно - это провокация и повод для разжигания той ненависти, когда в межнациональных конфликтах времен демократии было убито свыше ста тысяч человек.

Знаю именитых людей из разных республик, вынужденных ставить подписи под такими письмами, а иначе не выделяют деньги на науку, на жизнь или на съемки фильма. Словом, времена демократии и свободы обернулись той духовной несвободой, когда хочешь жить – умеешь прогнуться и играй исключительно за свою команду, понося и уничтожая «чужих».

К чести для грузин, они первыми поняли смысл антиастафьевской кампании, еще бушевавшей в ту пору в Прибалтике. Делегация грузинских писателей приехала тогда в Москву, чтобы повиниться перед Астафьевым. Виктора Петровича они в Москве не застали. И один из писателей поехал к Астафьеву, чтобы лично и в самых трогательных выражениях попросить у него прощение. Словом, «несть человек, иже поживет и не согрешит», но грузины, в отличие от многих, умеют каяться искренне и сердечно.

К счастью, во времена смуты Господь увёл меня из Москвы. И поселившись в доме возле Оптиной пустыни, я прожила эти годы в той православной среде, где «несть ни эллина, ни иудея», а на Пасху провозглашают «Христос воскрес!» на многих языках мира, в том числе и на грузинском:

- Кристе ахсдга!

* * *

Говорят, что монастырь обезображивает мир. Это правда. Из монастыря тяжело было ездить в Москву, ибо привычная некогда жизнь поражала теперь самодовольной вульгарностью. Москва менялась на глазах. Помню, как в девяностых годах я приехала в Москву и засиделась у друзей до закрытия метро. Ничего страшного – рядом Белорусский вокзал, а у вокзала всегда дежурят такси.

До сих пор помню эту неизвестную мне прежде и пугающую ночную Москву. На улицах ни одного прохожего, перед вокзалом ни одного такси, а навстречу мне шла компания пьяных отморозков, глумливо загоготовивших при виде меня. Бежать было некуда – пьяные, забавляясь, преграждали путь. От страха забылись слова молитвы, и я лишь взывала:

- Божья Матерь, боюсь, помоги!

- Вы не подскажите, как проехать на Хорошевское шоссе? – затормозили вдруг рядом со мной «Жигули».

- Да я живу на Хорошевском шоссе. Подвезите, молю, а я дорогу покажу.

За рулем сидел грузин в монашеской скуфье и подряснике, с удивлением спросивший:

- Калбатано Нина? Вы не помните меня? Я Гиви, Георгий, внук деда Ираклия.

Оказывается. Георгий заблудился в Москве, и теперь говорил ликующе:

- Святой Георгий и святая Нина – покровители Грузии. Думаете, мы случайно встретились в Москве?

До моего дома было рукой подать. Я пригласила Георгия подняться ко мне в квартиру, потому что в шесть утра за мной должна была приехать машина из монастыря, а так хотелось поговорить по душам. Я поставила чай, а Георгий принес из машины бутылку домашнего вина – мол, какое же это застолье, если нельзя произнести тост, изливая в нем свои надежды и скорби. А скорбей было много.

- Безработица у нас страшная, – вздыхал Георгий. – Дедушка Ираклий уже ругается: «Позор

грузинам – живем, как побирušки. И уже назанимали у Запада столько, что внукам оставим только долги». Слава Богу, что помогают московские грузины, и завтра я повезу в Тбилиси их пожертвования для бедных семей.

- Георгий, ты монах?

- Нет, иподиакон. Хочу уйти в монастырь, да дедушка Ираклий не благословляет: «Какой, – говорит, – из тебя монах, если ты такой же, как нынешний век?» Это правда. Раньше я говорил про русских такое, что стыдно вспомнить. За многое стыдно теперь, сестра.

И Георгий провозгласил тот самый тост, каким меня провожал из Тбилиси старый грузин Ираклий:

- Так воздадим же благодарение Богу за его многие дары и благодеяния, а главное за дар покаяния, без которого мертвеет и глупеет душа.

- Это правда, – допытывалась я у Георгия – что в грузинских ресторанах запрещают петь русские песни?

- Наоборот! То есть раньше немножечко было. А недавно, мне друг рассказывал, в ресторан вошли русские туристы, и им с соседних столов стали присылать в подарок бутылки вина. Меняются люди, но, конечно, не сразу. Вот у нас сосед был жутким националистом и кричал на всех митингах про козны Москвы. А теперь кричит на всю улицу: «Какой идиот поссорил нас с Россией и построил эту проклятую границу?» У него мандариновый сад в деревне. Раньше он продавал в Россию пятнадцать тонн мандаринов, а теперь с трудом продал три тонны в Турцию, и остальные мандарины гниют.

За окном уж алел рассвет, а мы вспоминали те времена, когда семьи из России ежегодно ездили отдыхать в Грузию, и было обычаем проводить отпуск у моря. Когда-то Грузия была всесоюзной здравницей. Почему так бездарно рухнуло всё?

- А может, и должна была рухнуть, – рассуждал Георгий, – эта безбожная советская вавилонская башня? И народы перестали понимать друг друга, потому что без Бога нет мира и любви на земле. И все-таки верю – к нам вернется мир.

- Почему ты так думаешь?

- Как объяснить? Я веду занятия со старшеклассниками в воскресной школе и постоянно удивляюсь – они другие, чем мы. Мы провозглашали себя православными и при этом редко ходили в храм. А они так искренне любят Христа, что стараются жить по-христиански – помогают старикам и выхаживают больных. Они сострадательны к чужому горю, и им не надо объяснять, что грузины и русские – братья во Христе. Они это знают и чувствуют сердцем. Через молодых христиан к нам вернется мир. А у вас молодежь верует в Бога?

- Кто-то верует, а кто-то нет.

По телефону сообщили, что у подъезда меня уже ждет машина. А Георгий вдруг оживленно сказал:

- Недавно я все-таки прочитал тот самый рассказ Астафьева. И знаете, как кончается рассказ? Там один грузин произносит тост: «Если кто-то обидит русского в Грузии, того обидит Бог!»

Мне хотелось произнести ответный тост: «Если кто-то обидит грузина в России, того обидит

Бог!» Но в машине меня ждал батюшка, и настала пора прощаться.

Крёстная

Моя крёстная – красавица, трудоголик и шизофреничка. Никакой шизофрении, оговорюсь сразу, у неё и в помине не было, и историю этой мнимой болезни можно изложить словами классика: «москвичей испортил квартирный вопрос». А беда началась с того, что моя крёстная ещё студенткой унаследовала от своего деда, известного учёного и потомственного дворянина, квартиру в старинном особняке на тихой улочке Москвы. Квартира была огромная, с лепниной на потолке. И это бывшее дворянское гнездо чрезвычайно понравилось одной парочке, приехавшей из провинции завоёвывать Москву.

Хитрецы составили план: он обольстит юную студентку, женится на ней, а после развода потребует разделить квартиру, обеспечив себя и свою возлюбленную достойной жилплощадью в Москве. Надо сказать, что план сработал, но с некоторыми осложнениями. И когда через полгода после свадьбы хитрый муж развязно заявил беременной жене, что «любовь прошла, завяли помидоры», тёща насмешливо сказала ему: «Ах, любовь у него прошла! Но семья, голубчик, – это совсем иное». А поскольку взгляды тёщи, Светланы Ивановны, играют в этой истории важную роль, расскажу о них подробнее.

* * *

Светлана Ивановна, техник-смотритель Метростроя, была из «бывших» и тщательно скрывала своё дворянское происхождение. Но разве можно скрыть царственную осанку и совсем не пролетарские взгляды на жизнь? В частности, Светлана Ивановна не признавала разводов и крайне насмешливо относилась к тем эмансипушкам-разведёнкам, что бросают своих недостойных мужей, мечтая встретить принца на белом коне. Годами мечтают, стареют и всё ищут. А только нет этих принцев. Есть надрыв одинокой разведённой женщины и песня: «Я стою у ресторана, замуж поздно, сдохнуть рано».

Впрочем, такое отношение к разводам было свойственно не только Светлане Ивановне, но и её знакомым из сословия «бывших». Помню, как меня пригласила на свою золотую свадьбу седовласая переводчица с уродливой фамилией Дэбова. Уродство же заключалось в том, что настоящая фамилия дамы была дэ Бовэ. Но когда в годы репрессий её исключили из института за дворянское происхождение, она уговорила знакомую паспортистку переписать все документы на Дэбову.

– До сих пор горюю, что не получила высшего образования и осталась неучем, – сетовала переводчица.

Между тем она переводила тексты не с языков, а на языки – английский, французский, немецкий. А по нынешним меркам, доказывала я ей, это фактически институт иностранных языков.

– Полноте, какой институт? – возражала моя собеседница. – Немецкий я знала с детства, у нас была бонна. Во Франции мы каждый год отдыхали у моря, и было бы стыдно не знать язык. Ну, а английский – он же лёгкий.

Так я попала в ту среду, где владеют английским, потому что он лёгкий, а среди цветущей сирени на даче садится за стол большая семья: родители, дети, внуки. По случаю золотой свадьбы на дачу съезжались гости, и хозяйка тихонько рассказывала мне о них:

- А княжна Натали со своим генералом скоро отпразднуют бриллиантовую свадьбу.

Я умилилась этой любви, пронесённой через долгую жизнь.

- Не обольщайтесь, - сказала хозяйка. - Натали с голоду вышла за своего большевичка. Мы ужасались: такой мезальянс! Образования никакого, сморкается двумя пальцами, а когда ест, тянет голову к ложке. Но дворяне, знаете, практичный народ, и Натали своего супруга до ума довела. Он у неё не просто генерал, но ещё и доктор технических наук.

И всё же не укладывалось в голове, как, даже голодая, можно выйти замуж без любви.

- А что любовь? - усмехнулась седовласая дама. - Мы с моим Петром Кирилловичем по любви венчались, а он, признаюсь, изменял мне.

- И вы простили измены?

- С годами простила, когда внуки родились - у нас их пятеро. Мой Пётр Кириллович души в них не чаёт, а внуки буквально обожают его. Он дня прожить без семьи не может, а я любила Петрушу всю жизнь. Море слёз пролила из-за любви! И удерживало от разрыва вот что: у нас в роду никто не разводился, и даже мыслей об этом не было, хотя муж бабушки страдал запоями, а супруг прабабушки имение в карты проиграл. Видно, Господом так назначено - любить, страдать и вымалывать мужей. Нас так воспитали, и мы верили, что есть один Бог, одна Родина и один муж.

* * *

Вот об эти стародавние представления о семье и споткнулись мошенники, пожелавшие захватить чужую квартиру. Даже суд, состоявшийся после рождения дочери, отказал в разводе, защищая интересы ребёнка. И тогда жулики придумали новый план: надо упрятать жену в психушку, а потом, добившись опеки над ней, приступить к разделу имущества. Как же издевались над молодой женщиной эти проходимцы, поселившиеся теперь вдвоём в её квартире и нарочито демонстрирующие перед матерью с младенцем свою изощрённую постельную страсть! Для большего правдоподобия они завели «историю болезни», записывая в тетрадь с зелёной обложкой вычитанные из книг симптомы шизофрении: мания преследования, галлюцинации и агрессия (это о том, как они заперли молодую мать в ванной, не пуская её к плачущему младенцу, а она, прорываясь к ребёнку, выломала дверь). Потом эту зелёную тетрадь вручили заведующей отделением психиатрической клиники, подкрепив просьбу о госпитализации больной ценным подарком - бриллиантовыми серьгами, украденными у молодой матери.

О месяце, проведённом в психиатрической больнице, крёстная не любила вспоминать. Под действием огромных доз аминазина и галоперидола, назначенных ей заведующей, она стала превращаться в подобие «овоща» и падала при попытке встать. Потом завождением ушла в отпуск и молоденький врач выпроводил крёстную из больницы, сказав:

- Уходите отсюда. Вы абсолютно здоровы, но я ничего не могу доказать.

А после больницы был суд, на котором этот лжемуж потребовал учредить опеку над тяжелобольной шизофреничкой, ибо она страдает агрессией в столь опасной форме, что это угрожает жизни ребёнка.

- Да-да, жизнь ребёнка в опасности, - подтвердила выступившая следом завождением психиатрической клиники.

Зоркие глаза Светланы Ивановны заметили, что докторша вышла на свидетельское место в бриллиантовых серьгах её дочери и с хорошо знакомым ей старинным кольцом, переходившим в их семье из поколения в поколение. Ей стало понятно: всё схвачено, за всё заплачено. А жизнь ребёнка была действительно в опасности. За месяц до суда мошенники увезли девочку из дома и спрятали у каких-то пьющих людей. Ухаживать за грудным младенцем эти люди не собирались и кормили грудничка тем, чем закусывали водку. Ребёнок погибал. А шансы выиграть дело были невелики, тем более что молодая мать вела себя в суде «неадекватно». Она кричала, захлёбываясь от слёз:

- Где мой ребёнок? Верните дочку! Умоляю, скажите, она здорова?

- Да больна твоя уродка, больна! - мстительно крикнула с места сожительница мошенника. - И я тебе, идиотке, скажу...

Судья прервал этот крик, объявив перерыв. А в перерыве Светлана Ивановна властно взяла лжезятя за шиворот и сказала:

- Что хочешь в обмен на ребёнка?

- Квартиру! - нагло ответил тот.

В тот же день квартиру обменяли на ребёнка, составив дарственную у нотариуса. Знакомые возмущались и говорили, что надо бороться за квартиру. Но времени бороться уже не было - девочка была совсем плоха. Прогноз врачей был неутешительным. И всё-таки выходили, вымолили, спасли ребёнка. И, пережив немалые испытания, сказали по обыкновению православных: «Слава Богу за всё!»

* * *

Как протекала жизнь моей крёстной после столь горького и очень раннего замужества, я не знаю. Познакомились мы с ней во времена её земного благополучия - двое детей, муж, заводделом райкома партии, и отличная трёхкомнатная квартира в Москве. Мы были соседями по лестничной площадке и посторонними друг другу людьми, пока не встретились однажды в церкви.

Сблизила же нас такая история. Не догадываясь, что я некрещёная (а у нас в роду обязательно крестили детей), я исповедовалась, причащалась. Но недоумевала: почему после причастия я лежу пластом, будто только что разгрузила вагон угля? И однажды стало тревожно: вдруг меня не крестили в детстве? Выяснить этот вопрос у мамы никак не получалось. Она сразу начинала плакать, заявляя обидчиво:

- Значит, по-твоему, я вырастила нехристь?

Рассказала о своей тревоге соседке, но она как-то странно промолчала в ответ. Священник же посоветовал написать письмо архимандриту Иоанну (Крестьянкину), потому что разрешить мои сомнения может только старец. Кто такой этот старец, я в ту пору не знала, но рассудила - все монахи живут в монастыре и, должно быть, знают друг друга. И я поступила как тот чеховский мальчик, что отправил письмо по адресу «на деревню дедушке» - отнесла своё послание в ближайший от дома Свято-Данилов монастырь.

Тем не менее ответ от старца Иоанна пришёл незамедлительно. Уже на следующий день неожиданно приехала мама и с порога сказала в слезах:

- Да некрещёная ты, некрещёная! Где мне было тебя крестить, если у нас в Сибири тогда не было церквей?

Позже я узнала, что в год моего рождения на всю огромную Сибирь было только две кладбищенских церкви: одна под Красноярском, другая возле Новосибирска.

В тот же день, но уже поздно вечером в дверь позвонила моя соседка, только что вернувшаяся из Псково-Печерского монастыря, и сказала:

- Батюшка Иоанн (Крестьянкин) благословил вас креститься. Готовьтесь, утром идём в церковь, я вам уже крещальную рубашечку шью.

Так я крестилась по молитвам старца, а возможно, и по молитвам Маши, пятилетней дочери крёстной. Почему-то Машенька усиленно молилась обо мне, и с той поры сохранилась записка, написанная корявым детским почерком: «Помилуй Господи тётю Нину и кошачьку Муську». А это великое дело, когда о тебе молится старец, а ещё безгрешное дитя, жалеющее и кошечку, и соседку, и птичек в небе, и всех людей.

* * *

К архимандриту Иоанну (Крестьянкину) крёстная ездила не только из-за сомнений в моём крещении, но и потому, что стала рушиться её некогда счастливая семья. А ведь была такая большая любовь!

Они влюбились друг в друга на спортивном празднике. Он - комсорг завода и мастер спорта по боксу, она - хрупкая блондинка и мастер спорта по художественной гимнастике. Боксёр носил свою блондинку на руках. А потом была комсомольская свадьба с селёдкой «под шубой» и с подарком от завода комсоргу Ивану - ордером на квартиру в доме-новостройке. Влюблённую жену особенно тронуло, что Ванечка не просто удочерил её ребёнка от первого брака, но искренне считал малышку своей самой родной и любимой доченькой.

Потом родилась Машенька и счастьем, казалось, не будет конца, пока не начался стремительный номенклатурный рост Ивана. Сначала его взяли на работу в райком комсомола, а потом он быстро перешёл из разряда хлестаковых комсомольского разлива (так называли тогда речистых комсомолят) в ранг ответственного партийного чиновника, ведающего распределением материальных благ, и в частности квартир.

Чтобы рассказать историю взлёта и падения моего соседа Вани, надо начать с рассказа о той подворотне на пролетарской окраине города, где подростки из неблагополучных семей сбивались в сплочённую стаю. Семейные истории этих начинающих уличных рэкетиров были однотипны и похожи на историю Ивана. Спился и рано умер отец, и мать стала приводить в их коммуналку каких-то временных пьющих сожителей. Настоящей семьёй для Ивана стала «стая», а потом и та номенклатурная команда, что жила, как ему казалось, по законам непобедимого мужского братства: «Один за всех, все за одного».

«Ах ты, Ваня-простота, купил лошадь без хвоста», - говорю я годы спустя своему уже покойному соседу. Какое братство может быть в волчьей стае? Тем не менее успех криминальной революции и передел собственности в стране обеспечила та сплочённость завоевателей, когда молодые бойцы из подворотни умирали под пулями за интересы будущих олигархов, а прорабы перестройки вроде Ивана узаконивали незаконные сделки последних по захвату богатств России. Дельцы сколачивали капиталы, а только Ваня из подворотни был не из породы дельцов и его лишь прикармливали, приглашая в рестораны и в сауны с девочками. Иван загулял и с упоением барина швырял щедрые чаевые официантам и стриптизёршам.

Теперь он не только оставлял свою зарплату в ресторанах, но и повадился выгребать последние деньги из кошелька жены.

В ответ на робкие замечания крёстной, что ей нечем кормить детей, наш сосед Ваня поступал так: писал заявление о разводе и вёл жену к судье. Тот, как водится, назначал срок для примирения и дело кончалось ничем. Иван был доволен. Он не хотел разводиться, но ему нравилось, что жена панически боится развода, страшась попасть в разряд тех разведёнок, которым «замуж поздно, сдохнуть рано». Сосед даже гордился, что изобрёл ноу-хау – способ усмирить жену. И чем больше Иван кутил, тем величественней угрожал жене разводом, пока, наконец, не надоел судье.

- Устал я от вас, – сказал судья при виде очередного заявления Ивана и спросил жену:

- Вы согласны на развод?

- Согласна, – вдруг ответила жена.

И судья мгновенно оформил развод. Иван опешил. Он не ожидал такого. Неделю, притихнув, он отсиживался у матери, ожидая, что с минуты на минуту прибежит жена и, валяясь у него в ногах, будет умолять вернуться обратно. Когда же этого не произошло, мастер спорта по боксу пришёл в бешенство. Явился в свой бывший дом, вышиб ногою дверь и стал смертным боем избивать жену, круша заодно мебель. Погромы продолжались два месяца, и это было страшно. Однажды на глазах у соседей боксёр едва не убил жену, швырнув её так, что она должна была упасть с балкона нашего шестнадцатого этажа. Но крёстная – мастер спорта всё же! – сумела сгруппироваться и успела приземлиться на балконе.

Теперь наш этаж не спал ночами. Кричали от ужаса дети крёстной, а соседи вызывали милицию. Но уже наутро по звонку «сверху» буяна освобождали из-под стражи, утверждая, что драки устраивает его жена-шизофреничка, наставив самой себе синяки.

От ночных погромов заболели дети. У старшей девочки в нервном тике передёргивалось лицо, а младшая стала заикаться и кричала во сне. Детей надо было спасать. И тогда архимандрит Иоанн (Крестьянкин) благословил крёстную подать в суд на буяна и, обняв её за плечи, сказал:

- Кто, как не мать, защитит своих детей? Как лев бросайся, как тигр сражайся. Но запомни: иди до конца.

И началась та издевательская судебная эпопея, когда Иван месяцами не являлся в суд. На первое судебное заседание пришла толпа возмущённых свидетелей, которые просидели в коридоре полдня, пока секретарша не сказала насмешливо:

- А чего вы тут расселись? Иван Александрович улетел на переговоры в Китай, и суд не вправе в его отсутствие рассматривать ваши клеветнические заявления.

В следующий раз наш Ваня улетел в Америку или, кажется, на переговоры с президентом Зимбабве. Да не всё ли равно, с кем велись переговоры, если Иван никуда не улетал, а его облечённая властью команда прессовала свидетелей. Людям угрожали увольнением с работы, лишением лицензии и прочими неприятностями. А крёстной было твёрдо обещано, что она сгниёт в «дурке», превратившись в «овощ», если не заберёт заявление из суда.

Это были не пустые угрозы – начальству крёстной позвонили откуда-то из министерства и сообщили, что их сотрудница, инженер-экономист, страдает тяжёлым психическим заболеванием, а потому не вправе занимать эту должность. В итоге крёстной пришлось

уволиться и теперь она мыла полы в подъезде. Тут, признаться, я дрогнула и, усомнившись в советах старца, произносила речи о том, что не судите да не судимы будете, уговаривая крёстную забрать заявление из суда.

- Но ведь батюшка Иоанн велел идти до конца, - возразила она. - Разве можно не слушаться старца?

Послушная у меня крёстная, да и застенчивая к тому же. В итоге дело завершилось так: на последнее заседание суда никто из свидетелей уже не явился. Присутствовали только мы с крёстной, а суд длился всего семь минут. Маститый адвокат сразу же заявил, что Иван Александрович улетел на переговоры в Германию, но по поручению своего клиента он просит суд отправить на психиатрическую экспертизу его бывшую жену, ибо она страдает шизофренией в столь тяжёлой форме, когда её клеветническими заявлениями, разумеется, нельзя доверять.

- Тогда и его пусть отправят на экспертизу, - сказала, покраснев, крёстная.

А что толку отправлять на экспертизу пьющего боксёра, если на комиссию он явится трезвый и врачи не обнаружат присутствие алкоголя в крови? Крёстная, на мой взгляд, была обречена. Однажды в лесу я увидела, как лось преследует волчью стая. Лось был огромный, высокий, сильный, и всё-таки стая нагнала его и загрызла. То же самое происходило в обществе в те криминальные времена, когда сплочённые команды и «стаи» сметали всё на своём пути и отдельным правдолюбцам было не выстоять.

* * *

По постановлению суда крёстную направили на экспертизу в ту самую психиатрическую больницу, где она когда-то лежала в юности. Под конвоем двух санитаров - опасная больная всё же - крёстную увели в отделение, и захлопнулась, заскрежетав замками, бронированная дверь. А потом четыре часа я металась под дверью, пытаюсь проникнуть в отделение и поговорить с врачами. Специально для этого разговора я приготовила документы крёстной: отличные характеристики с работы и по месту жительства, дипломы за победы на чемпионатах и грамоты-благодарности за успехи в труде. Но в отделение меня не пустили. А за дверью кто-то так жутко кричал, что я ужаснулась участи крёстной. Неужели снова повторится то чудовищное преступление, когда здорового человека за взятку отправили в сумасшедший дом?

Но вот из отделения вышел председатель экспертной комиссии и я стала в гневе рассказывать ему про взятку.

- Я помню эту взятку - бриллиантовые серьги, - прервал меня доктор и вдруг сказал, волнуясь: - Бог есть!

А потом, уже вместе с крёстной, мы сидели на лавочке в больничном парке и доктор рассказывал нам, как он, выпускник мединститута, стал свидетелем того преступления, когда молодой здоровой женщине за взятку поставили диагноз «шизофрения». Он пробовал протестовать и даже ходил на приём к главврачу, но его жёстко поставили на место, указав, что не ему, вчерашнему студенту, оспаривать диагноз опытных психиатров. Медсестра же посоветовала доктору-правдоискателю обратить внимание на то, что некоторые, в отличие от него, приезжают на работу не на трамвае, а на роскошных иномарках, купленных явно не на зарплату врача.

- Я вырос в верующей семье, - рассказывал доктор, - а с годами утратил веру при виде наглого, торжествующего зла. И вдруг буквально на днях меня назначили председателем экспертной

комиссии. Теперь я мог разоблачить эту чудовищную ложь.

- Доктор, по-моему, вы волновались больше меня, - сказала крёстная.

- Я не то что волновался, а был ошеломлён, когда вдруг почувствовал: Бог есть и это по Его повелению нужно распутать клубок лжи, чтобы восторжествовала правда.

Тут мы с крёстной заревели от счастья, потому что Бог есть и надо было, действительно, идти до конца, чтобы ощутить Его живое присутствие.

После того как с крёстной сняли этот тяготивший её ложный диагноз, у неё началась иная жизнь. Через два года она стала владелицей фирмы и богатой женщиной. Но об этом я расскажу чуть позже, а пока завершу рассказ об Иване.

На экспертизе в крови его обнаружили наркотики, и следователям удалось доказать, что команда Ивана причастна к наркобизнесу. С помощью высоких покровителей дело замяли, но команда тут же выбросила за борт Ваньку-лоха, «засветившего» их. Ивану, что называется, перекрыли кислород. На руководящие должности его уже нигде не брали, и мастер спорта по боксу подрабатывал теперь вышибалой в баре. Здесь он быстро спился, а потом долго и мучительно умирал в больнице от цирроза печени.

И тут крёстная удивила всех. Она поместила этого, уже чужого ей человека, в лучшую клинику и вместе с детьми навещала его, стараясь облегчить страдания умирающего. К сожалению, даже на пороге смерти Иван не обратился к Богу и, отвергнув причастие, хрипло кричал: «Дайте водки! Водки!» Умер он в таких адских мучениях, что одна наша соседка, всегда первой вызывавшая милицию из-за драк Ивана, не без удовлетворения сказала:

- Собаке - собачья смерть. Я одного не пойму: зачем к этому подлецу жена ходила в больницу, да ещё и приводила к нему детей?!

Ответа на этот вопрос крёстная не знала и, желая как-то объяснить своё поведение, дала мне прочитать рассказ из старинного журнала, найденного в библиотеке деда.

Рассказ был вот о чём. Одного офицера-дворянина за растрату казённых денег сослали на каторгу в Сибирь, лишив всех гражданских прав и состояния. В Сибирь переселилась и его жена с дочерью и прозябала там в нищете. Ещё в детстве дочь офицера дала обет: когда она вырастет, то подаст прошение императору о помиловании отца. И чтобы подать это прошение, девушка в 17 лет пошла пешком из Сибири в Петербург. В своё время эта история была довольно известной, о ней много писали в газетах, изумляясь подвигу девушки, которая ради спасения отца идёт пешком через тайгу. Дочь каторжанина вскоре стала знаменитой. Её подвозили теперь на лошадях и привечали, а в Петербурге сразу представили императору.

- За что был осуждён ваш отец? - спросил государь.

- Простите, Ваше Величество, но я ничего об этом не знаю.

- Как не знаете?

- Но ведь Господь учит нас почитать родителей и не дело детей знать о грехах отцов.

И государь тут же начертал на прошении: «Помиловать!» - сказав, что отец, воспитавший такую дочь, достоин милости Божьей.

Вот об этом христианском почитании родителей и заботилась крёстная, когда в больнице вместе с детьми кормила умирающего с ложечки. Не дело детей знать о грехах отцов, повторяю я с той поры, но ведь нынешние дети знают, усвоив со слов ожесточённых матерей, что их папа был мерзавец, подонок, подлец. И дети презирают «отцов-подлецов», повторяя оскорбления взрослых. Вот примета наших дней, трагедия разводов: грех библейского Хама стал уже привычным для современных детей. Но как же несчастны потом эти дети!

Крёстная уберегла дочерей от цинизма. А дети быстро забывают зло, и Маше чаще вспоминается, как весело ей было с папой, когда он вёл её в зоопарк и покупал воздушные шарик. А ещё ей запомнились предсмертные слова отца:

- Машенька, передай маме, что она самая прекрасная женщина на земле. И лучшее, что было в моей жизни, - это семья и мои любимые дети.

Маша любит отца и горюет о нём. В 17 лет она решила постричься в монахини, чтобы подвигом жертвенной жизни облегчить участь своего несчастного неверующего папы. Пожила она некоторое время в монастыре, но потом влюбилась и вышла замуж.

* * *

«Всё умеют десять пальцев, если вынуть руки из карманов», - говорила крёстная в те времена, когда из-за безденежья не на что было обувать и одевать детей. И тогда она научилась чинить обувь и шить модную одежду. А ещё, распустив старые шерстяные вещи, она вязала дочкам красивые шапочки и свитера. К вязанию у неё был талант, и этот талант помог ей прокормить семью в ту горестную пору, когда Светлану Ивановну разбил паралич. Оставлять больную без присмотра было нельзя, и крёстная, уволившись с работы, сидела с мамой и вязала на продажу модные вещи.

По вечерам за бабушкой присматривали внучки, а крёстная уходила учиться на курсы художников-модельеров. Когда-то в юности она мечтала стать художницей и даже окончила художественную школу. Но практичная Светлана Ивановна рассудила, что профессия художника - не для жизни, и дочка стала экономистом. А теперь она будто вернулась в юность, создавая такие прекрасные художественные вещи, что от заказчиков не было отбоя. Крёстная увлечённо работала по 18 часов в сутки, экспериментируя с шерстью, кожей, тканями, вышивкой. Интересных идей было столько, что уже не хватало суток. И тогда крёстная наняла помощниц, создав свою фирму-ателье. Разработанные крёстной модели теперь помещают в журналах для женщин, а недавно прошла с успехом её персональная выставка.

Здесь бы следовало рассказать, как крёстная стала богатой женщиной, выстроила дачу в Подмоскowie, купила квартиры своим уже замужним дочерям и много путешествовала по миру, побывав у великих христианских святых. Но вот особенность этой скромной, трудолюбивой женщины: она никогда не прилеплялась к богатству, как и не опускала руки в беде. И когда один за другим стали рождаться внуки (у крёстной их четверо), она услышала от духовника: «Самый большой дефицит - это бабушки. Никто не хочет сидеть с внуками, и детей воспитывает подворотня». И она отказалась от своего прибыльного бизнеса ради того, чтобы внуки получили домашнее воспитание в семье.

Воспитывает она их так, как воспитывала её сама дворянка-мама и как воспитывали детей в императорской семье. Ранний подъём, молитва, гимнастика. Зимой каток, а летом теннис и плавание. По воскресеньям все обязательно идут в храм, а по будням усердно трудятся. Однажды я увидела, как крёстная учит внука зашивать порванную рубашку, рассказывая о том, что государь Николай II сам чинил свою одежду и был скромен в быту.

Внуки твёрдо убеждены: у них самая лучшая, необыкновенная бабушка. Однажды я услышала, как внук-первоклассник рассказывал сверстникам, что его бабушка может прокрутить тройное сальто и водит машину, как гонщик. А как-то раз, когда к оробевшим первоклашкам угрожающе приблизились хулиганы, мальчик на всякий случай сообщил им, что его бабушка на бандитов без ножа ходит.

Разумеется, внук прихвастнул. И всё же была такая история. Поздним вечером крёстная возвращалась на машине домой и вдруг увидела, как пятеро отморозков схватили на улице девочку-подростка и стали силой заталкивать её в свой джип. Девчонка отчаянно звала на помощь, но прохожие испуганно шарахались от бандитов, а молоденький милиционер на углу прикинулся звездочётом, изучающим небо над головой.

- Люди вы или нет?! - крикнула крёстная. - Ну всё, иду на таран!

И она до отказа вдавила педаль, тараня джип бандитов.

- Сумасшедшая! - закричали громилы, удирая на джипе от грозной гонщицы.

А оробевший было милиционер вдруг вскочил в свою машину и тоже бросился в погоню за бандитами, передавая по рации всем постам, что похищена девочка и надо задержать преступников. В гонку тут же включились патрульные машины Москвы. С каким же удовольствием милиционеры выволакивали потом из джипа этих обнаглевших от безнаказанности преступников. И все так радовались освобождению девочки, что вдруг почувствовали себя какими-то родными людьми.

Трудно жить при виде наглого, торжествующего зла. И всё-таки бывают моменты той особенной радости, когда мужество одного человека вдохновляет и объединяет людей. И тогда, как это было в истории с крёстной, торжествует правда, а люди без слов понимают: мы многое можем, когда мы вместе. И чего нам бояться, если с нами Бог?

Долгий путь из египетского плена

- Молодые люди, как, по-вашему, эта женщина красива? - спрашивает нас на занятиях в Третьяковской галерее наш преподаватель-искусствовед Елена Александровна Лебединская. Молодые люди, то есть мы, студенты, рассматриваем женский портрет восемнадцатого века и вразнобой, но восторженно восклицаем:

- Елена Александровна, она красавица. Да-да, очень красивая!

- Молодые люди, вы слепые - она уродлива. Обратите внимание на этот дегенеративно скошенный подбородок и на асимметрию лица. Перед нами портрет крупнейшей авантюристки, шпионки сразу двух государств, избравшей себе девизом: «Важно не быть красивой, важно казаться ей». И она, действительно, умела пустить пыль в глаза, прославив красавицей среди слепцов вроде вас.

Вот так почти на каждом занятии Елена Александровна находила повод укорить нас за слепоту. Рассматриваем, например, натюрморт с персиками, а Елена Александровна вопрошает:

- Молодые люди, какой персик на этой картине самый спелый?

- Елена Александровна, но мы ж их не пробовали!

- Обратите внимание, мои слепенькие, на этот персик с поклёвышком, а ведь птица всегда выбирает самый спелый плод. Молодые люди, учитесь видеть!

Три года мы занимались в семинаре у Елены Александровны, и все эти три года она не допускала нас в зал древнерусского искусства - к иконам. Вернее, так. На самом первом занятии Елена Александровна привела нас к «Троице» Рублёва. Волнуясь, встала возле иконы, а мы деловито уткнулись в тетради, готовясь конспектировать лекцию.

- Господи, они же не на Рублёва, а в тетрадки смотрят! - ахнула Елена Александровна и изрекла сурово: - Молодые люди, покиньте зал. Всё равно вы ничего не увидите пока.

- Елена Александровна, но так же нельзя, - пробует протестовать Наташа, староста группы. - По программе мы должны сначала изучить древнее искусство, ну, весь этот примитив вроде икон...

- «Примитив»? - вспыхнула Елена Александровна. - Для них «примитив»!

Через сорок лет наша Наташа, теперь уже Наталья Михайловна, станет старостой церкви в Подмоскowie и однажды горестно скажет: «Почему мы так поздно пришли к Богу и блуждали всю жизнь по пустыне, как те самые евреи из Египта? Я детей не крестила и упустила, муж умер неверующим. Почему я не ходила в храм?»

Сравнение с исходом евреев из Египта здесь не случайно, и опять же рождает вопрос: почему они так долго идут из Египта в страну обетованную? Посмотреть по карте - это короткий путь: его и за месяц можно пройти. Но понадобились долгие сорок лет странствий, прежде чем бывшие рабы египтян стали освобождаться от рабской психологии. А психология эта въедлива, и бывшие рабы ещё по-рабски ропщут, предпочитая свободе даже смерть «в земле Египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта!» (Исх. 16, 3). Как же созвучны эти сетования с иными высказываниями наших времён:

- Я категорически не желаю жить при Сталине, когда моего деда расстреляли, - сказал один пенсионер, сторонник восстановления советской власти. - Но ведь при коммунистах котлеты были дешёвые. Шестьдесят копеек за десяток котлет!

Правда, эти котлеты были серые от избытка хлеба. А только жива ещё тоска по тому идеалу, когда кого-то (но ведь не всех!) расстреляют, зато мы сидим почти что у котлов с мясом и вдоволь серых хлебных котлет!

Но я не о котлетах, а о том долгом пути из египетского плена, когда многие люди моего поколения, действительно, поздно пришли к Богу. Дежурное объяснение здесь такое: нас не учили этому с детства, и что мы могли знать о Христе? Внешне всё так, но внутренние причины гораздо глубже, ибо одно дело не знать чего-то, но совсем другое - не хотеть знать. И здесь опять вернусь к урокам Елены Александровны.

* * *

Однажды Елена Александровна сказала:

- Есть культура народная, есть культура дворянская, а посередке между ними - мещанская.

Мы были людьми той самой культуры «посередке», что не только не имеет исторических корней, но и не желает иметь их. Помню бурное студенческое собрание на нашем факультете журналистики МГУ, когда большинством голосов постановили и добились, чтобы из программы обучения был исключён курс церковнославянского языка.

- А зачем нам, передовой молодёжи, эта архаика и мертвечина веков? - геройствовала на том собрании наша староста Наташа.

Впрочем, что говорить о героях прошлого, если и ныне всё то же? «Образованщина», как охарактеризовал это явление Солженицын, неистребима, и вот один недавний разговор. Уговариваю журналиста-однокурсника, написавшего ядовитую антиправославную статью, для начала хоть что-то узнать о православии и Евангелие прочитать.

- А зачем мне читать Евангелие? - усмехается он. - Чтобы стать святошей, как наша Наташка? Представляешь, возвращаюсь из Нью-Йорка с выставки Малевича и рассказываю Наташке, что вся Америка от «Чёрного квадрата» Малевича в восторге: «выход в космос», «переворот в живописи», «философия супрематической глубины»! А Наташка в ответ заявляет, что «Чёрный квадрат» - это блеф и сказка про голого короля. Да что она понимает в супрематизме?

А вот в супрематизме Наталья как раз разбирается и ещё в студенческие времена рассказывала нам про «Чёрный квадрат». Было это так. В Третьяковке проходила выставка Малевича с его знаменитым «Чёрным квадратом», и Наташа уговаривала Елену Александровну посвятить очередное занятие не живописи девятнадцатого века, а гению двадцатого века Казимиру Малевичу.

- Так уж и гению? - иронизирует Елена Александровна и почему-то не хочет вести нас на выставку.

- Елена Александровна, - продолжает настаивать Наталья, - а можно мы проведём самостоятельное занятие по Малевичу? Я лично берусь подготовить лекцию.

- Подготовьте, - соглашается преподавательница. - Но обязательно изучите первоисточники и начните с переписки Малевича с Александром Бенуа, кстати, очень интересным художником и выдающимся искусствоведом.

Две недели Наталья изучала первоисточники, но от лекции на выставке воздержалась - обстановка не та. В общем, висит на стене обыкновенный чёрный квадрат - удар мрака, пустышка и скука невыносимая. А вокруг этой пустышки стоит восторженная толпа и, скрывая неодолимую зевоту, натужно восхищается:

- Малевич гений, философ будущего века!

- А вы знаете, что «Чёрный квадрат» - самая знаменитая и самая дорогая картина в мире?

Малевич в моде, и действие вершится, похоже, по Пушкину: «Лихая мода, наш тиран, недуг новейших россиян». Только один человек осмелился сказать, что «Чёрный квадрат» - это блеф, а Малевич был посредственным художником и малообразованным человеком.

- Вы из какой деревни в Москву приехали? - прикрикнула на него тут же величавая дама.

- Я коренной москвич и, кстати, художник.

- Вы «совок», а не художник, если не понимаете гения!

Мы, студенты, очевидно, тоже «совки», потому что от «Чёрного квадрата» почему-то поташнивает.

- И правильно поташнивает! - говорит наш несостоявшийся лектор Наталья и по дороге в

университет просвещает нас: - Внимание, цитирую первоисточники. В 1916 году Малевич пишет Бенуа, что его «Чёрный квадрат» - это «голая икона». Он даже разместил его на выставке, как размещают иконы - в красном углу. Дескать, молитесь, господа, теперь на чёрную дыру! А Бенуа пишет по этому поводу: «“Чёрный квадрат” в белом окладе - это... один из актов самоутверждения того начала, которое имеет своим именем мерзость запустения и которое кичится тем, что оно через гордыню, через заносчивость, через попрание всего любовного и нежного приведёт всех к гибели».

А гибель, добавлю от себя, действительно близка, ибо за 1916 годом грядёт кровавый 1917 год, и его предваряет «Чёрный квадрат» - бой иконе.

Кстати, сама Елена Александровна упомянула о Малевиче лишь однажды, когда мы изучали Врубеля. Рассказала она нам, что, написав своего «Демона», Михаил Александрович Врубель сошёл с ума и всю оставшуюся жизнь пребывал в психиатрической больнице.

- Да и Малевич после «Чёрного квадрата» тяжело заболел, - добавила она. - Долгое время не мог ни спать, ни есть, потом стал видеть людей прямоугольными, а себя считал состоявшим из тридцати чёрных квадратов. Да, беда - квадратное безумие!

Наша седенькая Елена Александровна с грустью смотрит на нас и вдруг говорит:

- Молодые люди, запомните: нельзя пить из мутных источников и плохие книги нельзя читать.

Однажды Елену Александровну спросили, что такое красота, а она ответила:

- Не знаю. Но у меня тогда сильно бьётся сердце.

А ещё она подолгу задерживалась у картин великих художников и говорила при этом:

- Перед картиной надо стоять, как перед князем, а иначе рискуешь услышать лишь собственный голос.

Была ли Елена Александровна верующим православным человеком? Не знаю. Но она привила нам любовь к Отечеству и к той православной культуре, без которой России нет. Она учила нас видеть и думать, а не поглощать с жадностью «образованщины» главное блюдо века - ложь. Рассказывала вроде бы о композиции и цвете, а мы понимали - это про жизнь.

Вот мы изучаем парадный портрет, во весь рост, князя Куракина работы Боровиковского. А у Боровиковского великолепа каждая деталь - сияет золотая парча мундира, переливается муар орденовских лент и блестят бриллиантовые пуговицы. Драгоценностей так много, что Куракина даже называли «бриллиантовым князем». Князь смотрит на нас откуда-то сверху, с барской снисходительностью - свысока, и весь мир, похоже, у его ног.

- Портрет выполнен в так называемой лягушачьей композиции, - поясняет Елена Александровна.

А лягушачья композиция - это вот что. Глаза у лягушки расположены на темени, и когда она смотрит на мир снизу вверх, то былинка кажется деревом, а карлик великаном. Именно в этой лягушачьей композиции будут потом написаны портреты советских вождей и те статьи о великих мира сего, где нечто ничтожное, серенькое, пошлое объявляется гениальным открытием. И ведь попробуй хоть что-то возразить, как тебя обвинят в дремучем невежестве. И здесь мне особенно жаль молодых. А в молодости так стыдно прослыть «дремучим», что легче поклониться фальшивым кумирам и в странном бесчувствии жить, как все, уже не рискуя

противиться пошлости. К сожалению, искренность в век пиара становится роскошью. И как же трудно научиться смотреть на мир глазами человека, а не глазами болотной лягушки.

Владимирская икона Пресвятой Богородицы

Владимирская икона Пресвятой Богородицы Только через три года Елена Александровна повела нас, уже влюблённых в живопись, в зал древнерусского искусства – к иконам. Занятие было назначено на внеурочный час. Третьяковская галерея уже закрыта. В зале древнерусского искусства темно. Мы стоим со свечами у иконы Владимирской Божьей Матери, а Елена Александровна вдруг властно командует:

- На колени!

И мы не то что опустились – мы рухнули на колени: это наше, родное. Это то, о чём давно тосковала душа. Почему с такой нежностью и состраданием смотрит на нас, ещё неверующих, Божья Матерь с Младенцем? Но сердце бьётся так сильно и радостно, что, кажется, выскочит из груди.

Сквозь годы доносится голос Елены Александровны, рассказывающей нам историю иконы. 1395 год – войско Тамерлана так стремительно движется к Москве, что нет уже времени собрать ополчение. Днём и ночью открыты все церкви, народ постится, кается, молится, а из Владимира несут в Москву чудотворную икону Владимирской Божией Матери. 15 дней несут икону в Москву, и все эти 15 дней мрачный хан не выходит из шатра, а его войско, бездействуя, стоит на месте. В день же встречи иконы в Москве, свидетельствует летопись, Тамерлану было такое ужасающее видение, что он в панике бежит с Русской земли. Вот как об этом сказано в летописи: «Устремися на бег, Божиимъ гневом и Пречистыа Богородици гонимъ».

Такое же чудо было в 1451 году при осаде Москвы войсками ногайского хана. А в 1480 году было то великое стояние на Угре, после которого Русь окончательно освободилась от татаро-монгольского ига.

- Впереди русского войска двое священников несут икону Владимирской Божией Матери, – рассказывает Елена Александровна. – И если присмотреться к иконе сбоку, то можно увидеть заметные даже после реставрации следы выбоин – следы стрел. Ордынские лучники отличались меткостью и стреляли прямо в сердце человека. Но тут они стреляют в икону Божьей Матери, потому что это сердце Руси.

Сама лекция теперь уже помнится смутно, но запомнилось обжигающее чувство – в час смертельной опасности для родной земли мы пойдём умирать со святыми иконами, а не с «Чёрным квадратом» Малевича. Это наша земля, наше Отечество, и мы плоть от плоти его.

С этой лекции, прослушанной при свечах, любовь к иконам стала уже неодолимой.

* * *

К сожалению, наша студенческая юность прилась на те хрущёвские времена, какие называют жизнерадостным словом «оттепель». В обществе оживление – разоблачён культ личности Сталина и хотя бы изредка печатают запрещённые ранее книги. И одновременно оттепель была той трагедией для православных, когда за несколько лет взорвали и уничтожили свыше шести тысяч церквей. Репрессии жесточайшие – за нательный крестик выгоняли из института. А Хрущёв похвастался на весь мир, что в 1980 году он покажет по телевизору последнего попа.

Помню, как уезжала из райцентра и купила на вокзале у двух подвыпивших мужичков старинную икону Владимирской Божьей Матери. Икона была завернута в окровавленную тряпицу, и я спросила, откуда кровь.

- Дак сегодня ночью нашу церкву взорвали. Солдат нагнали, войска - оцепление. А Гришка-юродивый прорвался сквозь оцепление и побежал иконы спасать. Только выбежал из церкви с иконой, как взрыв страшный и юрода убило. Ну, мы икону потом подобрали. Говорят, чудотворная была. Мать, ты дашь нам за неё на бутылку, чтобы Гришу-мученика помянуть?

И сразу вспомнилось, как ночью в гостинице мы проснулись от взрыва и в страхе выбежали на улицу: «Что, война началась?»

Издалека плохо видно, но на месте взрыва так ярко светят прожектора, что вдруг увиделось, как взлетает в небо дивный Божий храм, а возле церкви падает на землю юродивый, прикрывая икону собой. Потом прожекторы отключили и стало слышно, как заплакали женщины.

С той поры в мой дом стали приходить иконы, рассказывающие о страданиях Русской земли. За каждой иконой стояла своя история, и вот хотя бы некоторые из них.

* * *

Ещё в университете я подрабатывала в редакции и однажды поехала в командировку по такому письму. В сельской школе украли винтовку, и военрук обвинил в краже восьмиклассника Серёжу Конкина. Сергея тут же арестовали и увезли в областную тюрьму. Через неделю, правда, освободили за недостаточностью улик, а только по-прежнему утверждали, что винтовку украл он. С тех пор прошло десять лет. Сергей уже работал водителем автобуса в городе, когда встретил на улице своего одноклассника Яшу, и тот признался, что винтовку украл он. «У меня позавчера родился сын, - писал Сергей в редакцию. - И я хочу, чтобы пусть не для меня, но для сына установили правду: Конкины - фамилия честная, и у нас в роду никто никогда ничего не крал».

- Крал не крал - кому это надо? - отговаривал меня от этой поездки редактор. - И кому интересен прошлогодний снег?

Дело Сергея, действительно, оказалось тем самым прошлогодним снегом, когда в областной прокуратуре на нас посмотрели с недоумением, а прокурор раздражённо сказал:

- Конкин, тебя же освободили. Какой ещё правды ты ищешь, мужик?

Только в родной деревне Сергея, куда он заставил приехать и Якова, обрадовались нашему приезду.

- Помню это дело, при мне было, - сказал пожилой участковый Василий Андреевич. - Уж как я доказывал невиновность Серёжи! А что тут докажешь, если Яшкин отец работал в органах и такую сказочку сочинил - винтовка, банда, антисоветчина. Мало того что деда Сергея расстреляли как церковного старосту, так ведь и парня могли подвести под расстрел. Надо, надо восстановить справедливость, и я немедленно сход созову.

До сих пор помню этот сход - мороз тридцать градусов, волосы в инее, а перед крыльцом сельсовета стоит серая толпа в серых заплатанных телогрейках.

- Вот тут товарищ из Москвы приехала, чтобы совесть в нас разбудить, - сказал, открывая сход, участковый. - Ведь знали же все, что Сергей невиновный! Знали, молчали и боялись защитить. Одна баба Вера хлопотала за Сергея и даже до главного начальника дошла. А мы что? Мы молчим. Нам плюнь в глаза - всё Божья роса. Однако пробил час, чтобы проснулся стыд. Давай, Яков, выходи вперёд, говори.

Яков вышел на крыльцо, не только не смущаясь, но даже красуясь перед людьми. В городе он работал где-то в торговле и ужасно гордился, что приобрёл дублёнку и галстук невыносимой попугаистой красоты. В общем, с попугаями. Он даже специально распахнул дублёнку, чтобы земляки, конечно же, обмерли от зависти при виде его попугаев.

- Я чо? - хохотнул Яша. - Ну, шпионерил винтовку. Пацанский юмор у меня был такой.

- Отец знал, что ты украл винтовку? - спросил милиционер.

- Потом узнал, когда винтовку нашёл.

- Знал и винил невинного Сергея? - ахнули женщины и закричали наперебой: - Ах вы, нехристи побирушкины! И гнилой у вас, Яшка, род. Твой отец иконы в храме расстреливал, а дед людей водил на расстрел!

- А мне фиолетово, кто кого расстреливал! - взвизгнул Яша.

- Побирушкиным всё фиолетово! - крикнул кто-то из толпы, называя Яшину родню не по фамилии, а по прозвищу - Побирушкины.

- Почему они Побирушкины? - спрашиваю стоявшую рядом со мной бабушку Веру, крёстную Сергея.

- Да ведь в наших краях полагалось после смерти родных, на сороковины, сорок дней нищих кормить. А где взять нищего? Все работающие, у всех хозяйства справные. Только у Побирушкиных ни курёнка, ни ягнёнка и одни тараканы в избе. Вот и везли им со всей округи яйца, сало, сметану, творог. Они и повадились жить не работая. А потом «пролетарии, соединяйтесь» - и Побирушкины к власти пришли. Ладно, дочка, пойдём греться, а то заморозил уже мороз.

Зашла я в избу бабушки Веры и ахнула - не дом, а церковь: все стены в иконах. Правда, большинство икон покалечено, а у некоторых выстрелами выбиты глаза.

- Это Яшкин отец, - сказала баба Вера, - иконы расстреливал, а Николай, дед Серёжи, ночью иконы из церкви вынес и перед расстрелом мне завещал.

Я залюбовалась иконой святого Иоанна Предтечи - моя любимая новгородская школа и, похоже, восемнадцатый век.

- Предтеча-мученик, глас вопиющего в пустыне, - вздохнула баба Вера. - Вот и я теперь вопию. Девяносто лет мне, дочка, умру я скоро. А иконы кому завещать? Народ-то ныне пошёл неверующий, и даже женщины загуляли и пьют.

На рассвете нас разбудил Серёжа - пора уезжать. На прощанье бабушка Вера перекрестила меня и подала завернутую в холст икону Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна:

- Сохрани, умоляю, икону. Совесть-то у людей, верю, проснётся, и тогда церкви начнут открывать. Я не доживу. Ты доживёшь и покажешь нашу икону батюшкам. Пусть хоть кто-то на земле запомнит, что у нас Предтеченская церковь была.

* * *

Возвращаюсь из командировки в Москву, а Катя, моя подруга с филфака, говорит:

- Зря ты с нами не пошла в поход. Мы столько икон насобирали! Представляешь, там церковь взорвали, а иконы целёхонькие на снегу лежат. Ума не приложу, куда их девать? Возьми себе что-нибудь, если хочешь.

На балконе, укрытые полиэтиленом, стояли иконы - большие, тяжёлые, почти в рост человека. Я выбрала для себя икону святого апостола и евангелиста Марка, и повесили её дома на двери в прихожей. Хотелось, конечно, повесить в комнате, но гвозди никак не вбивались в бетон.

А Катя, как и мой муж, умерла некрещёной. Но стал священником её сын, любивший в детстве рассматривать иконы и по-своему молившийся у них.

* * *

В 1988 году на Прощёное воскресенье я крестилась, а в понедельник крёстная повела меня на исповедь в Свято-Данилов монастырь. На ранней литургии было малоллюдно, а на исповедь - никого. Исповедовал игумен Серафим (Шлыков), но имени батюшки я тогда не знала и узнала лишь в 1991 году, когда отца Серафима зверски убили.

На исповеди я смутилась, назвала несколько грехов и замолчала. Я молчу, и батюшка молчит. Почти всю литургию молчали, а батюшка лишь, вздыхая, молился и вдруг даже не спросил, а обличил меня:

- Воруешь?!

- Как можно, батюшка? Да я никогда!

- Иди причащаться.

- Я не готовилась.

- Иди, говорю.

После причастия я две недели металась по квартире разъярённой тигрицей: что я украла и у кого? Отыскала только тарелку соседки, которую всё забывала вернуть. Простите, батюшка, но вы не правы - не своровала я ничего. И вдруг ярко вспомнился - двадцать лет прошло - тот сельский сход из-за кражи винтовки и голос бабушки Веры, сказавшей, что совесть у людей однажды проснётся и тогда церкви начнут открывать: « Я не доживу. Ты доживёшь».

Все иконы в моём доме были из храмов, принадлежащие Церкви и написанные для неё. Погрузила я иконы в машину и повезла их, волнуясь, в Свято-Данилов монастырь. Влетаю во двор под колокольный звон, а навстречу идёт игумен Серафим, ризничий монастыря в ту пору.

- Батюшка, помните, как вы меня уличили в воровстве?

- Не помню.

- Я иконы привезла. Кому отдать?

- Пойдёмте в ризницу, я вас в список благодетелей занесу.

- Батюшка, я не дарительница, а хранительница, и иконы лишь временно хранились у меня.

Как же радуются иконы, возвращаясь к себе домой - в Божий храм. Здесь они преображаются, оживают, дышат. А я вспоминаю, как из взорванного храма выбегает юродивый и падает на

землю, прикрывая собой уже окровавленную икону Владимирской Божьей Матери. А ещё в эту икону стреляют меткие ордынские лучники, целя прямо в сердце Руси.

У моего Отечества израненное сердце, но оно бьётся, болит и живёт.

* * *

Годы гонений породили неизвестное у нас прежде явление – рынок икон и церковных ценностей из разорённых храмов и монастырей. Продают не домашние, а монастырские иконы и при этом даже не осознают, что торгуют не личными вещами, а святынями, принадлежащими Церкви.

Вот один разговор по этому поводу. Зазвала меня однажды в гости учительница-пенсионерка, достала из шкафа икону Божьей Матери «Споручница грешных» и спросила: «Почём эту икону можно продать?»

Икона была старинная, дивная и, угадывалось, шамординского письма.

- Это из Шамордино, – спрашиваю, – икона?

- Да, из Шамордино, из монастыря. Её шамординская монахиня Александра после разгрома монастыря сохранила. Образованная была – из дворянок, а когда из лагеря освободилась, то у нас в коровнике жила.

- Даже зимой?

- Но ведь не в избу её пускать! Она же лагерница была, враг народа. Наш парторг даже кричал, что гнать её надо взашей. А зачем выгонять, если она работающая? За горсть пшена хлев до блеска вычистит, огород вскопает, и вся скотина на ней. А после работы наша дворянка обязательно занималась с детьми. Чувствуете, какая у меня интеллигентная, чистая речь? Меня русскому языку дворянка учила.

- Как умерла мать Александра?

- Спокойно. Доходяга была, а умирала радостно. Перед смертью велела передать икону в церковь и сказать, чтобы отпели её.

- Мать Александру отпели?

- Отпели не отпели – какая разница? Я формализма не признаю. Надо жить не на показ, а по заповедям Божьим. И я по заповедям живу: не убей, не воруй.

И тут я расплакалась, горюя о монахине, батрачившей на новых хозяев жизни всего лишь за горсть пшена.

- Может, я что-то не так сказала, – смутилась моя собеседница, – но я, поверьте, уважаю Церковь и даже свечку поставила, когда свекровь умерла.

Вот так же и мы, ещё неверующая молодёжь, захаживали в церковь из любопытства и свечки ставили иногда. Душа всегда радовалась иконам и церкви, но затмевала истину та мещанская спесь, что в горделивом превозношении полагает: мы, современные образованные люди, разумеется, выше «отсталых» батюшек и каких-то там «тёмных» старух.

Пишу эти строки и вспоминаю, как Иван Бунин в «Окаянных днях» охарактеризовал духовное

состояние общества перед катастрофой 1917 года: заходили в церковь в основном по случаю похорон и на отпевании выходили покурить на паперть.

Изучайте историю – она повторяется, и тернист путь из плена домой.

Последнее колечко

- Всё, больше никакого странноприимства, – строго говорит старец.

- Батюшка, но вы же сами благословляли принимать паломников...

- Раньше благословлял. А только общежитие в доме вам не полезно – и отныне на странноприимство запрет.

Надо слушаться батюшку... Но стыдоба-то какая, когда отказываешь в ночлеге многодетной семье. Младенец плачет на руках у матери. Уже поздно, ночь и хочется спать, а в монастырскую гостиницу с малышами не пускают. Растерянно объясняю, что старец не благословляет принимать паломников, и виновато прошу: «Простите!»

- Правильно, надо слушаться батюшку, – говорит усталая мать. – Вот вам, детки, важный урок святого монастыря. Некоторые у нас не любят слушаться. А что главное у монахов и хороших детей?

- Послушание!..

Чувствуется, верующая семья. И дал им Господь за эту веру добрых друзей и приют. Из монастыря возвращается на дачу моя подруга Галина и забирает семью к себе:

- Дом у меня большой, всем места хватит, и малины спелой полно. Интересно, может, кто-то не любит малину?

- Нет таких! – веселятся дети, поскорее забираясь к Гале в машину.

Но бывает и по-другому. Захожу с огорода в дом – дверь-то открыта, а незнакомый молодой человек прямо рукой вылавливает пельмени из кастрюли.

- Простите, вы кто?

- Из монастыря выгнали крутые начальники, пришёл поселиться у вас.

Здесь попытка рассказать про запрет старца на странноприимство оборачивается скандалом.

- Да будьте вы прокляты с вашим старцем! – неистовствует гость. – Провозглашаю – анафема всем святошам!

Позже выясняется, что из монастыря его выгнали поделом – пил.

* * *

Батюшка прав, говоря, что общежитие в доме мне не полезно, потому что как ни стараюсь, а не могу избавиться от человекоугодия. Это в генах, наследственное, от моей сибирской родни, свято верующей, что гость – от Бога и всё, что есть в печи, на стол мечи. Тут все дела забрасываются – надо обслуживать гостей. Приготовить им что-нибудь повкуснее, а потом водить по Оптиной пустыни, рассказывая, разъясняя и пристраивая на исповедь к батюшке. Словом, паломники уезжают довольные, а я – как выжатый и очень кислый лимон.

Разные люди селились в доме ещё во времена странноприимства: приезжие монахи, монахини и ещё лишь обретающие веру мои московские друзья. Но каким ветром занесло в мой дом воинствующую атеистку – этой загадки не разгадать.

Татьяна была психологом из Молдавии, двое детей, оба с мужем безработные, жившие уже на грани нищеты, продавая всё ценное из дома.

- Продала последнее колечко, села в поезд и приехала к вам, – объяснила она историю появления в моём доме.

И тут припоминаю, как три года назад перед смертью моя молдавская подруга Лидия Михайловна просила меня принять некую Таню и обязательно окрестить её.

- Нет-нет, я категорически не желаю креститься, – опережает мой вопрос Татьяна. – Я и Лидии Михайловне говорила: как можно свести всё богатство духовной жизни до уровня нескольких узколобых догм? И при этом мы не враги христианству. Мы лишь стараемся обогатить его и вывести за рамки православного гетто.

Татьяна говорит «мы», потому что учится в Академии Космических (или кармических?) наук. И тут я с нежностью вспоминаю былые времена, когда курсы кройки и шитья назывались курсами, а не академией для кутюрье. Короче, Татьяна учится на курсах, разумеется платных. Продала ради этого шубу и влезла в долги. Муж в бешенстве и угрожает разводом, а Татьяна лишь самозабвенно воркует: «карма», «чакры», «выход в астрал». И теперь это астральное словословие изливается на меня.

- Я привезла вам в подарок наши учебники, – достаёт она из сумки стопку оккультной литературы. – Да не шарахайтесь же вы с такой брезгливостью от этих источников мудрости, но попробуйте расширить ваше зашоренное сознание.

А не расширить ли мне сознание настолько, чтобы сказать словоохотливой даме: а извольте-ка выйти вон? Останавливает предсмертная просьба подруги, умолявшей помочь Танечке. Но как тут помочь, если при одном лишь упоминании о православии эта воинствующая атеистка начинает обличать наше «узколобое гетто»? Вспоминается мудрый совет преподобного оптинского старца Нектария, говорившего, что хорошие житейские отношения можно иметь и с неверующими, но споров о религии заводить нельзя, чтобы имя Божие не осквернилось в споре. Старец даже предупреждал, что споры такого рода могут нанести сердечную язву, от которой очень трудно избавиться. Вот и пытаюсь перевести разговор на житейские темы: как муж, как дети, как жизнь в Молдавии? И тут воительница начинает плакать:

- Работы нет. Муж уже отчаялся, а я последнее колечко продала!

Слёзы ручьём и отчаянные речи, что если бы не дети, то лучше в петлю, потому что муж обещал подать на развод.

Знакомая картина. Вот и недавно так же плакала женщина, приехавшая в монастырь за благословением на развод:

- Я пятнадцать лет души в муже не чаяла! А теперь он часами сидит в позе йога и при детях твердит свои мантры: «Я центр вселенной. Вокруг меня вращается мой мир». Батюшки-светы, он теперь пуп земли! Главное, дочку назвал Чандраканта. Представляете, имечко – Чандраканта Ивановна! Правда, я дочку окрестила Верой, так он Верочкой называть не велит.

- Будь она проклята, проклятая йога! – сказал тогда старец, но посоветовал не горячиться с

разводом и отмаливать мужа вместе с детьми.

* * *

Рассказываю Тане, как в былые времена, ещё до крещения, я познакомилась со знаменитым московским «гуру» по имени Гарри. По паспорту он, кажется, Игорь и после института работал в НИИ пищевой промышленности, пропадая там от тоски, тем более что за работу платили гроши. И вдруг по соседству с НИИ открылась секретная лаборатория, где изучали ауру, телепатию, йогу и регулярно выходили в астрал. Зарплаты в лаборатории были сказочные, и Гарри быстренько переметнулся к «астральщикам».

Через год он уже давал сеансы исцеления в московских салонах. Однажды на такой сеанс пригласили и меня, правда в качестве кухарки. Хозяйка квартиры знала о моём резко отрицательном отношении к «целителям» такого рода, но умоляла помочь накрыть стол, тем более что исцеляться придут знаменитости – писатель Л., правозащитник С. и прочие властители дум. В общем, позвали, как говорится, осла на свадьбу воду возить, но я согласилась на роль кухарки, преследуя свои корыстные цели. В ту пору я ещё училась в аспирантуре и надо было подготовить реферат о методах манипулирования сознанием, а тут готовый экспериментальный материал.

На сеансе Гарри был великолепен – бархатный голос, царственная осанка и завораживающая речь. Похоже, он владел методами нейролингвистики, впечатывая в сознание пленительные образы мудрой магии и противопоставляя им жалкую участь невежд – болезни, дряхлая старость и смерть. Гарри звал всех к духовной радости – туда, в заоблачные Гималаи, где с древних времён живут Мудрейшие, вечно молодые, уже бессмертные и способные исцелить даже рак. Правда, дальше родимой Анапы сам Гарри нигде не бывал, но скромно давал понять, что с заоблачными Гималаями у него налажен астральный контакт. Сам сеанс «исцеления» Гарри превратил в некий стриптиз. Он при всех объявлял, что властитель дум С. страдает хроническими запорами, переходящими в неукротимый понос. Но если методом йоги почистить его чакры, то можно достичь почти что бессмертия и удалить морщины с лица. Особенно Гарри разошёлся, когда речь зашла о чакрах, отвечающих за детородные органы. Тут Гарри наглядно изображал, у кого эта чакра «о-го-го», а у кого «увы».

Всё это было очень стыдно. А Гарри почувствовал, что я возмущаюсь, и пошёл в атаку уже на меня:

- О, у вас такая мощная аура и прирождённый дар ясновидения. Вы не хотите попробовать развить этот дар?

- Руки прочь от моей ауры! – сурово отрезала я, возвращаясь к процессу изготовления салатов. А потом я с изумлением наблюдала, как образованные люди, интеллектуалы и властители дум, доверчиво набирали в бутылки воду из-под крана, которую Гарри потом «заряжал», превращая жёстко хлорированную московскую водицу в «лекарство» чудодейственной силы.

Однако кульминация этого шоу пришлась на застолье. Надо сказать, что люди собрались в основном непьющие, но как прийти в гости без подарка? Словом – «исцелённые» тут же выставили на стол кто коньяк «Хенесси», а кто водку, уточняя при этом: «Мне, вообще-то, нельзя, врач запретил».

- Да что они понимают, наши убогие врачи? – пылко воскликнул Гарри. – А вот в Гималаях!..

Короче, Гарри тут же «зарядил» бутылки, превращая это коньячно-водочное изобилие в гималайский целебный нектар. И понеслось – гипертоники, язвенники, сердечники хлопали

водку стаканами. Что было дальше, уже понятно. Больше всех пострадал бедняга Гарри. При гостях он ещё как-то держался, а потом позеленел и рванулся к тазику. Он очень мучался и стонал, вопрошая меня:

- Ты меня презираешь?

- Да что ты, Гарри? Такой спектакль, что МХАТ отдыхает! Интересно, а откуда ты знаешь нейролингвистику?

- Ничего я не знаю. Наугад говорю.

Позже Гарри поставил жёсткое условие: не допускать меня на сеансы исцеления, ибо моя необузданная дикая аура создаёт помехи при выходе в астрал.

Много лет я ничего не знала о судьбе Гарри, а недавно знакомые рассказали - он сошёл с ума и бегаёт по улице с криком: «Я пришёл на землю убить Христа!»

- Заигрывание с тёмными силами нередко кончается безумием, - рассказывал в Пюхтицах архимандрит Гермоген. - И сколько же людей, занимавшихся йогой «для здоровья», лечились потом в психиатрических больницах!

Собственно, рассказывал он это не мне, а бывшему йогу, приехавшему в монастырь креститься.

- А вы не боитесь, - спрашивал его архимандрит, - что после крещения начнётся такая духовная брань, когда уже не выдержит психика?

Тот твёрдо ответил: «Ради Христа я готов на всё».

- Да-да, ради истины и пострадать можно! - воскликнула Таня, внимательно слушавшая мой рассказ. - Вот и нас в Академии предупреждают, что в астрал надо выходить грамотно. А может, Гарри просто не хватило опыта и он незащищённым вышел в астрал?

Мама родная, и ради чего я рассказывала о Гарри? В общем, мои миссионерские потуги завершились тут полным крахом.

* * *

Поведение Тани было загадкой. В самом деле, как объяснить - безработная, бедствующая мать двоих детей продала своё последнее колечко, чтобы приехать в Оптину пустынь, и при этом не желает идти в монастырь? Еле-еле уговорила Таню посетить знаменитую Оптину, но в храм она отказалась зайти:

- А зачем? Молиться Высшему Разуму можно в поле и дома. Или как раньше загоняли людей на партсобрания, так теперь надо в храм загонять?

И так далее, всё в том же духе - «клерикализм», «гетто», «узколобые догмы». Господи, помилуй! Я уже изнемогаю и прошу монастырских насельников помолиться о Тане.

- Да, беда, - вздыхает иеромонах-иконописец. - И ведь за вашу некрещёную Таню даже записку в церкви подать нельзя. Что же, будем молиться келейно. Помните, что старец Силуан Афонский писал: «Любовь не терпит, чтобы погибла хоть одна душа». Вот и потрудимся во имя любви.

Но не все готовы явить любовь. Послушник Д., бывший комсомольский вожак, говорит в гневе:

- Гнать эту оккультистку метлой из монастыря, чтобы не поганила святую землю!

Наконец навстречу идёт иеродиакон Илиодор, известный тем, что он привёл к Богу и окрестил сотни, если не тысячи людей. Отец Илиодор не может иначе – плачет его душа о погибающих людях, не знающих своего Спасителя и Милостивого Отца. Игумен Тихон даже сказал о нём однажды:

- А вот идёт отец Илиодор, наш оптинский Авраам. Он выходит на большую дорогу и ищет, кого бы обратиться.

Отец Илиодор тут же устремляется к Тане:

- Ты любишь детей?

- Очень люблю. Я ведь раньше работала психологом в детской больнице.

- Тогда поехали со мною в приют.

Возвращается Таня из приюта уже вечером и рассказывает:

- Сегодня учила деток читать. Знаете, есть такая игровая методика, когда дети очень быстро начинают читать.

На всякий случай, для пап и для мам, расскажу об этой методике. Для начала надо вырезать из картона или бумаги четыре карточки и написать на них какие-нибудь простые слова: мама, папа, Ваня, Маша. Потом начинается игра в угадайку. Ваня вытаскивает из стопки карточку и радуется, угадав: «Мама». Суть этой методики в том, что наш мозг сразу же опознаёт образ слова, а не считывает его по слогам. Научить читать по буквам гораздо труднее. Ребёнок читает: «Мы-а-мы-а». А на вопрос, что за слово, отвечает: «Мыло». В общем, Таню долго не отпускали из приюта. Число карточек увеличилось уже до двенадцати, а дети, окрылённые успехами в чтении, упрасивали Таню: «Ещё почитать!»

Перед сном мы долго говорили с Таней о творческих методах обучения детей, уже открытых учёными, но не востребованных на практике.

- Как я соскучилась по своей работе, – говорит она, засыпая, – и как же хочется деткам помочь!

На следующий день Таня опять уезжает с отцом Илиодором. Оказывается, благотворители привезли в монастырь продукты в помощь многодетным семьям и неимущим старикам, и теперь о. Илиодор вместе с Таней развозят их по домам. Старики, конечно, рады продуктам, а ещё больше вниманию. Они одиноки, поговорить не с кем, а потому усиленно приглашают на чай. А за чаем, как водится, идёт беседа.

- Отец Илиодор, я сейчас изучаю науку об эволюции и никак не могу понять, – недоумевает ветеран Великой Отечественной войны. – Значит, сначала на сушу выползла рыба и стала, допустим, четвероногой собачкой, а потом от обезьяны произошёл человек. Но ни мой дед, ни прадед ни разу не видели, чтобы собачка превратилась в мартышку!

- Человек произошёл от Бога, а не от какой-то там паршивой обезьяны! – величественно парирует иеродиакон.

- Да, но души у человека нет. В организме есть печень, желудок, а души в организме нет.

- Отец, скажи, ты учился в школе?

- А как же.

- Значит, изучал, что есть неодушевлённые предметы и одушевлённые. Вот камень неодушевлённый. А ты кто?

- Я одушевлённый! Это от слова «душа»?

Потом эти люди приходят в храм. И дело здесь, вероятно, не в словах, убедительных или наивных, а в том, что люди чувствуют сердцем - отец Илиодор любит их. Он очень добрый, хотя и выглядит суровым. Вот сидит он за рулём «газели», этаким мрачным не улыбочивый армянин, и говорит сердито:

- Искушение. На трассу выехать нельзя - кругом одни пешеходы!

А проехать мимо инвалида или ветхой старушки отец Илиодор не может. Его машина всегда полна людьми. Однажды отец Илиодор сломал ногу. Но как только наложили гипс, он тут же сбежал из больницы, чтобы, как всегда, кому-то помочь.

- Отец Илиодор, - бежали за ним следом медсёстры, - вы без ноги останетесь, у вас сложный перелом!

- Что нога? - сказал иеродиакон. - Нога сгниёт, а душа останется. О душе надо думать, а вы «нога, нога»!

А может, чтобы обратить кого-то, надо иметь эту огненную любовь к Богу и к людям? И тогда любовь обжигает любовью, а от свечи загорается свеча.

Через два дня застаю Таню в храме, где под присмотром о. Илиодора она читает записки на панихиде и молится об усопших.

- Отец Илиодор, - говорю опасливо, - она же некрещёная.

- Сразу после панихиды идём креститься. Так батюшка благословил.

- Да-да, мне срочно надо креститься, - с горячностью подтверждает Татьяна. - Мне батюшка дал на исповеди нательный крестик и иконой благословил.

Слушаю и ушам своим не верю, но всё было именно так. Раба Божия Татьяна крестилась, уверовав в Господа нашего Иисуса Христа. Как свершилось чудо - необъяснимо, но всех охватила такая радость, что Таню буквально задарили подарками. В общем, уезжала она домой уже с солидным багажом. В последний вечер мы сидели с Таней у костра. На дворе уже осень, и надо сжечь палую листву и сухие обрезанные сучья яблонь. Искры взлетают высоко в небо, а Таня рвёт и бросает в огонь свои «академические» учебники по оккультизму. Но мы об этом не говорим. Что слова? Сотрясение воздуха. И ничтожны все земные слова, когда душа пламенеет любовью к Спасителю и, исчезая, сгорает прошлое.

На прощанье Таня подарила мне привезённую из Молдавии книгу «Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского», изданную Оптиной пустыней в 1847 году.

- Эту книгу, - рассказывала она, - мне дала перед смертью Лидия Михайловна и сказала: «Однажды, Танечка, ты поедешь в Оптину пустынь и поймёшь, что Оптина начинается с

Молдавии – с нашего молдавского старца Паисия Величковского. А когда мы читаем святых отцов, они молятся за нас. И однажды старец Паисий возьмёт тебя за руку и, как деточку, поведёт за собой».

Дивен Бог во святых Своих! И святые, действительно, молятся за нас, а дивный старец Паисий Величковский и донныне приводит кого-то в монастырь, как привёл он сюда нашу Танечку.

Историческая справка. Оптина духовно связана с Молдавией, и возрождение захудалого некогда монастыря началось с издания трудов и переводов родоначальника старчества Паисия Величковского. Именно высокий дух этих творений породил тот феномен Оптиной, когда святость сочетается с учёностью, а сокровенное монашеское делание – с открытостью и любовью к людям.

* * *

Через полгода я получила от Тани письмо, где сообщалось, что у них с мужем всё хорошо. Они обвенчались, окрестили детей, а Таня устроилась на работу в колонию для несовершеннолетних.

В конце письма было признание: «Перед поездкой в монастырь я хотела повеситься». И тут я ужаснулась, вспоминая, как повесился Димочка, единственный сын нашего участкового врача Л. Однажды мама узнала, что Дима попробовал в компании наркотики, и тут же отвела его в Центр здоровья, где лечили от наркозависимости приёмами из практики оккультизма – дианетика, йога, и бесконечные медитации, разрушающие, как известно, психику. За лечение в Центре брали огромные деньги, но именно это убедило доверчивую маму, что такие деньги не станут зря брать.

- Родная моя, – умоляла я Л., – немедленно забирай Димку из Центра. Это, поверь мне, дорога в ад.

Но Л. не поверила и даже настаивала, чтобы Дима аккуратно посещал занятия. Господи, как трудно вырастить ребёнка и как легко потерять его! После смерти Димочки Л. так и не оправилась. Болеет, плачет и не хочет жить, а я всё уговариваю её сходить в церковь.

Вот и Таня писала о своём прошлом: «Мне не хотелось жить, а временами охватывал такой ужасающий страх, что я прятала от себя ножи и верёвки. Я понимала, что погибаю, но мне было уже всё равно. И вдруг однажды утром я продала своё последнее колечко и побежала к поезду. Я не хотела ехать, сопротивлялась, но кто-то повелевал: “Беги!” И я бежала с одной мыслью – только бы успеть добежать!»

Таня успела. Она добежала...

Дай нам познать Тебя, Милостивый Господи, ради Димочки, матерей и погибающих детей, уже отравленных ядом богоборчества.

"Детки мои!"

Однажды архимандрит Иоанн (Крестьянкин) благословил меня собирать материалы о последнем оптинском старце – игумене Иоанне (Соколове † 1958), и передал мне уже записанные воспоминания о нём. Судьба старца Иоанна (Соколова) потрясла – 18 лет тюремного заключения, и при этом такая высота духа, что архимандрит Иоанн (Крестьянкин) называл его профессором Небесной Академии.

Увлеклась я этой работой, как вдруг пришло письмо от батюшки Иоанна (Крестьянкина), в котором сообщалось, что один писатель, близко знавший игумена Иоанна (Соколова) при жизни, хочет написать книгу о нём. Словом, батюшка рассудил, что разумнее поручить эту работу не мне, а ему, живому очевидцу событий.

То, что это разумнее, я не усомнилась, но всё-таки огорчилась, тем более что уже успела записать некоторые воспоминания, навестив московских старушек. Теперь эти записи оказались ненужными. И однажды подумалось, что я не нарушу благословения архимандрита Иоанна, если, не претендуя на составление жизнеописания игумена Иоанна (Соколова), расскажу о духовных чадах старца и, в частности, о молодом и тогда ещё «белом» священнике Иоанне Крестьянкине.

Начну с истории, которую узнала случайно. Записывала воспоминания Галины Викторовны Черепановой о старце Иоанне (Соколове) и вдруг заметила, что она хромает.

- Что, - спрашиваю, - ножки болят?

- Слава Богу, болят, - ответила старушка. - А вымолила я эту болезнь ещё в молодости и заболела по милости Божьей.

Словом, история здесь такая. Галина жила тогда в Иркутске и уже окончила два курса института, когда её вызвали в органы и предложили стать осведомителем.

Предложение было сделано не случайно - у неё укрывались перед арестом один епископ и несколько священнослужителей. Галине доверяли, она знала многие тайные явки, где прятали верующих, собирали передачи для заключённых священников и налаживали по своим каналам связи с тюрьмой. А ещё уходившие в лагеря архиереи оставляли ей на хранение такие святыни, как, например, постригальный крест святителя Иннокентия Иркутского. Владыка, просивший сохранить святыню, из лагерей не вернулся, и крест святителя Иннокентия Иркутского остался у Галины. Так владыка велел - хранить.

Добраться до тайных явок христиан у НКВД не получалось. Православные Иркутска держались сплочённо, и перед органами стояла задача - внедрить предателя и доносчика в их среду. От предложения стать доносчиком студентка Галина, естественно, отказалась. И тогда студентке предложили выбор: или - если она согласится стать осведомителем - ей позволят окончить институт, а потом помогут сделать блестящую карьеру, или её, как «религиозную контру», выгонят из института с волчьим билетом. Били, что называется, по самому больному месту - Галя с детства мечтала о высшем образовании, ей нравилось учиться, и училась она блестяще. Но всё-таки она снова сказала «нет», понимая, что учиться ей уже не дадут.

Не дожидаясь обещанного исключения, Галя сама ушла из института, начав работать санитаркой в больнице. Она специально выбрала работу похуже, полагая, что уж отсюда её не выгонят. Ну кто пойдёт за копейки мыть туалеты и выносить судна из-под больных?! Но в органах усиленно разрабатывали её кандидатуру, и на очередном допросе в НКВД Галине твёрдо пообещали, что, если она откажется сотрудничать с органами, её посадят в тюрьму. И Галя приготовилась к аресту. На случай этапа дядя-сапожник сделал ей в каблуке тайник, куда спрятали необходимую в дороге денежку. Прохожие удивлялись: на дворе лето, а девушка идёт в пальто, с узелком вещей, необходимых в тюрьме. На зоне, предупредили Галю, зимой без тёплых вещей не выжить, и лучше заранее подготовиться к аресту, имея всё необходимое при себе. Так поступали тогда многие, ибо арест был обычно внезапным.

Однажды Галину, действительно, внезапно схватили на улице и привезли в уже знакомый

кабинет для допросов. Представитель органов на этот раз веселился, объявив Галине, что если она немедленно не подпишет документ о согласии стать агентом НКВД, то её не просто изнасилуют, но поставят уголовникам «на хор». В кабинет тут же вошли четверо уголовников, сорвали с девственницы одежду и распяли её голую на полу. И тогда девушка закричала от ужаса, обещая подписать бумагу, лишь бы не надругались над ней. Гале позволили одеться, и она трясущейся рукой поставила подпись под документом, из которого явствовало, что отныне она агент НКВД. После этого Галина обошла весь Иркутск, сообщая всем и каждому, что она - Иуда и агент НКВД. Люди, выслушав её, отворачивались и, случалось, плевали ей вслед.

Теперь она стала для всех отверженной и уже не выходила из дома. Никогда и никого Галина не выдала. Но только висел уже над нею этот дамоклов меч - обязанность писать доносы, а иначе, пригрозили, её изнасилуют. Девушка теперь не вставала с колен и, заливаясь слезами, день и ночь молила Божию Матерь защитить её от насильников. Похоже, она, действительно, вымолила эту болезнь, ибо Галю вскоре парализовало. Долгие годы она была инвалидом и недвижимо лежала в постели. Сердобольные соседи кормили её с ложечки, а в органах постепенно забыли о ней. Кому нужен агент - живой труп?

А на Пасху 1946 года во вновь открытой Троице-Сергиевой лавре опять торжественно зазвонили колокола. К парализованной Галине прибежала подруга:

- Галя, Галюшка, какая радость! Троице-Сергиеву лавру открыли и у преподобного Сергия опять звонят колокола!

- Преподобный зовёт! - сказала Галина и встала с постели.

Исцеление было мгновенным, впоследствии только в непогоду болели ноги. Вот и уехала она тогда в Москву, чтобы быть поближе к Сергию Радонежскому, возвратившему её к жизни после долгого небытия.

* * *

В Москве Галина Викторовна стала духовной дочерью игумена Иоанна (Соколова), а после его смерти - о. Иоанна (Крестьянкина). Архимандрит Иоанн (Крестьянкин), как сообщается в воспоминаниях о нём (*«Память сердца» Т. С. Смирновой*), называл старца Иоанна (Соколова) своим духовным отцом. А познакомились они так.

Однажды прихожане рассказали молодому священнику Иоанну, что в Москве появился оптинский старец, только что освободившийся из тюрьмы. Но старец ли это или очередной самозванец? Свято место пусто не бывает, и в годы, когда томились по лагерям видные пастыри нашей Церкви, появились самозванцы-чернокнижники, выдававшие себя за «прозорливых старцев» и даже «пророков». Под видом старца мог, наконец, скрываться агент-provocator, завербованный НКВД.

Съездить на разведку к старцу вызвалась Ольга Воробьёва, духовная дочь о. Иоанна (Крестьянкина), и батюшка составил для неё хитрый вопросник. Что это были за вопросы, Ольга Алексеевна с годами забыла, но запомнила, как батюшка наставлял её: если игумен ответит на вопросы так-то и так-то, значит, это подлинный старец. И тогда пусть попросит старца, чтобы и он мог приехать к нему.

Позже Ольга Алексеевна рассказывала мне, как она пробиралась огородами к домику в Филях, где скрывался тогда игумен Иоанн (Соколов): «Иду, а у самой от страха душа в пятки уходит».

А старец встретил её на пороге кельи, назвал по имени и сказал улыбаясь:

- Олюшка приехала, да сомневается. Не бойся, проходи, радость моя. А уж отец-то Иоанн, отец-то Иоанн - какие хитрые вопросы придумал!

Пересказал старец Ольге все эти хитрые вопросы и потом добавил:

- А отцу Иоанну скажи - пусть приезжает, благословляю.

Так встретились два великих старца нашего времени. Отец Иоанн (Крестьянкин) был тогда молод, горяч и, возможно, излишне доверчив. Во всяком случае, старец однажды попросил Галину Викторовну передать о. Иоанну следующее:

- Ванечка! Прошу и молю, не давай за всех поручительства.

А на просьбу о. Иоанна благословить его уйти в монастырь старец ответил так:

- Куда в монастырь? Там везде сквозняки.

За несколько месяцев до ареста о. Иоанна старец предсказал батюшке, что дело на него уже написано, но только отложено до мая. И перед маем, 30 апреля 1950 года, о. Иоанна (Крестьянкина) арестовали. Вот такие были тогда «сквозняки».

Однажды мне представилась возможность прочитать следственное дело игумена Иоанна (Соколова), осуждённого, как и архимандрит Иоанн (Крестьянкин), по знаменитой 58-й статье. В кодексе царской России 58-я статья - это чин венчания на царство. И есть своё знамение в том, что в годы гонений по 58-й статье венчались на Царство новомученики и исповедники земли Российской.

К сожалению, следственные дела узников Христовых - это, по большей части, лукавые дела-пустышки. Православных расстреливали и гноили по лагерям за верность Господу нашему Иисусу Христу. А поскольку всему миру было официально объявлено, что в СССР никого не преследуют за веру, то из подследственных старались выбить признание, что они агитировали против советской власти и колхозов. Именно выбить. На ночных допросах игумену Иоанну (Соколову) сломали рёбра, искалечили руки и ноги, а ещё он ослеп на один глаз. Ничего этого в протоколах нет. Восемь часов допроса, с полуночи и до утра, а в итоге неполная страничка протокола с фарисейскими вопросами о колхозах. У игумена Иоанна (Соколова) была на допросах своя тактика - он ничего не помнил. В связи с полной потерей памяти игумена даже поместили на время в психиатрическую больницу, где на нём испытывали новейшие нейрорептики. А один из следователей надменно писал о старце, что это абсолютно невежественный тёмный дед. А «тёмный дед» был блестяще образованным человеком и владел четырьмя европейскими языками.

Однажды в православной печати возникла дискуссия, достойны ли доверия протоколы НКВД. Часть исследователей считала, что достойны, ибо, цитирую, «советское правосудие действовало в рамках социалистической законности». Один автор даже издал труд, в котором причислил к разряду «доносчиков» некоторых почитаемых новомучеников и исповедников Российских. Логика тут была простая. Признался на допросе в знакомстве с такой-то монахиней? Да, признался, стало быть, «донёс». Но глупо отрицать факт знакомства, если иеромонах был арестован в доме этой монахини и вместе с нею доставлен в тюрьму. По мнению этого (прости, Господи!) пожилого комсомольца, достойна уважения лишь такая советская модель поведения - партизан на допросе в гестапо: всё отрицает, всех презирает, и получай гранату, фашистская гадина.

Но насколько же иначе ведут себя в тюрьме и на допросах оба наших старца! Когда о. Иоанну

(Крестьянкину) устроили очную ставку со священником, писавшим на него доносы, батюшка по-братски обнял его. А тот не выдержал этой евангельской любви и, потеряв сознание, упал в обморок. Вот похожий факт из жизни игумена Иоанна (Соколова). Старец уже умирал от рака печени и не вставал с постели, когда с ордером на его арест пришёл некто из КГБ.

- Детка моя, - сказал ему старец, - я ведь лежачий и никуда не сбегу. А у тебя дома беда, поспеши поскорей.

Старец что-то шепнул посетителю на ухо. Тот переменялся в лице, убежал и больше не появлялся. А потом, на отпевании игумена Иоанна (Соколова), этот человек стоял у его гроба и плакал.

Ещё рассказывали, что начальник тюрьмы, где томился игумен Иоанн, обратился к Богу после того, как старец исцелил его жену, изводившую прежде мужа истериками.

* * *

Юристы, привыкшие читать пухлые тома обвинительных заключений, удивляются сегодня следственным делам эпохи гонений - тоненькие папки с двумя-тремя листками. Текст нередко малограмотный и с такими, например, перлами: «труп попа громка станал». Впрочем, сами по себе эти следственные дела ничего и не значили. Ещё до следствия дело было решённым, и решалось оно на основе «особого пакета», то есть показаний доносчиков. Обнародовать эти «особые пакеты» пока не разрешается, ибо так легко раскрыть агентурную сеть, доставив неприятности если не самому доносчику, то его родне. Но вот сила благословения архимандрита Иоанна (Крестьянкина): ФСБ предоставило для изучения не только следственное дело игумена Иоанна (Соколова), но и «особый пакет». Правда, при чтении этого «особого пакета» меня предупредили, что записывать ничего нельзя, а потому пересказываю по памяти.

Доносчик сообщает: к игумену Иоанну (Соколову) «опять приходил Иван Крестьянкин и рассказывал, что к ним в храм назначили нового настоятеля».

- Да это же Шверник и Молотов в одном лице, - отозвался старец о новом настоятеле и добавил: - Пишут, пишут, уже много написали.

Следующая запись сделана в день ареста о. Иоанна (Крестьянкина). В этот день, как подслушал доносчик, о. Иоанн должен был приехать к старцу, но не приехал. Ждали его до ночи, а потом старец сказал, что Ванечку уже взяли. И доносчик записывает слова старца, сказанные им тогда об арестованном о. Иоанне: «Он же как свеча перед Богом горит!»

А ещё старец говорил об о. Иоанне: «Дивный батя! Постник, как древние».

После освобождения из лагеря о. Иоанн (Крестьянкин) год служил в Троицком соборе города Пскова. Прихожане полюбили ревностного батюшку и очень огорчились, когда он внезапно исчез из Пскова и уехал в деревеньку под Рязанью. Зачем надо было менять службу в знаменитом соборе на полуразрушенный деревенский храм? Долгое время это оставалось загадкой. Но сегодня уже известно - батюшку должны были снова арестовать. И прозорливый старец Иоанн (Соколов) написал тогда батюшке, что на него заведено новое уголовное дело: «Мы молимся, чтобы оно не имело хода, но ты из Пскова исчезни».

Кстати, о прозорливости старца свидетельствуют и показания доносчика. В одном из донесений осведомитель сообщает, что к игумену Иоанну (Соколову) приходил неизвестный беглый священник. Он с горечью рассказывал старцу, что гонят и травят их как собак. Он уже

четыре месяца скрывается в лесу и не может повидать своих детей и матушку. «Детка моя, потерпи ещё немного, – сказал ему старец. – Вот наступит 1956-й год, и будет полегче».

В 1956 году, после разоблачения культа личности, действительно, стало полегче и начался процесс реабилитации невинно осуждённых людей.

Незадолго до смерти старец предсказал, что отпевать его будет о. Иоанн (Крестьянкин), а похоронят его на Армянском участке Ваганьковского кладбища: «Там у меня много родных». Старцу не поверили. Отец Иоанн служил тогда на дальнем приходе Рязанской епархии. И как это он окажется в Москве? А про Армянское кладбище хожалка старца Степанида и слышать не хотела. Она уже твёрдо решила, что похоронит старца на Преображенском кладбище возле могилы своей сестры. А после смерти старца выяснилось, что получить разрешение на захоронение «зэка», нелегально скрывающегося в Москве и не прописанного в столице, практически невозможно. Уж и «барашка в бумажке» совали кому надо, но везде был получен отказ. И тогда Евпраксия Семёновна поехала на Армянское кладбище, где у неё был участок. Только зашла в ворота, а навстречу ей бежит директор кладбища:

- Что там у вас – дедушку хоронить? Давайте скорее документы на подпись, а то некогда, убегаю, спешу.

Так свершилось предначертанное Богом, и директор, даже не заглянув в документы, дал разрешение хоронить. А отпевал игумена Иоанна (Соколова), действительно, о. Иоанн (Крестьянкин).

На этом отпевании свершилось исцеление рабы Божьей Пелагеи. Была она труженицей, каких мало, и человеком добрейшей души. Но с папиросой не расставалась и страдала такими запоями, что однажды зимой пропила пальто, всю одежду с себя и явилась домой закутанная в дырявый мешок. Пелагею давно уговаривали побывать у старца, а теперь привели проститься с ним. Приложилась Пелагея ко гробу, отошла, а потом попросила о. Иоанна (Крестьянкина):

- Батюшка, а можно ещё раз приложиться?

- Можно.

Лицо усопшего старца было по-монашески закрыто наличником, но тут о. Иоанн откинул его и воскликнул:

- Видели? Видели?

И все увидели сияющий, светоносный лик старца, а по церкви разлилось дивное благоухание. Постояла Пелагея у гроба, приложилась ещё раз. А выйдя из храма, выбросила папиросы в урну и сказала:

- На тебе, сатана! Больше не буду пить и курить!

Она, действительно, больше никогда не пила и не курила, а в церкви бывала часто. Зарабатывала Пелагея много – она укладывала стекловату для изоляции подземных коммуникаций, а на этой работе доплачивали за вредность. И вот получит она свою большую зарплату, оставит себе совсем немного, а остальные деньги несёт в церковь:

- Батюшка, скажите, кому отдать?

Пелагея ничем не болела. Но за несколько дней до смерти она, предчувствуя что-то, попросила

батюшку пособоровать её. Предчувствие не обмануло - после соборования Пелагея отошла ко Господу, сподобившись безболезненной мирной кончины.

В воспоминаниях об игумене Иоанне (Соколове) и незадолго до своей смерти Галина Викторовна Черепанова написала: «В службе святителю Иннокентию Иркутскому есть слова: “Не старцы наша возвестиша нам, не старцы наша поведаша. Сами видели славу Твоего угодника”. Вот и тут никто не сказал, а мы сами видели этого великого старца». Теперь такие же слова говорят об усопшем архимандрите Иоанне (Крестьянкине).

* * *

Долгие годы оставались загадкой слова игумена Иоанна (Соколова) о том, что на Армянском кладбище у него много родных. А когда стараниями архимандрита Иоанна (Крестьянкина) на могиле игумена Иоанна установили мраморное надгробье и крест, то одновременно изменили надписи на соседних могилах, открыв тайные монашеские имена погребённых. Оказалось, что игумен Иоанн лежит в одной ограде с монахами. А погребённый рядом с ним схимонах Ростислав (Сапожников) был известным учёным и профессором кафедры математики и вычислительной техники. За исповедание православия профессора на семь лет заточили в одиночную камеру тюрьмы. А после тюрьмы он читал свои лекции студентам в скрытых под одеждой потаённых веригах...

Сбываются и другие слова игумена Иоанна, сказанные им перед смертью: «Детки мои, я всегда с вами. Приходите на мой холмик, постучите, я отвечу вам». Вот один из таких ответов.

Однажды к московскому врачу Марии Ефимовне, ныне монахини Марии, обратилась за помощью монахиня из провинции, страдавшая раком по женской части в столь тяжёлой форме, что бедняга уже высохла, пожелтела, но, изнемогая от нестерпимой боли, тем не менее отказывалась от операции. Мария Ефимовна была духовной дочерью архимандрита Иоанна (Крестьянкина) и, зная, что батюшка благословляет обращаться за помощью к игумену Иоанну (Соколову), привезла монахиню на его могилу. Стали они молиться на могилке, и вдруг монахиня будто услышала приказ - немедленно ехать к о. Иоанну (Крестьянкину).

Приехала она в Псково-Печерский монастырь, а вокруг архимандрита такая толпа, что и близко не подойти. А старец вдруг окликнул её поверх голов:

- Ты что же, монахиня, детей рожать собралась?

- Как можно, батюшка? - смутилась монахиня.

- Тогда выкинь немедленно эту тряпку. Слышишь, немедленно!

После операции монахиня выздоровела, а потом благодарила Бога и усердно трудилась в своём монастыре.

На могилке игумена Иоанна (Соколова) и поныне идут исцеления. Вот и приходят сюда православные со своими нуждами, а то и просто за утешением. Благодать здесь такая, что уходить не хочется. Люди подолгу сидят на лавочке у святой могилки и, бывает, рассказывают о старце. Говорят, он был строг в духовной жизни. Тем, кто жаловался ему на нерадивого духовника, старец отвечал: «По покупателю и продукт». А про тех, кто утром, не помолясь, сразу хватается за хозяйственные дела, старец говорил, что они «как кукольные какие-то. Утром надо прежде всего положить три поклона - Господу, Царице Небесной и Архангелу Михаилу».

Но чаще люди вспоминают загадочные и непонятные до поры слова старца. Например, в годы всемогущества советской власти старец говорил: «Всё, что теперь, будут искоренять». И ведь, действительно, искоренили многое.

А ещё он говорил: «Наступит такое время, что убирать с полей будет нечего. А потом будет большой урожай, но убирать его будет некому».

И это, похоже, ныне сбывается – обезлюдели деревни, работать некому, и урожай, бывает, уходит под снег. А в заброшенных садах гнутся ветви от изобилия наливных яблок, только собирать яблоки некому.

Но больше всего меня поразило рассказ о том, что и молитва праведника порою бессильна. А рассказали мне следующее. У Надежды Алексеевны было пятеро детей, но не все они отличались благочестием в поведении. И однажды знакомая с ехидцей сказала ей, что она часто бывает у игумена Иоанна (Соколова) и считает его великим молитвенником. Так что же он не отмолит её детей? Надежда Алексеевна расстроилась и передала этот разговор старцу. А тот в сокрушении ответил ей:

– Верь, молюсь я за твоих детей, слёзно молюсь. А только как тут поможет молитва, если они к Богородице задом стоят?

Не так ли и мы – ждём от Господа великих милостей, а сами стоим, ну, понятно как?

Две кражи в праздничный день

Когда ещё в советские времена знаменитый французский киноактёр Д. приехал в Москву, восторженная публика забросала его цветами. А он ответил на гостеприимство так: вывез на Запад и устроил там выставку советского нижнего белья, и над этими уродливыми изделиями самой передовой в мире социалистической промышленности дружно потешалась вся Европа. Более того, француз выдал всем нашу тайну: СССР – родина барсеток. Это потом в Европе изобрели нательные кошельки-барсетки. А началось у нас всё с того, что в пору повального воровства, когда на улицах бритвой резали сумки, извлекая из них кошельки, население приспособилось хранить деньги в нашитых на бельё потайных карманах.

За державу было обидно. И ещё в школе я дала себе страшную клятву – пусть меня лучше тысячу раз обворуют, но я не буду униженно прятать деньги на теле. Не хочу жить, подчиняясь животному страху! Клятва была, конечно, наивной, но страх, действительно, исчез, и за всю мою жизнь меня ни разу не обокрали.

Впрочем, однажды это всё-таки случилось. 15 сентября, на праздник иконы Калужской Божией Матери, меня дважды обокрали. Сначала в храме украли кошелёк. А когда после литургии вернулась домой, то услышала, как на огороде кричит моя соседка Клава:

– Караул! Украли!

Клава плохо слышит, почти глухая, а потому не разговаривает, а кричит. Повод же для крика был такой: оказывается, ночью с моего огорода похитили 30 кочанов капусты. Ну и что? Да у меня этой капусты целое поле – кочанов двести или больше, не знаю. Это Клава знает, сколько у меня капусты, кур и цыплят. Клава считает меня непрактичной, а потому усиленно опекает. Приносит, например, пузырёк зелёнки и говорит:

– Давай твоих кур зелёнкой пометим.

- Это зачем?

- Чтоб не украли. Вон Пахомовна твоих кур к себе в курятник приманивает. Как докажешь, что куры твои?

- Да не буду я ничего доказывать.

- Простодыра ты! - возмущается Клава и в порядке борьбы с хищениями регулярно пересчитывает моих кур.

Кстати, появлением кур я обязана Клаве. Подарила ей на Пасху платок, а она принесла мне в подарок пятьдесят инкубаторских однодневных цыплят.

- Куда столько? - воспротивилась я.

- Да они ж передохнут, - сказала Клава. - Но некоторые всё-таки выживут.

Цыплята были похожи на цветы. Но вот бежит перед тобой на ножках такой солнечный живой одуванчик, а потом начинает угасать, превращаясь в осклизлый труп. Даже выжившие цыплята были какими-то нежизнеспособными. Выпустишь их погулять на травку и стой рядом - сторожи. Иначе коршун утащит или глупый цыплёнок захлебнётся в луже. А один цыплёнок даже «повесился», запутавшись в мотке шпагата. Намучилась я с этими «подыханцами» и пожаловалась священнику:

- Батюшка, помолитесь, цыплятадохнут.

Он обещал помолиться, а мне велел заказать молебен священномученику Власию Севастийскому, известному особо милостивым отношением к животным и не раз исцелявшему их. А дальше было вот что: уцелевшие цыплята не только выжили и превратились в кур, но, к великому удивлению Клавы, стали дружно выводить уже своих цыплят.

Удивлялась же Клава вот почему: инкубаторские куры генетически дефективны и не склонны высидывать цыплят. У Клавы только одна курица села на яйца, да и то, не досидев, соскочила. А у меня в курятнике на всех гнёздах сидят на яйцах наседки и злобно шипят, не подпуская к себе. Кстати, они и к цыплятам потом никого не подпускали. Растопырят крылья, укрыв своё потомство, и только посмей приблизиться к цыплёнку - долбанут клювом так, что ногу пробьют. Был даже такой случай. В курятник к Клаве забралась ласка. И вот ведь подлая тварь - передушила ради забавы половину кур. Клава очень расстроилась и стала ставить на ночь у курятника капкан.

- Может, и мне капкан поставить? - спрашиваю Клаву.

- Тебе-то зачем? У тебя кокоши. Они ласку клювом забьют.

Так я узнала старинное наименование наседки - кокош. И через это слово стало понятней сказанное о кокоше в Евангелии: «Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки и камением побивая посланные к тебе, колькраты восхотев собрати чада твоя, якоже кокош гнездо свое под криле» (Лк. 13, 34). А кокоши, действительно, самоотверженны и отважны в защите своего потомства. Бьются кокоши с хищником насмерть. И коршун, таскающий беззащитных инкубаторских цыплят, не смеет приблизиться к кокошу.

Словом, кокоши избавили меня от заботы о цыплятах. Цыплята у них были крепенькие, весёлые и жили, как воробьи, независимой от меня жизнью. Накрошишь цыплятам варёных

яиц вместе с запаренной молодой крапивой, а наседкам насыплешь пшеницы – и никаких тебе больше забот. И кокоши сами по себе как-то жили и множились, давали по ведру яиц ежедневно, а через год у меня было уже под сотню кур.

- Может, ты слово особое знаешь? – удивлялась Клава, не ходившая в церковь и не верившая в силу чьих-то молитв.

К сожалению, все мои попытки привести Клаву в церковь не имели успеха, хотя на Пасху она ездила в монастырь святить куличи и ставила свечи к иконам. Но верить она по-своему верила, и об этих особенностях народной веры надо бы рассказать подробнее.

* * *

Вера у Клавы была такая – Бог есть, но Он далеко от людей, на Небе, а на земле – человек кузнец своего счастья. А ещё она твёрдо верила, что после смерти люди не умирают, они живы у Бога. И с умершими у Клавы была своя связь. Бывало, просыпаешься рано утром, а Клава в слезах сидит на крыльце.

- Что случилось? – спрашиваю.

- Покойные папа и мама приснились. Стоят, как нищие, под окошком и хлебушка просят ради Христа. Вот напекла им ватрушек и булочек. Ты уж, пожалуйста, в церковь снеси.

Именно эта любовь к родне определяла веру Клавы и её представления о добре и зле. Старики, рассуждала она, были люди мудрые и лучше нас знали, что можно, а что нельзя.

О том, что нельзя, расскажу на таком примере. В одной деревне умерла старуха-колдунья. Никакой родни у неё вроде бы не было, но тут приехала из города внучка-студентка. Бегает по деревне и умоляет всех в слезах:

- Ой, помогите схоронить бабушку. Я одна не смогу. Как я одна?

Слёзы тронули людей. Усопшую всей деревней проводили на кладбище, а на поминки никто не пришёл. Вот и сидели мы вдвоём со студенткой за уставленным снедью поминальным столом. Девушка плакала, вспоминая, как её мама бежала из деревни в город, потому что они были здесь для всех прокажёнными и дочь чернокнижницы никто бы замуж не взял. Наготовлено на поминки было немало. Не пропадать же продуктам! Девушка собрала со стола в корзину пироги, вина, закуски и решила раздать их по соседям. Но ни в одном доме ей не открыли дверь. Когда же студентка отдала бутылку водки пастуху Николаю, слышшему последним пропойцей, то этот спившийся человек с подчёркнутым презрением разбил бутылку о камень.

- Придурки отсталые, деревенщина! – закричала тут студентка. – Да в Москве теперь колдуний и магов ценят и большие денежки платят им!

Повезло же, подумалось, городским магам, что они живут не в деревне, где люди брезгуют угощением со стола колдуньи, не желая прикасаться к скверне.

Похожий случай был и в нашей деревне. У Пахомовны после отёла захворала корова, и её знакомая-экстрасенс прочитала над коровой по книжке какие-то заклинания. Клава тут же прибежала ко мне и сообщила волнуясь: «Не бери молоко у Пахомовны – заколдованное у неё молоко». Шёл январь – святки. Деревенские коровы ещё только собирались телиться, и молока в деревне пока не было. Молочка хотелось многим, но у Пахомовны его никто не брал.

Однако и Клаве случалось попадаться на удочку современной магии. Хоть и называла она колдунов и экстрасенсов «душегубами», про гороскопы говорила, что это «дурь для дураков», а вот в лунный календарь она поверила настолько, что одно время донимала меня:

- Сегодня по лунному календарю надо сажать огурцы. Почему не сажаешь?

- Потому что оптинский старец Амвросий учил не верить астрологическим лунным календарям.

- Твой Амвросий жил в позапрошлом веке, а сейчас во всём мире прогресс!

С прогрессом, однако, вышла неувязка. Огурцы, посаженные в рекомендованные астрологами сроки, почему-то не желали всходить, пришлось их срочно пересаживать. И Клава в знак протеста порвала газету с лунным календарём.

Претерпев некоторые искушения с прогрессом, Клава ещё твёрже доверилась опыту, выработанному веками народной жизни. Опыт же гласил (цитирую Клаву): «Берегись, огонь поедающий!» Например, быть беде, еслипустишь в дом блудницу, ибо блуд - это огонь поедающий. А ещё нельзя иметь дело с «черноротыми», то есть с людьми, привыкшими чертыхаться. И, наконец, огнём поедающим и истребляющим в пожаре дома для Клавы было воровство. Когда у бывшего монастырского рабочего сгорел дом, Клава ни на секунду не поверила объяснениям пожарных, что огонь, мол, занялся из-за неисправной проводки. «При чём здесь проводка? - говорила она. - Он же из монастыря что ни попадя тащил. Вот и настиг его огонь поедающий!»

Словом, незначительное само по себе событие - кража 30 кочанов капусты - стало для Клавы грозным мистическим знаком и даже предчувствием некой беды. И беда, действительно, грянула - начались кражи. Это тем более ошеломило людей, что дома у нас в деревне не запирали, и Клава, уходя в магазин, прислоняла к двери веник, оповещая тем самым односельчан, что её дома нет. И вдруг оказалось, что запирать дома «на веник» нельзя - у пасечника Сафонова, пока он возился с пчёлами, похитили из дома флягу мёда. У Плюскиных украли кур. А у дачников-москвичей выкопали в их отсутствие с огорода всю картошку.

- Раньше, - возмущалась Клава, - вору отрубали руку по самый локоть и никакого воровства в помине не было. А теперь что?

А теперь, видно, настал для матушки-России тот воровской час, когда Руководящие Воры «прихватизировали» за копейки заводы и прииски, похитив их у народа. А воришки попроще стали тащить у соседей картошку и кур.

При Ярославе Мудром за воровство полагалась смертная казнь. А в правилах святителя Григория Неокесарийского о грабителях сказано: «Справедливым признается всех таковых отлучить от Церкви, да не како приидет гнев на весь народ». Святитель Григорий ссылается при этом на книгу Иисуса Навина, где рассказывается о том, как из-за воровства одного человека - Ахана из колена Иудина - гнев Божий пал на весь Израиль, и израильтяне потерпели поражение в битве (Нав. 7). Но разве не то же самое происходит ныне, если воровство разрушает доверие людей друг к другу, а народ, утративший сплочённость, неизбежно обречён на поражение?

Вот и у нас в деревне сосед начал коситься на соседа, а кто-то, не стесняясь, стал возводить напраслину на ближнего. Пчеловод Сафонов подрался с зятем, заподозрив его в хищении мёда. Плюскины винули в краже кур паломников. Подозрительность, как яд, отравляла людей. И Клава решила выследить воров, подвизаясь в роли мисс Марпл.

* * *

...Клава азартно шла по следу воров, докладывая мне потом, что следы от протекторов с моего капустного поля ведут прямо к дому Васьки-шофёра, а Васькин отец был точно вор. А ещё подозрительны братья Грачи – нигде не работают, а шикают в ресторане. На какие денежки, а?

От этих пересудов было так тошно, что однажды я отказалась выслушивать их.

- Я стараюсь, а ей безразлично! – негодовала Клава. – Да ведь с твоей же капусты всё началось!

Кража 30 кочанов капусты была, действительно, первой в череде дальнейших хищений. Но никакая капуста не стоит того, чтобы изучать людей через прицел артиллерийской гаубицы.

«Всю Россию разворовали, а ей хоть бы хны!» – не унималась Клава.

А вот это неправда. За Россию болело сердце. Однако как объяснить Клаве, что дом, построенный на песке, рушится совсем не потому, что его обокрали братья Грачи или олигархи? Как понять, наконец, всем сердцем, что Господь посылает нам скорби прежде всего для вразумления и воспитания души?

Неожиданное вразумление по поводу краж было дано мне месяц спустя. Оказалось, что ещё зимой я украла в храме галоши. То есть пришла в монастырь в валенках без галош, но почему-то забыла об этом и, уходя, надела чьи-то галоши, полагая, что галоши мои. Помню, как после кражи кошелек я возмущённо осуждала святотатцев, ворующих в храме. И вдруг, сгорая от стыда, обнаружила у себя эту лишнюю пару галош и, каюсь, вернула их в монастырь. А ещё пришлось каяться по поводу кражи капусты. Но чтобы разобраться в хитросплетениях этой лукавой кражи, надо рассказать сначала о нравах нашей православной общины, существовавшей тогда при монастыре. Вот почему начну с общины.

* * *

Это было счастливейшее время нашей жизни, когда мы, новоначальные, решили подвизаться, как древние, полагая живот за други своя. Ничего ещё толком не зная о православии, мы уже знали из опыта самое главное: Бог есть любовь, потому что любовью была пронизана жизнь.

Вспоминается чувство растерянности, когда, купив избу возле монастыря, я обнаружила, что пол здесь сгнил и рушится под ногами, а печь, как Змей Горыныч, отчаянно дымит. Как здесь жить? С чего начинать? А изба вдруг начинает заполняться людьми.

- Хвала Богу! – говорит, входя в дом, серб Николай.

- Слава Христу! – откликаются украинцы-«западенцы».

Ростовчане привозят доски для пола, и белорусский музыкант Саша уже весело стучит молотком, настилая новые полы. Чьи-то руки обмазывают и белят печь, а москвичка-балетмейстер Настенька Софронова шьёт для окон нарядные занавески с ломбрикенами. Работа кипит, и все поют: «Богородице Дево, радуйся...»

Радость переполняла жизнь. И если потом я сажала так много капусты, картошки, моркови, то потому, что выращивалось это для всех. Огородничали мы под присмотром агрономов из Москвы, понимавших, что надо восстанавливать не только храмы, но и утраченную агрокультуру. Ассортимент овощей в деревне был в ту пору предельно убогим. О цветной

капусте, например, здесь даже не слыхивали, а картошка была только кормовых сортов – очень крупная и очень невкусная. Варишь-варишь такую картошку, а она не разваривается – осклизлая какая-то и пахнет химией. А настоящая картошка должна «смеяться», то есть быть рассыпчатой и ароматной.

В общем, учёные-агрономы снабжали нас элитными семенами. А возле дома Миши, ныне иеромонаха Марка, была воздвигнута теплица промышленных размеров. Здесь будущий батюшка выращивал рассаду для общины, раздавал её всем желающим и просил об одном: «Только не берите рассаду без меня».

Однажды Миша задержался в командировке, а сроки посадки поджимали. Взяла я из теплицы без спроса 30 штук капусты сорта «Москвич». Ладно, думаю, повинюсь перед Мишей, когда он вернётся домой. Не повинилась, забыла, слукавила. И дал мне Господь епитимью за эту кражу – именно 30 кочанов «Москвича» и похитили осенью. Самое опасное было то, что воровство рассады не осознавалось как воровство, ибо довлела психология: «Всё вокруг колхозное, всё вокруг моё». И эта «колхозная» психология исподволь разрушала дух братства.

* * *

Так вот, о братстве. Иеромонах Василий (Росляков), убиенный на Пасху 1993 года, чтит братство, но отвергал панибратство, говоря, что оно уничтожает любовь. Между тем плоды панибратства множились.

Вот несколько историй из жизни. Поселилась возле монастыря трудолюбивая семья с тремя детьми. Муж строитель, а жена портниха, которую тут же завалили заказами. Одна монахиня, живущая в миру, попросила сшить ей рясу, а другая – подрысник. Платить за работу монахиням было нечем, и они лишь поблагодарили: «Спаси тебя Господи!» Муж тоже увяз в делах братской взаимопомощи, потому что у такой-то сестры протекает крыша, денег еле наскребли на покупку шифера, и строитель работал бесплатно. Так и пошло: все просят – помощи. Отказать в помощи было неловко, а уж тем более требовать плату за труд. В общем, подвизались муж с женою во славу Христа, а через год жена сказала, заплакав: «Уедем отсюда, а то не на что жить».

В дневнике иеромонаха Василия есть запись: «Горе отнимающим плату у наёмника, потому что отнимающий плату то же, что проливающий кровь» (прп. Ефрем Сирий). С этой записью связана такая история. Однажды отец Василий попросил иконописца Павла Бусалаева написать для него икону и сказал, что заплатит ему за работу.

– Как можно, батюшка? – смутился Павел. – Я с вас денег за работу не возьму!

Но отец Василий настоял на своём. А Павел рассказывал потом: «У нас тогда родился ребёнок, и, честно признаться, мы очень нуждались. Мы с женой так обрадовались этому неожиданному заработку, что и не знали, как Бога благодарить». Рассказ о том, что отец Василий считал необходимым заплатить иконописцу за труд, я вычеркнула из рукописи книги «Пасха красная», поверив доводам рецензента, что само упоминание о деньгах принижает идеалы православного братства. Вот так и совершалась та подмена, когда братство с его любовью к человеку вытесняло бесцеремонное панибратство.

И ещё одна история. У нашей общины объявился спонсор-книгоиздатель, заработавший хорошие деньги на «левых» тиражах православных книг. Разрешения у авторов он при этом не спрашивал и за работу им не платил. Но если российские авторы привычны к бесправию, то митрополит Антоний Сурожский хотел даже подать в суд на издателя, издавшего его книгу без

спроса и откровенно «пиратским» тиражом. Впрочем, до суда дело не дошло. Его предварил Божий суд. Дом книгоиздателя и склад с «пиратскими» тиражами вдруг полыхнули огнём, и сгорел даже новенький автомобиль, находившийся тогда в другом городе. Вот и не верь после этого утверждениям Клады, что воровство – это «огнь поедающий».

* * *

- А вы заметили, – сказал один монах, – что искушения обычно бывают в праздники, когда особенно сильна благодать?

Для меня таким особо благодатным днём стал праздник иконы Калужской Божией Матери, когда через искушения с кражами вдруг открылись неосознанные прежде грехи. С той поры и вошло в привычку благодарить Господа за искушения и скорби, ибо, как писал преподобный Исаак Сириин, «без пощущения искушений невозможно нам познание истины».

Истории, рассказанные у костра

Сидим мы летним вечером у костра, печём картошку, а капитан второго ранга, приехавший в Оптину пустынь из Владивостока, рассказывает свою историю:

- Каждый отпуск мы с женой ездили в Крым, но сначала заезжали в Псково-Печерский монастырь к своему духовному отцу Иоанну (Крестьянкину). Приезжаем однажды в монастырь, а там с грузовика гуманитарную помощь раздают – большие такие коробки, тяжёлые. Взял и я для себя коробку. Иду с ней по монастырю, а батюшка Иоанн увидел меня в окно и машет рукой, приглашая зайти к нему.

Захожу к нему в келью с коробкой в руках. А батюшка спрашивает:

- Ты что, нищий?

- Нет, батюшка, хорошо зарабатываю. Машину новую недавно купил.

- Так почему ты берёшь чужое – то, что предназначено больным и нищим? Открой коробку.

Открыл я коробку и ахнул – там одни булжники.

- А теперь, – говорит батюшка, – иди и отдай эту коробку первому встречному нищему.

Вышел капитан от батюшки, и первой ему встретилась нищенка Шурочка. А Шурочка – дитя разумом, на голове вмятина, один глаз вылез из-под век, и глазное яблоко как шишка торчит. Но более бесстрашного человека я ещё не встречала. Шурочка не боится в мороз и зной жить под открытым небом, хотя её регулярно приглашают к себе домой православные, уговаривая пожить у них. А Шурочка поживёт у них день-другой и убегает. Почему-то ей надо сидеть у церкви и просить милостыню – хотя какая милостыня, если Шурочка ничего не понимает в деньгах и ценит лишь фантики от конфет? Мальчишки отберут у неё, бывало, деньги, а Шурочка лишь равнодушно посмотрит вслед. Но стоит кому-то посягнуть на её фантики, как Шурочка хватает камень и бросается на обидчика.

Отдал капитан коробку Шурочке и на всякий случай отбежал подальше: вдруг запустит в него булжником? С неё станется. А Шурочка открыла коробку и заулыбалась от счастья: в коробке сыр, сервелат, сгущёнка, а главное – конфеты в нарядных фантиках.

- Никогда бы не поверил, если бы не увидел всё своими глазами, – закончил свой рассказ капитан.

- Для Бога невозможного нет, - сказал послушник из Н-ского монастыря, приехавший в Оптину пустынь на совет к старцу. - Помните, что сказано в притчах: «Благотворящий нищему даёт взаймы Господу». Вот у нас в монастыре был любопытный случай в этой связи.

И послушник стал рассказывать свою историю.

* * *

К сожалению, в этой истории всё легко узнаваемо. А потому, избегая соблазна хвалить или хулить кого-то, передам рассказ послушника в обобщённом виде. В некотором царстве, в некотором государстве в одном старинном монастыре отправили в отпуск отца эконома. А тот на время своего отсутствия поставил управлять монастырским хозяйством своего заместителя, молодого послушника, получившего блестящее экономическое образование в Англии. Сам отец эконом был из практиков - всё знал, всё умел, а получить образование не случилось. Правда, всю жизнь он тянулся к знаниям и буквально благоговел перед своим учёным помощником. Просматривает тот, бывало, по интернету биржевые новости, изрекая нечто мудрёное о падении индекса Доу-Джонса, а отец эконом интересуется:

- А своими словами это как?

- А своими словами, батюшка, нам за электричество уже нечем платить, а вы разбазариваете всё на прихлебателей. Знаете, сколько стоит прокормить одного нахлебника? Вот, пожалуйста, у меня всё подсчитано. А сколько таких нахлебников в монастыре?

Нахлебников, действительно, было много. Бомжи и нищие облепили паперти храмов, а ведь в обед потянутся в трапезную, чтобы получить свою тарелку супа. А ещё помогали немощным старицам, работавшим прежде в монастыре. От юности они безвозмездно служили святой обители - пекли просфоры, мыли полы, готовили в трапезной, а потом состарились и стали болеть. И отец эконом старался помочь им дровами, выписывал к празднику продукты со склада, а в трапезной сажал на самое почётное место.

Были, наконец, в обители и такие хитрованы-паломники, что умудрялись подолгу жить в монастыре, отлынивая при этом от работы. А порядок в монастыре простой - три дня ты гость, а потом иди работать на послушании. А они поработают день-другой и идут жаловаться монастырскому врачу - здесь болит, там колет. А потом начиналось общее расслабление организма с широко известным диагнозом: лень перешла в грипп. Что поделаешь? В любом обществе есть немощные, хворые люди, но и их питает Господь.

Монастырь всегда кормил болящих и нищих, и обитель не зря называли святой, ибо в годину бедствий монахи сами голодали, но делились последним куском хлеба с обездоленными. А теперь эти древние заветы святости вступили в неодолимое противоречие с рыночной экономикой. Как теперь прокормить нахлебников, если цены на продукты запредельные, налоги грабительские, а за электричество действительно задолжали?

Собственно, отец эконом потому и согласился поехать в отпуск, что вдруг остро почувствовал - его время прошло. И неучи, привыкшие хозяйствовать по старинке, должны уступить своё место таким блестяще образованным молодым людям, каким был его помощник. Пусть покажет себя в работе, а ему, старику, пора на покой.

И учёный эконом себя показал. В первый же день он ввёл одноразовые пропуска в трапезную для штатных монастырских рабочих и для паломников, действительно трудившихся на послушании. Раздавать пропуска поручили древнему монаху Евтихию, уже настолько отошедшему от жизни, что он лишь молча молился по чёткам, и взять у него пропуск мог

любой желающий. Словом, первыми обзавелись пропусками именно хитрованы. А рабочие монастыря то ли не знали о пропусках, то ли знали, но ведь некогда бегать по монастырю в поисках отца Евтихия – работа встанет! А в обеденный перерыв обнаружилось – в трапезную без пропусков никого не пускают. И у дверей трапезной собралась большая возмущённая толпа.

Помощник эконома вкратце объяснил толпе тот новый распорядок, когда бесплатное питание отныне полагается лишь тем, кто сегодня работает в монастыре, а посторонним в трапезную вход воспрещён. И тут все, не сговариваясь, посмотрели на бабу Надю, в тайном постриге монахиню Надежду. Сорок лет она проработала в трапезной монастыря, кормила и утешала людей, а теперь тихо угасала от рака в онкологическом центре. Собственно, баба Надя выпросилась в отпуск из больницы не ради бесплатных монастырских щей – ей хотелось перед смертью проститься с родной обителью и подышать таким родным для неё воздухом. Главный инженер монастыря тут же предложил бабе Наде свой пропуск в трапезную, но она лишь молча поклонилась ему и молча же ушла. И было так тягостно смотреть ей вслед, что не один человек тогда подумал: вот проработаешь всю жизнь в монастыре, а потом тебя вышвырнут вон, как старую ветошь, и даже обозначат словами – ты отныне здесь посторонний, а посторонним вход воспрещён.

Позже, конечно, сочинили небылицы, будто в монастыре был бунт и усмирять его вызвали спецназ. Разумеется, ничего подобного не было. Народ в монастыре в основном смиренный. Первыми смирились и ушли нищие, понимая, что монастырь не обязан их кормить. Бомжи, будучи людьми абсолютно бесправными, тоже ни на что не претендовали. Их и раньше из-за неопрятности не пускали в трапезную, но через специальное окошко в притворе выдавали по миске супа и хлеб. На этот раз заветное окно не открылось и бомжи, потоптавшись, ушли. Даже рабочие монастыря особо не роптали, но вместо того, чтобы отправиться за пропусками к отцу Евтихию, они пошли в ближайший гастроном, купили там кое-что покрепче лимонада и, как говорится, загуляли.

Словом, помощник эконома бился как рыба об лёд, пытаясь залатать дыры в монастырском бюджете: резко сократил расходы на питание за счёт введения пропусков, отказал в материальной помощи детдому и прочим просителям, а также ввёл систему платных услуг. Например, если раньше монастырские трактора бесплатно распахивали огороды многодетным семьям, инвалидам и своим рабочим, то теперь эти услуги стали платными.

Нововведений было много, но тем неожиданней стал итог. Вскоре стало нечем платить даже зарплату рабочим, ибо перестали поступать пожертвования от прихожан. И здесь надо пояснить, что монастырь, говоря по-старинному, был кружечный. То есть во время службы идут по храму монахи с подносами, а люди жертвуют на монастырь от своих щедрот. Раньше на подносах высились горы купюр в нашей и иностранной валюте. А тут ходят сборщики по храму неделю, другую, а на подносах лишь медные копейки.

- Отцы, - спрашивают их, - вы хоть на чай собрали?

- На чай собрали, но только без сахара.

Главное, куда-то исчезли спонсоры. На Луну они, что ли, все улетели? А энергетики, потребовав заплатить долги, вдруг отключили монастырь от электричества. В ту же ночь в монастырь забрались грабители, правда их успели вспугнуть. А наутро оттаяли холодильники и нестерпимо завоняло протухшей рыбой.

Нестроений было столько, что забеспокоились даже животные. Лошади тревожно ржали и

лягались. А кроткий монастырский бык Меркурий вдруг поддел на рога отца келаря, и тот лишь чудом спасся, успев залезть на крышу коровника. Залезть-то залез, а слезть не может – бык роет рогами землю и бросается на людей, не подпуская никого к коровнику. Сутки бедный келарь сидел на крыше, умоляя вызвать МЧС. Но в монастыре поступили проще – вызвали из отпуска отца эконома. Первым делом тот пристыдил быка:

- Меркуша, Меркуша, как тебе не стыдно? В святой обители живёшь, а так себя ведёшь?

И Меркуша, устыдившись, ушёл в свой загон. Потом отец эконом велел келарю накрыть в трапезной столы по архиерейскому чину, как это делалось при встрече высоких гостей.

- Что, митрополит с губернатором к нам приезжают? – оживился отец келарь, очень любивший парадные приёмы и умевший блеснуть на них.

- Бери выше, отче!

И келарь почему-то вообразил: к ним едет президент, тем более что переговоры о визите президента, действительно, велись. Надо ли объяснять, какой пир был уготован для столь высокого гостя? Золотистая севрюжья уха, расстегаи с сёмгой, жульен из белых грибов и рыжиков, блины с красной икрой – всего не перечислишь. Келарь очень старался. И он буквально потерял дар речи, когда отец эконом привёл в трапезную толпу нищих и каких-то страшных калек.

- Батюшка, да что вы творите? – закричал в негодовании помощник эконома.

- А творю я то, что творили наши отцы, – спокойно ответил отец эконом. – Читал ли ты, брат, Житие святого мученика архидиакона Лаврентия?

- А-а, того, что сожгли на костре? При чём здесь Лаврентий?

- А при том, что перед казнью царь потребовал у святого Лаврентия открыть, где спрятаны сокровища Церкви. И тогда архидиакон привёл к царю множество нищих, сырых, больных и увечных. «Вот, – сказал он царю, – главное сокровище нашей Церкви. И кто вкладывает своё имение в эти сосуды, тот получает вечные сокровища на Небе и милость Божью на земле».

После этого пира для нищих что-то изменилось в монастыре. Даже погода будто повеселела. А вскоре в монастырь приехали благотворители и не только с избытком заплатили долги, но и пожертвовали деньги на строительство богадельни.

Конечно, бывают в монастыре и сегодня периоды острой нужды. Отец эконом в таких случаях скорбит и всё же старается помочь обездоленным, памятуя мудрый совет царя Соломона: «Пускайте по водам хлеба ваши, и они возвратятся к вам».

А вот этого пускания хлебов по водам учёный помощник эконома не выдержал и перешёл на работу в банк.

* * *

Костёр догорел, и все ушли спать. И только мы с одной инокиней сидели у едва тлеющего костерка, и совсем не хотелось спать.

- А я ведь к Богу через деньги пришла, – засмеялась вдруг инокиня.

- Это как?

- А так. По образованию я химик, и перед перестройкой наша лаборатория разработала технологию производства красителей нового поколения, лучше и дешевле импортных. Передали мы наши разработки одной фирме, договорившись, что будем получать свой процент с прибыли. А в перестройку фирма обнищала и нашу лабораторию разогнали. Где я только потом не работала! Посуду мыла в кафе, торговала фруктами у азербайджанцев. Потом устроилась в книжный магазин. А на прилавке одно бульварное чтиво, гороскопы, магия, и хозяин внаглую пристаёт. Дала я отпор похотливому хозяину, а он избил меня.

Сижу дома злая-презлая и думаю: «Всё, куплю подержанный пулемёт».

- А почему, - спрашиваю, - подержанный?

- Да у меня и на подержанный денег не было. Но я уже до точки дошла - отстреливаться хочу. Тут приходит Наденька, соседка сверху. Хорошая девушка, скромная, добрая, в медицинском училище на пятёрки учится. Да случилась с ней по неопытности беда - ждёт ребёнка, а жених бросил. Мать-уборщица её из дома выгнала, требуя, чтобы шла на аборт. Дескать, сами живём на копейки, а ещё ребёнка кормить? Стонет Наденька в голос, заливаясь слезами. Жаль ей, сердечной, убивать ребёночка, а только, видно, выхода нет. И тут я так разозлилась, что уже расхрабрилась: Надя, говорю, запомни: русские живём не сдаются. Да прокормлю я тебя с ребёночком. Не убивай малыша, я вас прокормлю!

Отдала я Наде все свои деньги до копейки, до сих пор помню эту сумму - 507 рублей 20 копеек. Кстати, Наденька потом замуж вышла и ещё двоих родила. А я осталась тогда без денег, даже хлеб не на что купить. Ладно, думаю, займу у соседки снизу. Спускаюсь вниз, заглянула по пути в почтовый ящик, а там перевод на 50 720 рублей. Оказывается, та самая фирма выжила и, получив прибыль от наших красителей, перечислила нам процент. Но меня поразили даже не деньги, а эта мистика цифр: отдала я на ребёночка 507 рублей 20 копеек, а перевод на ту же самую сумму, но уже с нулями. И тут я заплакала, вспомнив покойную маму. Мама у меня верующая была, всегда бедным помогала и нас учила: «Всё отдал - богаче стал». Только раньше я в Бога не верила, а тут не пойму, что со мною творится - будто мама со мной говорит.

Зашла я в церковь помянуть маму, а там приглашают на экскурсию в Шамордино. Поехала я в Шамордино на день, а задержалась там на год. Монастырь в ту пору ещё только начинали восстанавливать, бедность была невероятная. А тут приезжает в Шамордино один бизнесмен и предлагает монастырю заняться коммерцией, организовав производство сувениров. А я в производстве понимаю. Придвинулась ближе и внимательно слушаю - вполне грамотный бизнес-план с предложением штамповать значки с изображением святых и выпускать полиэтиленовые пакеты с видами монастыря. Затраты копеечные, рабочая сила в монастыре бесплатная, и вполне реально, как утверждает бизнесмен, зарабатывать на этом миллионы. А мать игуменья спрашивает сестёр:

- Что, нужны нам такие миллионы?

- Нет, матушка, - отвечают, - не нужны. Богу и мамоне служить невозможно.

Я про себя возмущаюсь: как это им не нужны миллионы, если в монастыре нищета? Только позже мне открылся смысл того соблазна, когда монастыри пытались превратить в коммерческие предприятия. А тогда мы ушибленные были коммерцией и мечтали разбогатеть. Вот был у меня друг, большой любитель Достоевского. И любил он порассуждать о том, что Бог

и вся высшая гармония мира не стоят единой слезиночки ребёнка. А в перестройку он спекулировал просроченными лекарствами и про слезинку уже не вспоминал.

В монастыре всё было другое – непривычное и пока непонятное. Помню, работала со мной на послушании девушка из Сербии Здравка. От сестёр я знала, что на войне у неё убили жениха, мать с отцом и братьев. У меня бы сердце разорвалось от горя, а она работает и поёт: «Христос воскрес из мертвых!» Как можно петь, потеряв близких? Хотела задать ей этот вопрос, но постеснялась. А Здравка без слов меня поняла и говорит:

- Знаешь, когда нас убивали, то стало понятно: надо выбирать – хлеб или крест. И когда мы выбрали крест, сердце стало радостным и свободным.

А ещё меня поразил один случай. В монастыре работала бригада православных мастеров с Украины. И ради Господа нашего Иисуса Христа они брали за работу совсем дёшево, хотя работа была дорогостоящей – надо было перекрыть крышу храма и установить крест. На Пасху и на Троицу украинцы ездили домой, чтобы повидать свои семьи и передать им заработанные деньги. На Украине тогда трудно жилось и люди очень нуждались. И вот перед Троицей собрались они ехать домой, а в последний момент обнаружилось, что монастырю не перечислили обещанные деньги и заплатить рабочим нечем. Что случилось, непонятно, и когда будут деньги, неизвестно. Мать Амвросия плачет и стыдится объявить рабочим, что напрасно их семьи ждут кормильцев с деньгами. А рабочие уже пришли в бухгалтерию за зарплатой, и такие они радостные. Мать Амвросия укрылась от них в храме, пала ниц пред иконами и плачет так, что пол уже мокрый.

Входит тут в храм женщина с большим узлом, в котором увязаны, похоже, буханки хлеба.

- Кому, – спрашивает, – отдать?

- Отдайте за свечной ящик, – говорит ей мать Амвросия, а сама всё плачет.

Наплакалась, наконец, развязала узел, а там пачки денег в банковской упаковке. Отнесла она быстренько деньги в бухгалтерию и бросилась догонять ту женщину. Весь монастырь обыскали, а никто этой женщины не видел, и привратница утверждала, что ни одна женщина не входила в монастырь и не выходила из него в эти часы. Сколько же дивного я видела в Шамордино! А когда над храмом установили крест, то над ним воссиял столп света.

...Инокиня замолчала, и в тишине стало слышно, как в скиту ударил колокол, обозначая, что через пятнадцать минут, в два часа ночи, начнётся полунощница.

- Ох, на полунощницу опоздаю, пойду, – спохватилась инокиня. – Простите меня, что заболтала я вас.